

К О Н ИГГУЛЬДЕН

Волк равнин / Повелители стрел

«Я ЗЕМЛЯ,
Я КОСТИ ХОЛМОВ.
Я ЗИМА».

✪ ЧИНГИСХАН • ХРОНИКИ ЗАВОЕВАТЕЛЯ • ✪

The Big Book. Исторический роман

Конн Иггульден

Волк равнин. Повелители стрел

«Азбука-Аттикус»

2007, 2008

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Иггульден К.

Волк равнин. Повелители стрел / К. Иггульден — «Азбука-Аттикус», 2007, 2008 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-21557-3

Тэмучжину, второму сыну хана племени Волков, лишь одиннадцать, но отец его погиб, семья изгнана племенем и, казалось, обречена на гибель без еды и крова. На бескрайних просторах монгольских равнин мальчику придется рано повзрослеть, научившись противостоять как людям, так и стихии. Глядя, как семья присоединяет к себе чужаков, прирастая силой, Тэмучжин увидел могучую будущность в объединении враждующих племен. Ему суждено сделать это. Он станет подлинным повелителем моря травы, Чингисханом. Веками племена враждовали друг с другом. Теперь, при Чингисхане – человеке, который живет битвой и кровью, – они объединились в одну нацию. Его армия наводит ужас на противника, растет число его всадников, растет его властолюбие, крепнет легенда о нем. На пути надменный город Яныцзин, высоким стенам которого суждено испытать на себе неистовую дерзость Чингисханова войска, его упорство, пред которым вынужден будет преклонить колени сам император.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21557-3

© Иггульден К., 2007, 2008
© Азбука-Аттикус, 2007, 2008

Содержание

Волк равнин	6
Пролог	8
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	58
Глава 10	63
Глава 11	71
Глава 12	78
Глава 13	83
Глава 14	88
Глава 15	95
Глава 16	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Конн Иггульден

Волк равнин. Повелители стрел

Conn Iggulden

WOLF OF THE PLAINS

Copyright © 2007 by Conn Iggulden

LORDS OF THE BOW

Copyright © 2008 by Conn Iggulden

All rights reserved

© Н. В. Некрасова, перевод, 2010

© И. А. Метлицкая, перевод, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Волк равнин

Моим братьям Джону, Дэвиду и Хэлу

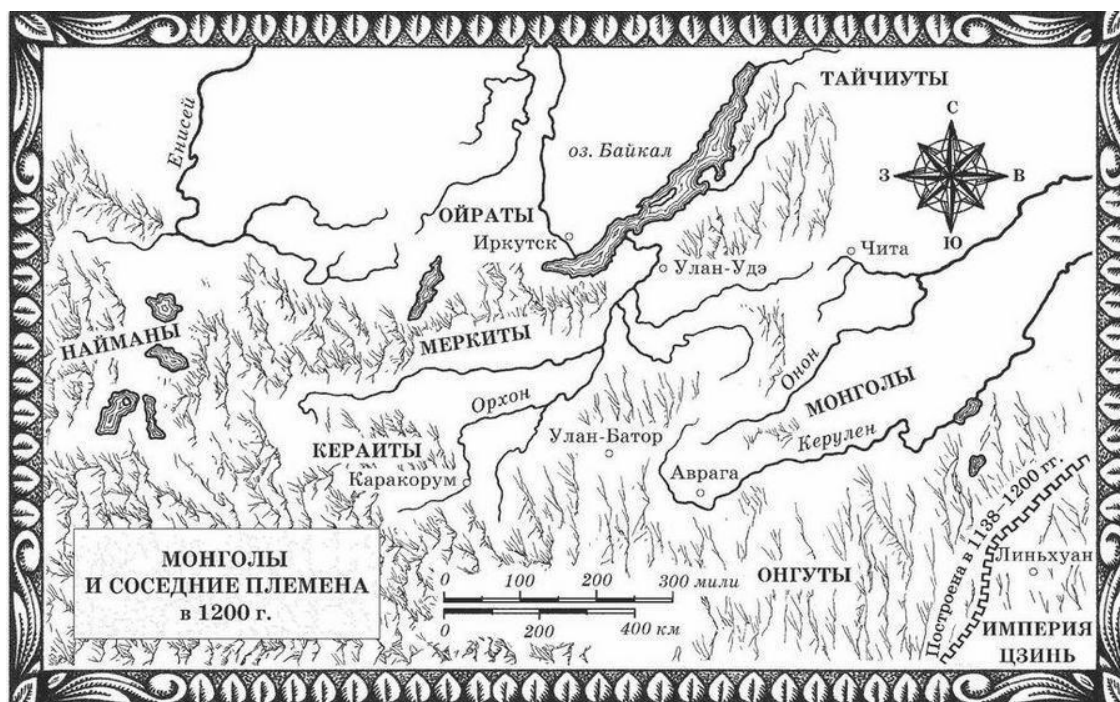
*Свора правителей – зло,
Царь один должен быть у народа.*

Гомер. Илиада

Эта книга никогда бы не была написана без народа Монголии. Без людей, позволивших мне жить среди них и рассказывавших о своей истории за чаем с солью и водкой, пока зима плавно перетекала в весну.

Особая благодарность Мэри Клементс за советы о лошадях и Шейле Броутон, чьи великоленные научные работы позволили написать большую часть этого романа.

Пролог

Бесновалась метель, залепляя колючим снегом глаза воинов. Монгольские лучники окружали татарский отряд. Их низкорослые лошади чутко повиновались легким движениям колен. Монголы, привстав на стременах, в полном молчании выпускали стрелу за стрелой и точно попадали в цель. Сквозь завывания ветра были слышны только вопли раненых и топот коней. Татарам не было спасения от смерти: она со свистом летела на темных крыльях битвы со всех сторон. Лошади с диким ржанием падали на колени, из ноздрей их текла яркая кровь.

Стоя на выступе желто-серой скалы, Есугэй следил за ходом боя, плотно укутавшись в меха. Стоголосьм демоном был над равниной ветер, обжигая его кожу там, где она не была смазана бараньим жиром. Есугэю все было нипочем. Он уже столько лет вел такую жизнь, что почти ничего не чувствовал. Суровая природа была частью его жизни, как и воины, которыми он повелевал, как и враги, которых он уничтожал.

Есугэй презирал татар, хотя и отдавал противникам должное: им было не занимать мужества. Он увидел, как они сплотились вокруг молодого воина. Услышал его голос, перекрывший даже вой ветра. Татарин был в кольчуге. Есугэй и сам страстно желал иметь такую кольчугу. Он завидовал врагу. А тот остановил своих всадников резкими окриками и не позволил им броситься врассыпную. И тогда Есугэй понял, что пора вступить в дело ему самому. Его арван – девять лучших воинов племени, кровных братьев и сородичей – почувствовал это. Его товарищи, достойные носить дорогие доспехи из вареной кожи с вышитым на них скачущим волком.

– Вы готовы, братья мои? – спросил Есугэй, чувствуя на себе взгляды соратников.

Одна из кобыл взволнованно заржала, а его первый воин, Илак, усмехнулся.

– Ради тебя мы перебьем их, младший брат, – сказал он, почесывая лошадь меж ушами.

Есугэй ударил коня пятками, и они легкой рысью двинулись в сторону кипевшей битвы. С высоты они видели яростную круговерть пурги и ощущали злобную силу ветра и снега, что также участвовали в схватке. Есугэй, глядя на простертую над хрупкими фигурками воинов руку Отца-неба, из которой сыпался лед, в благоговейном ужасе зашептал молитву.

Воины перешли в галоп, не перестраиваясь и даже не задумываясь об этом, поскольку каждый с младенчества умел оценивать расстояние. Они думали только о том, как ловчее скинуть врага с седла и быстрее бросить его тело остывать на равнине.

Арван Есугэя врезался в самую гущу сражения, устремляясь к татарскому предводителю, который раскрыл себя лишь в последние мгновения. Если тот останется в живых, то, возможно, станет для своего племени факелом, за которым все и последуют. Конь Есугэя налетел на какого-то татарина, и монгол усмехнулся. Сегодня этот факел угаснет.

Страшный удар – и спина татарского воина переломилась как раз в тот миг, когда он повернулся лицом к новой опасности. Есугэй, держась за гриву коня, наносил удары мечом направо и налево, и враги падали мертвыми, словно осенние листья. Два раза он поберег отцовский клинок: одного противника затоптал конем, а другого – ударил рукоятью, как молотом. И тут Есугэй оказался в самой гуще сражающихся татар. Девять воинов Есугэя были по-прежнему с ним, оберегая жизнь своего хана согласно клятве, данной еще в детстве. Даже не оборачиваясь, он знал, что спина его прикрыта. Об этом говорил и мечущийся взгляд татарского предводителя. Тот видел свою смерть на их плоских ухмыляющихся лицах. А вокруг лежали мертвые, пронзенные стрелами тела его воинов. Татары были разбиты.

Есугэй обрадовался, заметив, что татарин поднялся в стременах и показал на него длинным окровавленным клинком. В глазах его не было страха – лишь гнев и досада, что этот день не принес ему удачи. Сегодняшний урок уже не пойдет на пользу холодеющим трупам,

но Есугэй знал, что татарские племена скоро поймут значение этого разгрома. Когда наступит весна, они найдут почерневшие кости своих воинов и больше не осмелятся угонять его стада.

Есугэй и татарин смотрели в глаза друг другу. Есугэй ухмылялся, татарин хмурился. Нет, проигравшие ничему не научатся. Уж если татарину что-то взбрело в голову, то он лучше умрет, чем откажется от своей идеи. Назло. Проигравшие сегодня, они вернутся завтра, и Есугэй опять будет сражаться и проливать еще больше поганой крови. Впрочем, эта мысль была ему приятна.

Он разглядывал татарина, бросившего ему вызов. Совсем молодой. Есугэй вспомнил о своем ребенке, который сейчас, должно быть, появляется на свет там, за восточными холмами. Он размышлял о том, не суждено ли и его сыну когда-нибудь увидеть лицо седого закаленного воина на расстоянии клинка, грозящего смертью.

– Как твое имя? – прокричал Есугэй.

Сражение вокруг них уже стихло, монголы бродили среди трупов, снимая с них все ценное. Ветер завывал с прежней силой, но вопрос был услышан, и Есугэй отметил, что его юный противник на мгновение нахмурился.

– А твое, хрен ячий?

Есугэй хмыкнул. Он уже устал, кожу на лице начало саднить от ветра. Монголы шли по следу татар почти два дня, без сна и отдыха, питаясь только размоченным грутом¹. Меч Есугэя был готов забрать еще одну жизнь, и монгол поднял клинок.

– А тебе что за дело, мальчишка? Иди ко мне.

Возможно, татарский воин увидел в глазах Есугэя что-то более страшное, чем стрела, от которой можно увернуться. После краткого размышления татарин кивнул:

– Мое имя Тэмучжин-Уге. За мою смерть отомстят. Я сын великого рода.

Он ударил коня пятками и устремился к Есугэю. Меч хана свистнул в воздухе единственный раз. Тело татарина упало к ногам Есугэя, а конь его понесся по полю.

– Ты пожива для стервятников, мальчишка, – произнес Есугэй. – И такая судьба уготована каждому, кто осмелится угонять мои стада.

Он обвел взглядом собравшихся воинов. Сорок семь человек покинуло свои юрты по зову Есугэя. Четырех бойцов они потеряли, зато ни один из двадцати татар домой уже не вернется. Цена набега, конечно, высока, но зима всегда доводит людей до крайностей.

– Обыщите трупы, да побыстрее, – приказал Есугэй. – Домой возвращаться поздно. Переночуем под скалами.

Металл и луки были весьма ценной добычей. Их можно продать или взять себе вместо сломанного оружия. Но если не считать кольчуги, нынешняя добыча была скудной. Это еще раз подтверждало догадку Есугэя: татары, которых они разбили, были просто юными воинами, которые пошли в набег, чтобы снискать славу. Они не намеревались биться насмерть на этой твердой как камень земле. Он поймал брошенную ему окровавленную кольчугу и обернул вокруг передней луки седла. Кольчуга была превосходной и могла защитить от кинжала. Кем же был этот молодой воин, раз владел такой дорогой вещью? Есугэй непрерывно повторял про себя его имя. А потом пожал плечами и решил, что имя убитого уже не имеет значения. Он обменяет свою долю коней на крепкое питье и меха, когда племена сойдутся для торга. Если не считать пробирающего до костей холода, день выдался удачный.

Метель не утихла и на следующее утро. Есугэй и его люди возвращались в улус². Только выделенные на случай нападения караульные ехали налегке, остальные были так нагружены

¹ Грут – твердый сушеный творог. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Улус – родо-племенное объединение с определенной территорией, подвластное хану. (Примеч. ред.)

мехами и добычей, что казались совершенно бесформенными и почти целиком покрылись слоем грязного льда и бараньего сала.

Племя выбрало хорошее место для улуса – у подножия каменистого холма, покрытого лишайником. Среди снегов юрты были почти незаметны. Совсем стемнело, лишь тусклый свет за спиной у воинов пробивался сквозь клубящиеся облака снежной пыли. Однако их возвращение заметили глазастые мальчишки, следившие, чтобы под покровом ночи никто не застал племя врасплох. Есугэй возрадовался, услышав звонкие голоса, возвещающие о прибытии воинов.

«Женщины и дети племени вряд ли успеют нас встретить», – подумал он.

Такими холодными ночами женщины просыпаются лишь для того, чтобы поддержать огонь в очагах. А время подниматься настанет часа через два, когда колючий снег выпустит из своих объятий большие сонные жилища из жердей и войлока.

Когда кони подошли ближе, Есугэй услышал крик, поднявшийся из юрты Оэлун подобно серому дыму, и от нетерпеливого ожидания его сердце часто-часто забилося. Смерть всегда ходит так близко к новорожденным! У него уже был сын, еще младенец, но хану надобно столько наследников, сколько сможет вместить его юрта. Есугэй зашептал молитву, прося еще об одном мальчике, о брате первому.

Хан услышал, как высоким резким голосом закричал в юрте ястреб, и спрыгнул с седла. Его кожаные доспехи поскрипывали при каждом шаге. Он едва заметил, как подхватил поводья закутанный в меха слуга, всегда стоящий наготове. Есугэй распахнул деревянную дверь и вошел в юрту. Снег на доспехах мгновенно растаял от жары и стек вниз, оставив на полу лужицы.

– Ха! Вон пошли! – смеясь, отогнал Есугэй двух своих псов, в безумной радости прыгавших вокруг и норовивших лизнуть его в лицо.

Ястреб закричал, приветствуя хозяина. Но тот, конечно, понимал, что птица не так уж привязана к нему, скорее, ей хочется незамедлительно отправиться на охоту. Старший сын, Бектер, ползал в уголку голышом, играя твердыми катышками грута. Все это Есугэй заметил, не отрывая взгляда от женщины, лежавшей на мехах. Оэлун покраснелась от жара очага, а глаза ее сияли в золотистом свете лампы. Красивое счастливое лицо блестело от пота. Она вытерла рукой лоб, оставив на нем пятнышко крови. Рядом возилась повитуха со свертком. По улыбке Оэлун Есугэй понял, что у него родился еще один наследник.

– Дай его мне, – потребовал Есугэй, шагнув вперед.

Повитуха попятилась, раздраженно поджав сморщенные губы.

– Ты раздавишь его своими лапищами. Пусть поест материнского молока. Потом, когда окрепнет, возьмешь на руки.

Однако Есугэй не мог удержаться. Вытянув шею, он смотрел на новорожденного. Навис над сыном, словно туча, в своих мехах. Повитуха положила ребенка и стала вытирать тряпками маленькие ручки и ножки. Младенец отчаянно завопил. А Есугэю показалось, что этим криком сын приветствует отца.

– Он узнал меня, – с гордостью произнес хан.

– Он еще слишком мал, – фыркнула повитуха.

Есугэй не ответил. Он с улыбкой глядел на краснолицего младенца, но вдруг его лицо перекошилось от злобы, и он грубо схватил старуху за плечо.

– Что у него в руке? – прошипел он.

Повитуха собиралась как раз вытирать маленькие пальчики. Под яростным взглядом Есугэя она осторожно разжала младенческий кулачок, открыв сгусток крови величиной с глаз. Черный комок вздрагивал от малейшего движения и маслянисто блестел. Оэлун приподнялась, чтобы увидеть, что так привлекло внимание Есугэя. Заметив черный сгусток, она застонала.

– У него в правой руке кровь, – прошептала она. – Всю жизнь он будет ходить со смертью рука об руку.

Резко втянув воздух, Есугэй пожалел, что жена не промолчала. Неосмотрительно привлекать внимание злой судьбы к только что родившемуся. Некоторое время он сидел молча, погруженный в размышления. Повитуха продолжала суетиться, вытирать и кутать младенца. Сгусток крови поблескивал на тряпках. Есугэй взял его, и комок задрожал на его ладони.

– Он родился со смертью в правой руке, Оэлун. Так и должно быть. Он сын хана, и смерть – его верный спутник. Он станет великим воином.

Младенца наконец отдали его измученной матери. И Есугэй наблюдал, как жадно малыш схватил сосок, лишь только его вложили ему в ротик. Оэлун, поморщившись, прикусила губу. А хан все никак не мог успокоиться.

– Брось кости, матушка, – обратился он к повитухе. – Посмотрим, добро или зло принесет Волкам этот сгусток крови.

Взгляд его был холоден, и не стоило никому объяснять, что от этого гадания зависит жизнь младенца. Есугэй был ханом и не мог проявлять слабость. Только силы, только холодного разума ожидало от него племя. Он и хотел бы надеяться, что его слова отвратили зависть Отца-неба, однако страшился, что пророчество Оэлун все же исполнится.

Повивальная бабка потупилась. Она понимала, что в таинство появления наследника на свет вторглось что-то чужое и страшное. Порылась в лежавшем у очага мешочке с бараньими бабками³, раскрашенными мальчиками племени в красный и зеленый цвета. Такие бабки раскидывают по любому поводу. И по тому, как они ложатся, дают имена коням, коровам, овцам или якам. Старики же знали, что если их бросить в нужное время и в нужном месте, то они откроют очень многое. Повитуха подняла было руку, чтобы кинуть их, но Есугэй внезапно удержал ее. Она даже поморщилась – с такой силой он схватил ее.

– Он моя кровь, мой маленький воин. Дай их мне, – велел он и забрал у старухи четыре кости.

Она не сопротивлялась, оцепеневшая от жуткого выражения на его лице. Даже псы и ястреб замерли. Есугэй бросил кости, и повитуха ахнула, увидев, что выпало.

– Аййй! Четыре коня! Большая удача! Он станет великим всадником. Он будет завоевывать мир, сидя в седле! – закивал с облегчением и гордостью Есугэй.

Он хотел немедленно показать новорожденного сына людям племени и сделал бы это, если бы вокруг юрты не бушевал буран, выскивающий малейшую лазейку, чтобы проникнуть в тепло. Холод был врагом людей, но он же делал их сильными и выносливыми. В такие лютые зимы старики мучаются недолго. Слабенькая детвора тоже быстро вымирает. А вот его сын будет не из таких.

Есугэй наблюдал за крохотным комочком, присосавшимся к материнской груди. У мальчика были золотистые, как и у него, глаза, на свету почти желтые, будто у волка. Оэлун посмотрела на отца ее малыша и кивнула ему. Гордость заглушила все тревоги. Она была уверена, что кровь – дурной знак, но кости немного успокоили ее.

– Как ты его назовешь? – спросила повитуха у Оэлун.

– Имя моего сына Тэмучжин, – не сомневаясь ни на мгновение, ответил Есугэй. – Он будет железным.

Снаружи по-прежнему неистовствовал буран и, похоже, надолго.

³ Бабки – специально обработанные кости нижних надкопытных суставов ног коров, свиней, овец. (Примеч. ред.)

Часть первая

Глава 1

Одним прекрасным весенним днем двенадцатилетний Тэмучжин скакал по степи вместе со своими четырьмя братьями. Они неслись в тени горы Делиун-Болдах. Старший, Бектер, мчался на серой кобылице. Великолепный наездник, он целиком сосредоточился на скачке. Тэмучжин приноровился к ходу его коня и поджидал лишь той минуты, когда можно будет обогнать старшего брата. Вслед за ними скакал Хасар, бешено улюлюкая и нагоняя вырвавшихся вперед братьев. Десятилетний Хасар, любимец племени, был столь же весел, сколь мрачен и серьезен был Бектер. Чубарый жеребец фыркал и ржал вслед кобылке старшего брата, что страшно веселило Хасара. За ним галопом неслись Хачиун. Этому восьмилетнему мальчику не доставало открытости, за которую все любили Хасара. Хачиун казался самым серьезным из братьев, даже скрытным. Он говорил редко и никогда не жаловался, как бы Бектер его ни доставал. В обращении с лошадьми Хачиуну не было равных. Он мог заставить скакуна мчаться с невероятной скоростью даже тогда, когда другие лошади уже выдыхались. Тэмучжин через плечо бросил взгляд на Хачиуна. Тот уверенно держался в седле. Казалось, мальчик просто лениво тащится в хвосте, но он и прежде удивлял всех мастерством и неожиданной скоростью, так что Тэмучжин держал ухо востро.

А где-то далеко-далеко позади жалобно кричал самый младший из братьев, умоляя подождать его. Тэмуге слишком любил сладости и безделье, что сказывалось на его ловкости. Тэмучжин усмехнулся при виде пухлого мальчишки, размахивавшего руками в надежде подстегнуть коня. Мать предупреждала, чтобы они не втягивали младшего в свои шальные приключения. Тэмуге едва вышел из того возраста, когда детей еще привязывают к седлу. И когда он отставал от братьев, то начинал реветь. Бектеру еще придется сказать Тэмуге ласковое словечко.

Мальчишеские голоса далеко разносились по весенней степи. Братья неслись во весь опор. Словно птицы, сидели они на спинах своих низкорослых лошадок. Есугэй гордился их мастерством и однажды назвал сыновей воробьями. Тэмучжин сказал Бектеру, что тот слишком жирный для воробья, а потом целую ночь прятался от рассерженного брата.

Но в этот день все племя было в прекрасном расположении духа. Пришли вешние дожди, реки снова наполнили берега и потекли, извиваясь, по равнинам, где еще вчера была только потрескавшаяся земля. Кобылицы приносили вдоволь теплого молока. Его пили, из него делали сыр и холодный кумыс. На холмах уже пробивалась первая зелень, а вместе с ней появилось предчувствие лета и теплых дней. Это был год курултая. Еще до начала зимы племена соберутся вместе для состязаний и торговли. Есугэй объявил о своем решении, что в этом году семьи Волков отправятся в длительную кочевку, на тысячу миль, чтобы пополнить стада. Мальчики предвкушали удовольствие, которое принесут им состязания борцов и лучников, и поэтому вели себя как можно лучше. Их воображение больше всего будоражили предстоящие скачки. О них-то они и мечтали, мчась по степи сломя голову. Все мальчики, кроме Бектера, тайком ходили к матери, Оэлун, и упрашивали ее замолвить словечко перед Есугэем. Все они хотели участвовать в скачках на длинные или короткие дистанции, чтобы заслужить себе имя и всеобщее уважение.

По неписаному закону мальчик, вернувшийся в родную юрту со званием «несравненный всадник» или «победитель коней», займет однажды место отца, когда тот уже не сможет присматривать за своими стадами. Поэтому все сыновья Есугэя, за исключением, конечно, толстяка Тэмуге, не могли думать ни о чем другом. Тэмучжина злило, что место отца должен

занять Бектер, словно разница в пару лет так уж важна. Отношения между братьями стали натянутыми, когда старший вернулся, проведя год женихом вне племени – у невесты. Он каким-то непонятным образом вдруг повзрослел. Правда, самым высоким по-прежнему оставался Тэмучжин. И новый Бектер оказался не слишком-то веселым товарищем.

Сначала Тэмучжин думал, что это игра, что старший брат только делает вид, будто теперь он стал взрослым. Мрачный юноша уже не говорил первое, что придет в голову. Наоборот, он взвешивал каждое слово, прежде чем оно слетало с его уст. Тэмучжин насмеялся над его невесть откуда взявшейся серьезностью, но вот прошла зима, а брат так и не изменился. Его напыщенный нрав порой казался Тэмучжину забавным, но в глубине души он с уважением относился к рассудительности Бектера. Хотя по-прежнему не признавал его права наследовать юрты и меч отца.

Тэмучжин следил за Бектером, чтобы не позволить старшему брату вырваться вперед. Слишком уж хороший день, чтобы задумываться о далеком будущем. Тэмучжин мечтал, как четверо братьев – а с Бектером пятеро – покажут свою силу и ловкость на собрании племен. Есугэй раздуется от гордости, а Оэлун обнимет всех по очереди и назовет своими маленькими воинами, любимыми наездниками. Даже Тэмуге в свои шесть лет может участвовать в скачках, хотя велика опасность, что он свалится с коня. Тэмучжин нахмурился, когда Бектер обернулся посмотреть, насколько он всех обгоняет. Несмотря на их тайные поползновения, Есугэй еще ни одному не дал разрешения участвовать в скачках.

Оэлун была снова брюхата и уже на сносях. На сей раз она переносила беременность очень тяжело, не так, как прежде. Каждый день ее рвало с утра и вечером – рвало так сильно, что на лице под кожей появлялись маленькие кровавые точки. Ее сыновья вели себя тише воды ниже травы, а Есугэй беспокойно расхаживал по юрте. Наконец хан устал от их опасливых взглядов и напряженного молчания и велел выгулять лошадей, застоявшихся в течение долгой зимы. Тэмучжину хотелось поболтать с отцом, но Есугэй подхватил его властной рукой и забросил на спину жеребца с белыми бабками. Мальчик кувыркнулся в воздухе, приземлился на спину коня и пустил его вскачь. Белоногий был злым, кусачим зверем, но отец знал, что именно он – любимец мальчика.

Есугэй смотрел, как сыновья садятся на коней, но на его широком мрачном лице не было видно и проблеска гордости. Как и его отец, он был не из тех, кто показывает свои чувства, особенно перед сыновьями. Нельзя, чтобы мальчишки размякли. Они должны бояться отца. Но порой ему так хотелось схватить мальчишек и подбросить их к небесам! Вот как сильно он радовался тому, что они у него есть. Он знал о сыновьях многое, потому что любил их. Знал, например, кто какую лошадь предпочитает. Однако об отцовских чувствах сыновья могли догадаться только по блеску в его глазах, как и сам Есугэй некогда лишь догадывался, что думает о нем и что чувствует к нему отец. Есугэй ценил воспоминания, потому что трогательные моменты были редкостью. Он помнил ту минуту, когда отец неожиданно-негаданно проворчал нечто одобрительное, заметив, как искусно сын закрепил веревкой тяжелый груз на коне. Это была такая малость, но с тех пор Есугэй вспоминал старика каждый раз, когда затягивал узел, крепко упираясь коленом в тюк. Он смотрел, как мальчики уносятся навстречу яркому солнечному свету, и только тогда, когда они, обернувшись, уже не смогли бы его разглядеть, жесткие черты лица его смягчились. Отец научил Есугэя тому, что требуется от сурового мужчины в суровом краю. И тот знал, что его наследникам тоже придется сражаться с врагами, терпеть голод и жажду, если им вообще суждено достичь возраста мужчины. Только один из них сможет стать ханом племени. Остальные либо будут верно служить ему, либо оставят племя, забрав свою долю коз и овец. Есугэй тряхнул головой, глядя, как клубится пыль, потревоженная копытами пятерых коней. Словно само грядущее нависало над степью, а мальчишки видели перед собой только весну и зеленые холмы.

Солнце ярко сияло на лице несущегося на коне Тэмучжина. Он воспарил духом от быстрой скачки и бьющего в лицо ветра. Впереди кобылка Бектера споткнулась о камень, но быстро выправилась. Старший брат сердито ударил кобылу по голове, но расстояние между ним и Тэмучжином все равно уменьшилось, и тот заулюлюкал, словно собрался обогнать Бектера. Однако время еще не пришло. Он любил вырываться вперед, хотя ему нравилось и подгонять старшего, потому что получал удовольствие, видя, как злится брат.

Бектер здорово вырос, уже было ясно, каким мужчиной он будет – широкоплечим и чрезвычайно выносливым. Проведя у олхунутов год женихом, он теперь делал вид, что приобрел житейский опыт и знания, и не упускал случая их показать. Это раздражало Тэмучжина, словно заноза в пальце, особенно в те минуты, когда братья засыпали Бектера вопросами о племени, в котором родилась их мать, требовали рассказать об их обычаях. Тэмучжину тоже хотелось это знать, но он мрачно решил, что подождет, когда Есугэй отправит его в другое племя, и тогда сам во всем разберется.

Только вернувшись из племени своей жены, молодой воин считается настоящим мужчиной. Лишь когда у девушки появляется первая кровь, ее с почетом, достойным ее положения, сопровождают в племя мужа. Для нее уже будет готова юрта, и молодой муж будет ждать ее у дверей, чтобы ввести в свой дом.

В племени Волков юноши могли вызвать на борьбу взрослых воинов хана, не дожидаясь того времени, когда их станут считать полноправными мужчинами. И Бектеру тоже не терпелось сразиться. Тэмучжин хорошо помнил тот случай, когда старший брат подошел к костру у юрты Есугэя – там сидели несколько воинов. Спрятавшись в тени, мальчик взирал тогда на брата с благоговейным страхом. Бектер кивнул собравшимся, и трое мужчин встали, чтобы проверить, не размяк ли он, проведя год у олхунутов. Тэмучжин со стороны наблюдал за ними. К нему присоединились Хасар с Хачиуном и тоже замерли, притихли. Бектер боролся со всеми троими мужчинами по очереди, без жалоб и стонов переносил жестокие удары. Последним был Илак. Гора мышц с огромными руками. Он бросил Бектера оземь так сильно, что у того из уха потекла кровь, но после этого, к удивлению Тэмучжина, Илак помог юному борцу встать и протянул ему чашу горячего черного арака. Бектер чуть не захлебнулся жгучим питьем, смешавшимся с его собственной кровью, но воины, казалось, не обратили на это внимания.

Тэмучжин был доволен: на его глазах старшего брата отделили почти до бесчувствия. Но он не мог не отметить, что мужчины у ночного костра теперь без презрения смотрели на Бектера. Отважный юноша почувствовал уверенность в своих силах. Может быть, внешне это было не так заметно, но зато весьма важно для него самого. С тех пор старший брат стал досадной помехой, острым камнем на пути Тэмучжина.

Братья скакали по степи под вешним солнцем, вовсе не стремясь как можно скорее попасть в назначенное место, как это будет на состязаниях среди племен. Зима слишком уж недавно закончилась, чтобы торопиться и подгонять коней. Мальчики очень хорошо понимали, что нельзя изматывать животных, пока те еще не нагуляли жирок на доброй сочной траве. Это была скачка без криков и улюлюканий толпы. И не было чувства, что нужно непременно быть первым. От сегодняшних соревнований ничего не зависит, но, когда братья прискачут, они все равно будут спорить до хрипоты, кто где слукавил и кто победил.

Лошадь Бектера неслась на большой скорости, а сам он так прямо держался в седле, что казался почти неподвижным. Тэмучжин знал: это лишь видимость. Бектер еле заметно, но властно управлял серой кобылкой, все еще свежей и сильной. Ничего, сейчас он получит. Тэмучжин скакал, пригнувшись в седле, как Хасар, – почти распластавшись на шее коня. Ветер усиливался, и братья знали, что лучше ехать именно так.

Почувствовав, как начал выдвигаться вперед Хасар, Тэмучжин взбодрил Белоногого. Конь фыркнул, будто обозлился. Мальчик краем глаза уже видел младшего брата и решил чуть

отклониться, будто случайно, чтобы Хасар сбился с курса. Тот угадал его замысел и придержал лошадь. Тэмучжин усмехнулся.

«Мы слишком хорошо знаем друг друга, чтобы состязаться», – подумал он. Но тут оглянулся Бектер, и глаза братьев на мгновение встретились. Тэмучжин оскалил зубы.

– Я иду! – крикнул он. – Попробуй меня остановить!

Бектер отвернулся, ощутив вдруг неприязнь к брату. Старший не так уж часто скакал вместе с «малышней», но раз он сегодня здесь, подумал Тэмучжин, то сейчас наверняка покажет, как должен мчаться на коне настоящий воин. Он так легко не сдастся, поэтому Тэмучжин собрал все силы, чтобы одолеть соперника.

Хасар без труда нагнал обоих и почти поравнялся со старшими – Тэмучжин не успел загородить ему путь. Мальчики переглянулись: на их лицах сияли улыбки, и это означало, что они в полной мере понимают друг друга – день такой славный, а скакать по весенней степи так здорово. Долгая темная зима позади, но очень скоро она вернется, так что нужно получать удовольствие от солнца и теплого ветра, пока еще можно. Разве где-то есть другая жизнь, лучше этой? Сейчас у племени много жирной баранины, а стада скоро снова дадут приплод. Значит, найдется чем кормиться и что продавать. Вечерами можно будет оперять стрелы и заплетать конские хвосты в косицы, петь песни, слушать сказки и легенды разных племен. Есугэй разгонит молодых татар, что осмеливаются угонять стада племени, и Волки по-прежнему станут вольно и спокойно кочевать по степи от реки к реке. Надо будет, конечно, много трудиться, но найдутся и свободные часы – ведь летом дни такие длинные. А вот зимой уж не погуляешь, где хочешь. Зачем уходить от родных юрт, если темной ночью тебя может укусить одичавшая собака? С Тэмучжином однажды такое случилось. Тогда он был чуть постарше Хачиуна, и с тех пор ему так и не удалось избавиться от страха перед собаками.

Хасар обернулся на Хачиуна посмотреть, не собирается ли тот сделать рывок к верхушке травянистого холма, и тут заметил Тэмуге, упавшего с лошади. Хасар всегда утверждал, что у него самый острый глаз во всем племени, и действительно первым разглядел неподвижное пятнышко. Он решил остановиться. Свистнул Бектеру и Тэмучжину и дал им знак, что выходит из скачки. Мальчики обернулись, увидели лежащего на земле Тэмуге. Несколько мгновений они размышляли, стоит ли останавливаться, так как не желали уступать друг другу. Затем Бектер пожал плечами, словно победа в скачке для него ничего не значила, и развернул лошадь в обратную сторону. Тэмучжин не отставал, и так они помчались следом за младшими братьями. Теперь они догоняли остальных. Впереди скакал Хачиун, хотя сейчас вряд ли он думал о том, чтобы оказаться первым. Восьмилетний Хачиун был Тэмуге ближе всех по возрасту и провел много долгих вечеров, обучая младшего говорить и запоминать названия вещей, проявляя при этом необыкновенное терпение и доброту. Возможно, именно поэтому Тэмуге говорил лучше своих сверстников, хотя безнадежно уступал Хачиуну в ловкости при вязании узлов. Младший сын Есугэя был пухлым и неуклюжим, и если мальчикам сообщили бы, что кто-то упал с лошади, то они без малейшего сомнения сказали бы, что это Тэмуге.

Тэмучжин подъехал к остальным, спешил. Хачиун вместе с Хасаром уже поднимали и усаживали Тэмуге.

Мальчик был очень бледен. Хачиун легонько пошлепал его по щекам и поморщился: голова Тэмуге безвольно качнулась.

– Да очнись ты, маленький воин, – потребовал Хачиун.

Ответа не было. Тень Тэмучжина упала на них, и Хачиун посторонился, уступая место старшему брату.

– Я не видел, что он упал, – шепнул Хачиун, словно что-то изменилось бы, если б увидел.

Тэмучжин кивнул и стал умело ощупывать Тэмуге в поисках переломов или ран. На голове под темными волосами обнаружилась шишка. Он легонько потрогал ее.

– Ударился, но череп вроде цел. Дайте-ка воды.

Он протянул руку, и Хасар снял с седла кожаный бурдюк, вырвал зубами затычку, налил немного теплой воды в раскрытый рот Тэмуге.

– Смотри, чтоб не захлебнулся, – вернул Бектер, напомнив остальным, что он-то еще сидит верхом, а значит, как бы присматривает за младшими.

Тэмучжин не удосужился ответить. Его раздирали страхи. Он думал, что сказать матери, если Тэмуге умрет. Вряд ли они осмелятся признаться, пока у нее в чреве очередной ребенок. Она еще слишком слаба после болезни, и Тэмучжин считал, что потрясение убьет ее, но как утаить несчастье? Оэлун очень любит Тэмуге, то и дело сует ему в рот сладкий грут. Вот почему младший такой пухлый.

Тэмуге вдруг закашлялся и выплюнул воду. Бектер фыркнул, словно все это глупые детские игры и он устал от этой малышни. Остальные радостно переглянулись.

– Мне привиделся орел, – вдруг сказал Тэмуге.

– Хорошее предзнаменование, – кивнул Тэмучжин, – но тебе надо научиться лучше ездить верхом. Нашему отцу будет стыдно перед сородичами, если он узнает, что ты упал. – Тэмучжину пришла в голову другая мысль. – А если он узнает, то на курултае нам могут и не позволить участвовать в скачках!

Даже Хасар перестал улыбаться, а не на шутку встревоженный Хачиун поджал губы. Тэмуге открыл рот, и Тэмучжин дал ему еще воды.

– Если кто спросит про твою шишку, говори, что мы играли и случайно тебя ударили. Ты понял, Тэмуге? Это тайна! Сыновья Есугэя не выпадают из седла!

Тэмуге видел, что все смотрят на него в ожидании ответа. Даже Бектер, которого он так боялся. Мальчик закивал и поморщился от боли.

– Я ударился головой, – словно во сне произнес он. – И увидел орла на красной скале.

– На красной скале нет орлов, – откликнулся Хасар. – Я там ловил сурков всего дней десять назад. Я бы заметил.

Тэмуге пожал плечами, что было на него совсем не похоже. Мальчик любил приврать и, когда его обвиняли во лжи, обыкновенно рыдал, словно ему поверят, увидя его слезы. Бектер начал было разворачивать кобылу, но вдруг задумчиво посмотрел на Тэмуге:

– Где ты видел орла?

– Он кружил над красной скалой, – сказал Тэмуге. – Вчера. Но в моем видении он был больше обычного орла. У него когти огромные, как...

– Ты видел настоящего орла? – перебил его Тэмучжин. Он взял брата за руку. – Настоящую птицу? Так рано? Одного орла видел?

Он хотел быть уверенным, что это не очередная дурацкая выдумка Тэмуге. Однажды ночью малыш вбежал к своим в юрту, крича, что за ним гонятся сурки, которые ходят на задних лапах и разговаривают.

По лицу Бектера было видно, что он тоже вспомнил этот случай.

– Он ударился и теперь не в себе, – проговорил Бектер.

Однако, как заметил Тэмучжин, Бектер вдруг крепче взялся за поводья. Медленно, словно подкрадываясь к дикому оленю, Тэмучжин поднялся и начал отходить в сторону своего коня, усердно щипавшего траву поблизости. Мальчик задумал кое-что. Ястреб Есугэя сдох, и отец все еще тосковал по своей преданной бесстрашной птице. Тэмучжин знал, что отец мечтает завести для охоты орла, но они встречались редко и гнездились на таких высоких и крутых скалах, куда и самые умелые скалолазы опасались забираться. А в гнезде можно найти птенца для Есугэя. Конечно, Бектер захочет забрать птицу себе. Но младшие братья точно знали, что отец будет очень доволен тем из них, кто принесет птичьего хана именно ему. Орлы правят небом, как племена – землей, и живут почти так же долго, как человек. И такой подарок будет означать, что в этом году все они наверняка смогут принять участие в скачках! Кроме того, орел, доставшийся отцу, будет доброй приметой и укрепит его положение среди прочих семей.

Тэмуге встал на ноги, пощупал голову и поморщился, увидев пятнышко крови на пальцах. Вид у него и правда был какой-то пришибленный, но братья поверили ему. Утренняя скачка была просто баловством. А вот теперь начнется настоящее состязание, где будут побежденные и всего один победитель.

Тэмучжин первым сорвался с места, словно пес, заметивший добычу. С криком «чу!» он вскочил на спину Белоногому и пустил вскачь своего любимца, который, по обыкновению, злился и фыркал. Хачиун взлетел на коня стремительно и ловко – он всегда хорошо управлял своим телом. Хасар отстал от него лишь на мгновение, громко смеясь от возбуждения.

Бектер уже мчался вперед. Он подгонял кобылицу, и копыта ее мелькали все быстрее. Мгновение – и Тэмуге остался на равнине в одиночестве, с удивлением глядя на облако пыли, поднявшееся после братьев. Помотав головой, чтобы прояснилось зрение, он наклонился и извергнул завтрак на землю. После этого ему стало полегче. Он взобрался в седло и заставил коня оторваться от сочной травы. Выдернув напоследок еще один зеленый пучок, конь фыркнул и пустился вскачь. Тэмуге, подпрыгивая и болтаясь в седле, последовал за братьями.

Глава 2

Солнце поднялось уже высоко, когда мальчики добрались до красной скалы. Сначала они скакали в бешеном темпе, потом перешли на быструю рысь: таким ходом их выносливые лошади могли двигаться в течение многих часов. Бектер и Тэмучжин ехали впереди, держась рядом и на время заключив перемирие. Хасар и Хачиун следовали за ними. Все уже утомились от такого долгого путешествия. Но вот показалась скала высотой в несколько сотен алдов⁴, которую племена называли красной. Она возвышалась среди десятка других скал, словно волчица с волчатами. Прошлым летом мальчики здесь бывали часто, облазили все утесы, так что хорошо знали это место.

Бектер и Тэмучжин постоянно обзоредали горизонт, высматривая, не появятся ли чужие всадники. Эти места, такие далекие от родных юрт, Волки своей территорией не считали. Все блага, которые степь дарует человеку, – вода, молоко, меха, мясо – все они достаются только сильному, и недостаточно однажды завоевать их, нужно суметь все это удержать. Хасар и Хачиун не думали ни о чем, кроме предстоящих им приключений и орлят, которых надо найти, но старшие братья были начеку, готовые в случае опасности защищаться или спастись бегством. Оба были вооружены ножами, за спинами у них висели небольшие, гибкие, легко натягивающиеся луки.

«С мальчишками другого племени сыновья Есугэя справятся, – подумал Тэмучжин. – Но если они наткнутся на взрослых воинов, то их не спасет даже имя отца».

Тэмуге сильно отстал от братьев и казался лишь пятнышком на фоне степи. Он старался догнать старших, пытаясь не обращать внимания на укусы досаждавших ему оводов. Несчастному Тэмуге скачущие впереди братья казались совсем чужими. Они настоящие ястребы, а он, Тэмуге, – жаворонок, они волки, а он всего лишь щенок. Ему хотелось, чтобы братья любили его, но они были такие взрослые, сильные и далекие. По сравнению с ними Тэмуге казался даже более неуклюжим, чем был на самом деле. При них он робел и стеснялся сказать все то, чем так хотелось поделиться. Правда, редкими тихими вечерами ему удавалось порой поболтать с Хачиуном.

Тэмуге изо всех сил подгонял коня пятками, но тот давно понял, что слушаться такого седока вовсе не обязательно, и редко переходил на рысь, не говоря уже о галопе. Хачиун уверял Тэмуге, что тот слишком уж мягкосердечный. Неправда: когда братья не видят, он лупит своего маленького коня, но только этой ленивой твари все равно.

⁴ Алд – примерно полтора метра.

Если бы он не знал, куда направляются братья, то потерялся бы уже в первый час и отстал бы. Мать велела никогда не бросать младшего брата, но мальчики все равно оставляли его одного, и Тэмуге не раз убеждался на горьком опыте: пожалуется – получит затрещин. Вдалеке показалась красная скала, но мальчика это слабо утешило. Он сильно устал, и ему было себя очень жалко. Тэмуге было слышно, как переругиваются скачущие впереди всех Бектер и Тэмучжин. Тэмуге вздохнул, поерзал в седле, усаживаясь поудобнее, – зад уже начал ныть. Пошарил в карманах в поисках сладкого и нашел небольшой засохший кусочек грута. Быстренько сунул его за щеку, пока другие не увидели, и отвернулся, скрывая от внимательных взглядов братьев пухлое довольное лицо и жующий рот.

Братья успели спешиться и теперь ждали отставшего Тэмуге.

– Да я бы на себе его скорее дотащил! – буркнул Тэмучжин.

Вскоре бешеная скачка началась снова. К красной скале мальчики подлетели на полном скаку, поднимая тучи пыли. И только тут они сообразили, что всем вместе карабкаться по скалам не получится. Должен же кто-то остаться стеречь коней. Их, конечно, можно стреножить, но братья были далеко от родного племени, а кто знает, не налетят ли конокрады, не уведут ли коней? Бектер предложил, чтобы внизу остался Хачиун, но тот лазил по скалам лучше остальных и поэтому отказался. После нескольких минут спора, когда все указывали друг на друга, дело дошло до потасовки. Хасар повис на спине Хачиуна, а тот молча, но яростно отбивался. Бектер растащил драчунов, когда Хачиун уже побагровел, и надавал тумачков и тому и другому. Единственным выходом было дожидаться Тэмуге.

Мальчики стояли, задумчиво рассматривая крутые склоны красной скалы. По правде говоря, все они сомневались, так ли уж стоило сюда гнаться. Но больше всего братьев беспокоило, что на скалах не было видно и следа орлов. Если бы они заметили помет или кружащих над гнездом птиц, то это было бы слишком хорошо. Но ничего подобного не было, и братья стали снова подумывать, не наврал ли Тэмуге в очередной раз.

У Тэмучжина засосало под ложечкой. Он не поел утром, а впереди еще трудный подъем. Рисковать жизнью из-за слабости от голода он не хотел. Пока остальные смотрели на приближающегося Тэмуге, Тэмучжин взял пригоршню красной пыли, капнул на нее воды из седельного бурдюка и сделал что-то вроде лепешки. Белоногий оскалился и заржал, но не стал упираться, когда Тэмучжин привязал его к кусту и достал нож.

Проколоть вену на плече жеребца – минутное дело. Кровь была густой и горячей, и Тэмучжин сразу ощутил, как уходит голод. Жидкость согревала желудок, словно черный арак. Он сделал шесть глотков, оторвался от ранки и зажал ее окровавленным пальцем. Лепешкой из грязи мальчик залепил ранку и остановил кровь. Он знал: когда они вернутся, на плече жеребца останется только маленькая царапина. Улыбнулся окровавленными губами, повернувшись к братьям, и вытер рот рукавом. Теперь, когда желудок был полон, к нему возвращались силы. Он проверил, остановилась ли кровь, и проследил взглядом, как тонкая струйка медленно стекает по ноге коня. Белоногий как ни в чем не бывало снова принялся щипать траву. Тэмучжин согнал муху с кровавого следа и потрепал любимца по шее.

Бектер тоже спешил. Увидев, что Тэмучжин подкрепился, он опустил на колени возле своей кобылы, направил себе в рот струю теплого молока и стал причмокивать от удовольствия. Тэмучжин притворился, что не заметил этого представления, но Хасар и Хачиун смотрели на старшего брата с надеждой. Они знали по опыту: если попросят – откажет, но если сделать вид, что молока совсем не хочется, то Бектер может и предложить по глотку.

– Хочешь пить, Хасар? – спросил Бектер, резко подняв голову.

Младшего не нужно было упрашивать. Он наклонился и вытянул шею, как жеребенок, лишь только Бектер уступил ему блестящий темный сосок. Хасар жадно тянул молоко, капли стекали по лицу и рукам. Он фыркал и захлебывался, а старший брат улыбался, глядя на мальчика, присосавшегося к брюху лошади. Потом Бектер подозвал Хачиуна.

Хачиун посмотрел на Тэмучжина и заметил, в каком тот напряжении, но старается не показывать виду. Поэтому младший хитро прищурился и отрицательно покачал головой. Бектер пожал плечами в ответ, метнув короткий взгляд в сторону Тэмучжина, а затем отвернулся и стал смотреть, как тащится младший брат на своем маленьком коне.

Тэмуге слезал с лошади с присущей ему осторожностью. Для шестилетнего мальчика до земли было достаточно высоко, хотя любой другой ребенок племени прыгнул бы с седла с бесстрашием старших братьев. Тэмуге даже такой простой вещи не мог сделать. И все братья скривились, увидев, как неловко он ступил на землю и зашатался. Бектер хмыкнул, и Тэмуге побагровел под его взглядом.

– Это и есть то самое место? – спросил Тэмучжин.

– Я видел, как тут кружил орел. Гнездо где-то на вершине, – сказал Тэмуге и, прищурившись, посмотрел вверх.

– Может быть, это был ястреб? – пробормотал Бектер, проследив за взглядом Тэмуге.

Малыш покраснел еще сильнее и упрямо повторил:

– Это был орел! Темно-бурый, побольше любого ястреба!

Бектер лишь пожал плечами в ответ на вспышку младшего брата и сплюнул на траву.

– Ну может быть. Найду гнездо – узнаю.

Тэмучжин, возможно, и возразил бы старшему брату, но Хачиун, уставший от вечных перебранок, просто пошел к скале, по дороге развязывая кушак. Сбросил халат и остался в рубахе без рукавов и узких полотняных штанах. Затем он схватился руками за скалу, чтобы начать подъем. Мягкая подошва сапог позволяла цепляться за камни не хуже, чем босыми ногами. Другие мальчики тоже разделись, поняв, что тяжелую одежду лучше оставить внизу.

Тэмучжин прошел шагов двадцать вдоль подножия скалы и увидел место, где удобно было начинать подъем. Поплевав на руки, он ухватился за камень. Хасар радостно и взволнованно улыбался. Он бросил Тэмуге повод, испугав малыша резким движением. Бектер тоже нашел себе место для подъема и, упираясь в трещины сильными руками и ногами, крикнул и начал карабкаться вверх.

Через несколько мгновений Тэмуге снова остался один и почувствовал себя очень несчастным. У него затекла шея от того, что он долго следил за поднимающимися вверх фигурками. Но вот они стали не больше пауков, и тут желудок напомнил о себе. Бросив последний взгляд на своих более подвижных братьев, Тэмуге неторопливо направился к кобыле Бектера попить молока. У последнего тоже есть свои преимущества. Вот какое открытие сделал Тэмуге сегодня.

Тэмучжин поднялся довольно высоко. И если сейчас он не удержится и упадет, то наверняка разобьется насмерть. Тяжело дыша, он прислушался – где братья. Но ничего не услышал. Ему даже показалось, что вроде следом за ним никто и не ползет. Он карабкался, цепляясь пальцами рук и ног, запрокинув голову, чтобы видеть, что ждет его впереди. Воздух здесь был холоднее, а небо – пронзительно-голубым, чистым, без единого облачка. Казалось, он взбирается к огромной голубой чаше. Из-под его пальцев прыскали ящерки, и один раз он чуть не потерял опору, случайно схватив одну. Когда сердце успокоилось, Тэмучжин сбросил раздавленное тельце со скалы, где ящерка грелась на солнце, и посмотрел, как она летит к земле, переворачиваясь в воздухе.

Тэмуге остался далеко внизу, но было видно, как он припал к соску кобылы Бектера. Тэмучжин надеялся, что младшему брату хватит мозгов оставить хоть немного молока. Бектер отлупит его, если поймет, что Тэмуге выпил все до капли. Да, прожорливый мальчишка заслуживает хорошей трепки.

Солнце немилосердно пекло шею и затылок, жгучий пот тек в глаза. Тэмучжин помотал головой, висая только на руках, пока ноги шарили в поисках опоры. Байка Тэмуге про огромных

орлов могла окончиться для них плохо, но сомневаться было уже поздно. Тэмучжин даже не был уверен, что сумеет спуститься по такому крутому склону. Наверху нужно будет найти место для отдыха, а не то он просто рухнет вниз.

Тэмучжин карабкался вверх. Желудок его иногда бурчал, напоминая о теплой крови, которой поделился с хозяином верный Белоногий. Тэмучжин срыгнул и, стиснув зубы, подтянулся. Он не испугается. Он сын Есугэя, сын Волка. Однажды он станет ханом. Он не будет бояться и не упадет. Тэмучжин нашептывал себе эти слова, продолжая карабкаться все выше и выше, прижимаясь к скале все плотнее. Ветер усиливался, и Тэмучжин представил себе, как разозлится Бектер, если не он, а его младший брат первым доберется до вершины.

Внезапный порыв ветра – и желудок свело от мысли, что сейчас его сорвет со скалы и швырнет вниз, к ногам Тэмуге. Схватившись за подвернувшийся выступ, Тэмучжин заметил, что пальцы дрожат – первый признак того, что силы на исходе. Он разозлился и продолжил подъем.

Трудно было понять, как высоко он забрался, но сейчас Тэмуге и их лошади казались точками внизу. Руки и ноги ныли от нагрузки. Тэмучжин добрался до уступа, на котором можно было укрыться от ветра. Там он и дал себе передышку – стоял, глотая воздух. Отсюда не было видно, как взбираться дальше, и он вытянул шею, чтобы заглянуть за скальный выступ. Не станет же он торчать здесь, пока другие ищут, как подняться полегче и побыстрее? Но из всех братьев только Хачиун лазил по скалам лучше его. К тому же нельзя лезть дальше, пока не перестанут ныть мускулы. Поэтому Тэмучжин решил расслабиться. Он наслаждался открывшимся перед ним видом сверху на много полетов стрелы. Было так хорошо, словно он видел всю степь до родных юрт. Может быть, Оэлун уже родила, пока сыновья ее тут поднимаются, думал мальчик. Ведь прошло уже немало времени с тех пор, как они добрались до красной скалы.

– Ты там что, прилип? – послышался голос откуда-то сверху.

Тэмучжин выругался, увидев Хачиуна, выглядывающего через край выступа. Младший брат встретил взгляд старшего с улыбкой, спрятавшейся в уголках глаз. Тэмучжин начал потихоньку продвигаться по площадке, пока не нашел удобного места, чтобы ухватиться руками. Он надеялся, что наверху тоже найдется, за что уцепиться. Хачиун наблюдал за ним, поэтому Тэмучжин успокоил дыхание и изобразил на лице спокойствие, подобающее настоящему воину. Ему пришлось подпрыгнуть, чтобы ухватиться за следующий камень, и на какое-то мгновение им овладел страх. На земле, внизу, такой скачок был бы пустяком, но ведь там и падать недалеко. А когда лишь ветер завывает вокруг, Тэмучжин не смел даже думать о пустоте за спиной.

Он, не чувствуя ни рук ни ног, рывками поднимался наверх одной лишь силой воли. Остановиться – значит упасть, и Тэмучжин со стонами наконец дополз до того места, откуда Хачиун наблюдал за его продвижением.

– Эй! Ханы гор к месту не прилипают, – торжествующе заявил Тэмучжин.

Брат молча размышлял над этими словами.

– Прямо над нами скала раздваивается, – заметил он. – Бектер полез к южной вершине.

Тэмучжин был потрясен спокойствием брата. Он смотрел, как тот хладнокровно идет к краю красной скалы, по которому он только что в такой панике карабкался. Хачиун встал над пропастью, и ветер трепал его косички.

– Бектер не знает, где орлы, если они вообще тут есть, – сказал Тэмучжин.

– Он пошел легким путем, – пожал плечами Хачиун. – Не думаю, что орлы станут гнездиться в том месте, где до них проще добраться.

– Значит, есть другая тропа? – спросил Тэмучжин.

Он поднялся по небольшому склону, чтобы получше рассмотреть вершину красной скалы. Пиков, как и сказал Хачиун, было два, и на том, что южнее, Тэмучжин увидел Бектера

и Хасара. Даже с такого расстояния мальчики узнали мощную фигуру старшего брата, который медленно, но верно продвигался вперед. Северный пик, нависавший над Тэмучжином и Хачиуном, был еще круче. Он приводил их в уныние и страшил сильнее, чем тот отвесный подъем, который они уже преодолели.

Тэмучжин стиснул кулаки, чувствуя в руках и ногах тяжесть.

– Готов? – поинтересовался Хачиун, кивая в сторону северной вершины.

Тэмучжин обхватил своего серьезного младшего брата за шею. Он заметил, что Хачиун сорвал ноготь с пальца правой руки. Струйка запекшейся крови доходила до локтя, но мальчик не обращал на это внимания.

– Я готов, – сказал Тэмучжин. – Только ответь, почему ты ждал меня?

– Если ты свалишься, то ханом в один прекрасный день станет Бектер, – ухватившись за скалу, захихикал Хачиун.

– Из него получится хороший хан, – проворчал Тэмучжин.

Сам он не верил в это, но забыть, как Бектер дрался с бойцами Есугэя, не мог. Взрослые занимаются такими вещами, которых Тэмучжин до конца не понимал, но к Бектеру они относились как к равному.

– Он скачет на лошади будто каменный, – фыркнул Хачиун. – Кто пойдет за человеком, который так плохо сидит в седле?

Тэмучжин улыбнулся, и они начали взбираться наверх.

Вдвоем это оказалось немного легче. Тэмучжин не раз подпирал ногу брата, когда тот полз вверх по скале, как быстрый паук. Хачиун карабкался к вершине не хуже, чем сидел в седле, но его тело уже показывало признаки усталости. Тэмучжин видел, что брат с каждой сотней локтей становится все бледнее. Мальчики дышали тяжело, руки и ноги отказывались им служить.

Солнце вышло из зенита и начало клониться к закату. Тэмучжин отмечал его положение каждый раз, когда выбирался на какую-нибудь площадку перевести дух. Им нельзя оставаться в темноте на открытом склоне: они могут заснуть и рухнуть вниз. Но еще сильнее мальчиков тревожила далекая гряда надвигающихся облаков. Летняя гроза может запросто смыть их со скалы. И братьев на другой вершине – тоже. Хачиун вдруг оступился и чуть не сбил обоих вниз.

– Я держу тебя, – крикнул Тэмучжин. – Ищи опору.

Он дышал часто-часто и пытался вспомнить, уставал ли когда-нибудь в жизни так, как сейчас. А вершина была все еще далеко. Хачиун, найдя подходящую опору, сумел перенести вес с плеча Тэмучжина. На мгновение оглянувшись, он увидел кровоточащую ссадину, которую оставил его сапог на плече брата. А Тэмучжин смотрел вдаль, на облака. Хачиун, проследив за взглядом брата, тоже напрягся. Трудно было судить о направлении свистевшего в скалах ветра, но братьям казалось, что облака идут прямо на них.

– Давай, лезем дальше. Если пойдет дождь, нам конец, – взревел Тэмучжин, подталкивая брата наверх.

Хачиун кивнул и на секунду закрыл глаза, словно у него закружилась голова. Порой легко было забыть, как он юн. Тэмучжин почувствовал горячую гордость за брата и дал себе слово, что не даст ему сорваться.

Они взбирались наверх. Южный пик постоянно был в поле их зрения, однако Бектера и Хасара мальчики не видели. Тэмучжин подумал, а вдруг они уже добрались до вершины и, более того, уже спускаются вниз с орленком за пазухой? Бектер станет недостижимым, если принесет величавую птицу в юрту отца. От одной этой мысли в уставшем теле Тэмучжина прибавилось сил.

Поначалу братья никак не могли понять, что означают эти пронзительные звуки. Они никогда не слышали крика орлят, к тому же в скалах постоянно свистел ветер. Тэмучжин был озабочен поиском укрытия больше, чем какими-то странными звуками, – ведь тучи уже заво-

локли все небо. При мысли, что придется спускаться по скользким камням, сердце уходило в пятки. Даже Хачиуну это не под силу, думал Тэмучжин. Раньше или позже кто-то из них обязательно сорвется.

Когда мальчики выбрались к расселине, где было полно перьев и веток, они моментально забыли про надвигающиеся грозовые тучи. Тэмучжин почуял запах гниющего мяса задолго до того, как они поднялись к гнезду. Теперь он понял, что незнакомые звуки – это писк двух голодных орлят, с хищным любопытством наблюдающих за их подъемом.

Взрослые птицы наверняка спарились рано: птенцы не были уже тощими и беспомощными. Обоих все еще покрывал нежный пушок, лишь кое-где виднелись золотисто-коричневые перья. Вскоре все их тело покроется такими перьями, и молодые орлы будут парить над горами в поисках добычи. Но пока крылышки были короткими и уродливыми, хотя мальчикам казалось, что они никогда в жизни не видели ничего прекраснее. Когти выглядели слишком уж большими для орлят. Желтоватые, они кончались более темными остриями, уже способными рвать живую плоть.

Хачиун, держась только на руках, застыл на краю расщелины, восхищаясь увиденным. Один птенец принял его за врага, бросившего ему вызов, и храбро зашипел на мальчика, раскинув крылья и раскрыв клюв. Хачиун улыбнулся от удовольствия.

– Маленькие ханы, – сказал он, сверкая глазами.

Не в силах говорить, Тэмучжин лишь кивнул. Он думал только о том, как бы забрать обоих птенцов и донести их живыми, да еще в грозу. Он окинул взглядом горизонт, внезапно забеспокоившись, что взрослые орлы могут добраться до них гораздо быстрее туч. На такой рискованной высоте подвергнуться нападению огромных птиц – это было бы слишком для двух мальчиков, решивших забрать птенцов из родительского гнезда.

Тэмучжин смотрел, как Хачиун, припав к скале, подбирается к самому краю гнезда: младший как будто позабыл, в каком опасном положении они находятся. Хачиун уже протянул руку, чтобы забрать птенцов, но Тэмучжин резко остановил его:

– Облака слишком близко, мы не сможем спускаться сейчас. Оставь их в гнезде, заберем утром.

Не успел он договорить, как послышались первые раскаты грома. Мальчики обернулись: сияло солнце, но вдалеке уже были различимы темные полосы дождя. Огромная тень неслась к красной скале.

Братья переглянулись, Хачиун кивнул и спустился на выступ ниже гнезда.

– Ночью захочется есть, – сказал он, сунув в рот кровоточащий палец и посасывая засохшую корку.

– Это лучше, чем сорваться вниз, – задумчиво кивнул Тэмучжин. – Дождь почти совсем рядом, нам надо найти место, где можно поспать и при этом не свалиться. Тяжелая будет ночь.

– Но не для меня, – тихо сказал Хачиун. – Я смотрел орлу в глаза.

Ласково шлепнув брата по затылку, Тэмучжин помог ему перебраться через выступ, подняться к расселине между двумя вершинами. Она казалась вполне подходящей для ночевки. Там можно было прижаться друг к другу и отдохнуть.

– Бектер будет в ярости, – позлорадствовал Хачиун.

Тэмучжин помог ему залезть в расщелину. Он наблюдал, как брат заползает вглубь, распугивая ящерок. Одна из них в панике подбежала к краю и прыгнула вниз с растопыренными лапками. В расщелине едва хватало места для двоих, но здесь они, по крайней мере, могли укрыться от ветра. После наступления темноты тут станет страшно и неудобно. И хорошо будет, если они смогут заснуть.

– Бектер выбрал легкий путь к вершине, – подвел итоги Тэмучжин, взял Хачиуна за руку и устроился рядом с братом.

Глава 3

Буря свирепствовала всю ночь, утихомирившись только на рассвете. В чистом небе снова сияло яркое солнце. Сыновья Есугэя вылезли из своих укрытий, чтобы поскорее обсохнуть. Все четверо попали в грозу, когда поднялись уже слишком высоко. Мальчики провели ночь, дрожа от холода, вздрагивая, когда им снилось, что они падают вниз. Едва солнечные лучи озарили раздвоенную вершину красной скалы, братья выползли наружу, зевая и потягиваясь, с темными кругами под глазами.

Тэмучжину и Хачиуну пришлось не так худо, как другим: их воодушевляла находка. Как только рассвело, Тэмучжин начал спускаться из расселины за первым орленком. И чуть не свалился вниз, когда рядом мелькнула темная тень. Взрослый орел показался мальчику почти таким же большим, как и он сам.

Птица не сильно обрадовалась, увидев двоих чужаков рядом со своим гнездом. Тэмучжин знал, что самки крупнее самцов, и понял: вернулась мать орлят, и, судя по жутким крикам, которые она издает, птица в ярости. На этот раз птенцы остались некормленными. Матери было не до них – она все время кружила над выступом, где спрятались мальчики. Это было так здорово и так страшно – на большой высоте смотреть в глаза орлице, парящей на раскинутых крыльях. Она сжимала и разжимала когти, словно уже терзала человеческую плоть. Хачиун вздрагивал в благоговейном ужасе, когда огромная птица в очередной раз устремлялась на них, желая вытащить мальчиков из их укрытия, как сурков из норы. У них не было ничего, кроме жалкого ножика за поясом у Тэмучжина, а их противник – могучий хищник, который одним ударом может сломать собаке спину.

Тэмучжин не отрывал глаз от орлицы. Ее золотистая голова поворачивалась туда-сюда, высматривая, как бы стащить врагов со скалы. Он понял, что птица способна целый день охранять птенцов, и ему вовсе не хотелось оказаться на открытом выступе у гнезда. Один удар когтя – и орлица вытащит его. Он пытался вспомнить все, что когда-то слышал о диких птицах. Может ли он криком отпугнуть ее? Хотелось попробовать, но совсем не нужно было раньше времени привлекать внимание Хасара и Бектера. Птенцы сначала должны оказаться у него за пазухой.

За плечом Тэмучжина цеплялся за скалу Хачиун. Старший брат заметил, что тот нашел камень и взвешивает его на ладони.

– Попадешь? – спросил Тэмучжин.

– Может быть, – пожал плечами Хачиун. – У меня только один камень. Если повезет, собью.

Орлица на мгновение исчезла из виду. Однако эти птицы – искусные охотники, и мальчик не поддался ее хитрости и не вылез из убежища. Раздосадованно выдохнул. Он был голоден, а впереди – трудный спуск. Они с Хачиуном заслуживают большего, чем возвращение с пустыми руками.

Он вспомнил, что Бектер оставил лук внизу, и выругал себя за то, что не догадался взять свой. Бектер не дал бы ему свое оружие. Насчет этого старший брат был весьма придирчив, так же как и во всем, что касалось воинских обычаев.

– Возьми камень, – предложил Хачиун. – Я спущусь в гнездо, а если она вернется, сбей ее.

Это было самое разумное решение. Тэмучжин – превосходный стрелок, а Хачиун лучше всех карабкается по скалам. Но Тэмучжин не мог смириться с тем, что орлят из гнезда заберет другой, пусть даже и любимый брат. Может быть, это не так уж важно, но он не мог допустить, чтобы кто-то добрался до них раньше его.

– Нет, ты возьми камень, а я достану птенцов, – ответил он.

Хачиун посмотрел своими темными глазами на старшего брата, словно читая его мысли:

– Ладно. У тебя есть во что их завернуть?

Тэмучжин отрезал ножом несколько полос от края рубахи. Одежде, конечно, конец, но птенцы – драгоценнейший трофей, который перевесит все потери. Обмотал ладони тканью, чтобы она была под рукой, затем высунулся из-под выступа, высматривая летящую тень или точку в вышине. Он был уверен, что птица по его глазам поняла, что он намерен делать. Он видел в ее глазах разум, как у собаки или ястреба.

Выбравшись на солнце, Тэмучжин почувствовал боль в натруженных мышцах. Снова слышал крик над головой – отчаянно верещали изголодавшиеся птенцы, проводившие ночь в одиночестве. Может, они страдали от того, что мать не прикрыла их теплым телом от бури. Тэмучжин испугался: ему показалось, что слышит писк только одного птенца. Вдруг второй погиб? Оглянулся, не летит ли орел с намерением сбросить врага со скалы. Но никого не было, и он подтянулся на высокий выступ, подобрал ноги и оказался на том же месте, где вчера сидел Хачиун, восхищаясь орлятами.

Гнездо было расположено глубоко в расщелине, широкой и уступчатой, так что непоседливые птенцы, еще не научившиеся летать, не могли выбраться наружу и свалиться. Орлята увидели мальчика и неуклюже попятились, взмахивая беспомощными голыми крыльями. Они пронзительно звали на помощь. Тэмучжин еще раз окинул взглядом небо и произнес короткую молитву Отцу-небу, чтобы оно не дало ему погибнуть. Он продвинулся вперед, опершись коленом на мокрую подстилку из старых перьев. Под его весом захрустели высохшие косточки, и мальчик ощутил тошнотворный запах от остатков орлиных пиршеств.

Одному птенцу удалось увернуться от Тэмучжина, другой – попытался его клонуть и оцарапать. Тонкие коготки оставляли лишь легкие царапины на коже. Не обращая на них внимания, Тэмучжин поднес к лицу сопротивляющегося орленка.

– Мой отец будет двадцать лет охотиться с тобой, – шепнул он, размотал полоску ткани и начал пеленать орленку крылья и лапы. Тем временем второй птенец почти выбрался из гнезда, и Тэмучжин едва успел схватить его за желтый коготь. Орленок заверещал и стал отбиваться. Мальчик заметил, что его младенческие золотистые перышки имеют красноватый оттенок.

– Я назову тебя красной птицей, если достанешься мне, – сказал он орленку и сунул обоим птенцов за пазуху.

Прижавшись к груди мальчика, они немного успокоились, но царапать его коготками не перестали. Когда он вернется домой, думал Тэмучжин, его грудь будет выглядеть так, словно он упал на колючий куст.

И тут мальчик увидел орла в небесах: огромное черное пятно летело на него, целясь прямо в голову. Тэмучжин успел только встать и поднять руку, чтобы хоть как-то защититься. Но Хачиун с воплем метнул камень. И этот один-единственный камень ударил птицу в бок и отразил атаку. Орлица яростно завопила. Тэмучжин никогда не слышал, чтобы так кричало животное, однако понимал, что перед ним не просто птица, а птица-охотник. Со смешанным чувством страха и восхищения он смотрел, как орел машет огромными крыльями, стараясь сохранить равновесие и снова подлететь к выступу. Все, что мог Тэмучжин, – это свернуться в комок, прикрыть лицо и руки от растопыренных когтей. Он слышал крики орла, чувствовал дуновение ветра от крыльев, огромных и страшных, но вдруг птица начала падать. Мальчики смотрели, как она уходит вниз – спиралью, и слушали, как она зовет, зовет гневно и с тоской. Одно крыло было расправлено, но другое странно изогнулось и хлопало на ветру. Тэмучжин выровнял дыхание и почувствовал, как успокаивается сердце. Он добыл орленка для отца, а может быть, и ему позволят растить птицу.

Бектер и Хасар уже вернулись к Тэмуге и своим коням, а Тэмучжин все еще медленно спускался вниз. Хачиун держался рядом с ним, помогая в тех случаях, когда старший брат не находил, за что ухватиться, или рисковал драгоценным грузом. Когда мальчики наконец

достигли земли и посмотрели наверх, то просто не смогли поверить, что это они были на вершине, а не кто-то другой. Вершина казалась невообразимо далекой и неприступной.

– Нашли гнездо? – спросил Хасар, хотя все было понятно и так – по сияющему виду братьев.

– Ага, – кивнул Хачиун. – Два птенца. Мы отогнали самку и забрали обоих.

Тэмучжин предоставил младшему брату рассказывать, как все было, но сам-то знал, что другие все равно не поймут, каково это – сидеть, сжавшись в комок, когда у тебя под ногами весь мир, а над тобою бьет крылами смерть. Он считал, что ему самому не было страшно, испугались только тело да сердце. На вершине красной скалы он испытал невероятные ощущения, и это было слишком важно для него, чтобы сейчас об этом рассказывать. Может быть, когда-нибудь он поделится с Есугэем, когда хан будет в добром расположении духа.

Тэмуге тоже провел жуткую ночь, хотя и укрылся вместе с конями и время от времени прикладывался к кобылице – сделать добрый глоток молока. Старшим братьям даже в голову не пришло поблагодарить его за то, что малыш рассказал про орла. Ведь Тэмуге не взбирался с ними на скалу. Вместо этого Бектер, обнаружив, что за ночь мальчик досуха выдоил кобылицу, надрал ему уши. Когда братья отправились в путь, малыш ревел во весь голос, но старшие не стали жалеть его. Они обгорели и сильно проголодались. Даже Хасар, обычно веселый и доброжелательный, посмотрел на Тэмуге мрачно, словно укорял за жадность. Вскоре мальчики пошли рысью по зеленой степи, опять оставив Тэмуге далеко позади.

Отцовских воинов братья увидели задолго до того, как на горизонте появились юрты родного племени. Как только мальчики выехали из тени красной скалы, их почти сразу заметили.

Сыновья Есугэя не показывали своего беспокойства, хотя появление всадников могло означать только одно: их отсутствие обнаружили и волнуются. Сигнальные рога далеко над степью разнесли весть о том, что их нашли. Братья узнали мчащегося к ним воина. Это был Илак. И бессознательно стали держаться ближе друг к другу. На лице воина не было приветственной улыбки.

– Ваш отец велел разыскать вас, – обратился он к Бектеру.

– Мы и прежде по несколько дней пропадали, – тут же ошетинился Тэмучжин.

Илак развернул коня, посмотрел на Тэмучжина маленькими черными глазками и провел рукой по щеке.

– Раньше вы никогда не уходили, не предупредив, и не попадали в грозу. Да еще тогда, когда ваша мать рожает, – резко ответил он, словно отчитал маленького сорванца.

Заметив, что Бектер побагровел от стыда, Тэмучжин не стал огрызаться.

– Что ж, ты нас нашел. Если отец в гневе, то это дело только его и наше.

Илак покачал головой, и Тэмучжин увидел, как в его глазах вспыхнула злоба. Мальчик никогда не любил этого воина, хотя не мог сказать почему. Когда Илак заговорил, злоба слышалась и в его голосе.

– Ваша мать чуть не потеряла ребенка – так за вас тревожилась, – рявкнул он.

Взгляд Илака требовал, чтобы Тэмучжин потупил голову, но мальчик вдруг ощутил, как в груди закипает гнев. Он знал, что отец простит им все, как только увидит орлят. Он поднял руку, чтобы братья остановились, и даже Бектер натянул поводья. Илак вынужден был развернуть коня.

– Ты не поедешь с нами, Илак. Возвращайся, – бросил Тэмучжин. Он заметил, что воин напрягся, хотя и покачал головой с показным спокойствием. – Сегодня сыновья Есугэя путешествуют только с орлами, – добавил Тэмучжин, ничем не выдавая внутреннего веселья.

Братья заухмылялись, довольные общей тайной и хмурым видом Илака. Воин бросил взгляд на Бектера, но тот смотрел куда-то за горизонт.

– Отец вобьет тебе подходящее смирение в задние ворота, – сказал Илак, скривившись от злости.

Тэмучжин спокойно смотрел на старшего воина отца. Даже конь мальчика стоял под ним совершенно неподвижно.

– Нет. Однажды один из нас станет ханом, Илак. Помни об этом. Возвращайся, кому я сказал. Мы поедем одни.

– Поезжай, – велел Бектер более глубоким, чем у братьев, голосом.

У Илака был такой вид, словно он получил оплеуху. Он опустил глаза и развернул коня. Не сказав больше ни слова и только кивнув, он уехал. Мальчики остались одни, дрожа от странного облегчения. Тэмучжин был уверен, что им ничто не грозит. Илак не настолько глуп, чтобы поднимать меч на сыновей Есугэя. В худшем случае он избил бы их и отправил домой пешком. Однако Тэмучжин чувствовал себя так, словно выиграл битву. Он всю дорогу до реки и улуса отцовского племени ощущал на затылке взгляд Бектера.

Родные юрты еще не были видны, но запах застарелой мочи в дыхании ветра сыновья Есугэя уже почувствовали. За зиму, проведенную племенем в тени Делиун-Болдаха, испражнения впитались глубоко в землю вокруг жилищ. В ночной темноте человек не осмеливается отойти далеко от юрты. Поэтому запах мочи стал запахом родного дома.

Илак спешил к юрте Есугэя. Он явно собирался насладиться приятным зрелищем. Ведь мальчишкам от отца наверняка здорово влетит. Но Тэмучжин лишь усмехался про себя и высоко держал голову. Следом за ним шли Хасар и Хачиун, а Тэмуге плелся сзади, влекомый запахом жареной баранины. Бектер, приблизившись к родительскому жилищу, погрузился в привычное надменное молчание.

Заслышав приветственное ржание коней, Есугэй вышел из юрты. На бедре его висел меч. Хан был в сине-золотом халате до колен, штаны и сапоги хорошо вычищены. Сегодня он казался выше обычного. На лице его не читалось гнева, но мальчики знали, что он умеет скрывать чувства и гордится этим умением. Такому должен обучиться каждый воин. Однако по внешнему виду сыновей Есугэй каждый раз без труда угадывал их настроение. Он заметил, что у Тэмучжина что-то за пазухой, наверняка хрупкое и ценное. Братья его тоже едва скрывают волнение. Даже Бектер в глубине души чем-то очень доволен. И Есугэю стало любопытно, что же такое они привезли.

А еще он заметил, что Илак держится поблизости, хотя и делает вид, что чистит коня. И это человек, кобыла которого всегда ходит с хвостом, полным грязи и колючек! Есугэй хорошо знал Илака и понимал, что его мрачное настроение связано, скорее всего, с мальчиками. Он пожал бы плечами, но давно привык ничему не удивляться. Как подобает истинному воину. Поэтому выбросил из головы мысли об Илаке.

Хасар и Хачиун спешили, на мгновение заслонив Тэмучжина. Есугэй присмотрелся к сыну внимательнее и увидел, что за пазухой у него что-то шевелится. От радостного предвкушения сердце отца забилося чаще. Однако он не собирался облегчать жизнь сыновьям.

– У вас родилась сестра. Роды проходили тяжело. Ваша мать чуть не истекла кровью. По вашей вине.

И тут мальчишки потупили взоры. Отец хмурился, едва сдерживаясь, чтобы не отлупить их всех. Думают только о себе.

– Мы были на красной скале, – пробормотал дрожащий Хачиун, чувствуя на себе испытующий отцовский взгляд. – Тэмуге видел там орла, и мы полезли искать гнездо.

Сердце Есугэя запело. Только одно могло шевелиться под рубахой Тэмучжина, но он едва смел на это надеяться. Никто в племени уже три поколения не заводил себе орла, с тех пор как Волки пришли с далекого заката. Эти птицы стоили больше, чем дюжина отличных скакунов, и не в последнюю очередь из-за дичи, которую могли добыть на охоте.

– Ты принес птицу? – спросил Есугэй, шагнув к Тэмучжину.

Мальчик больше не мог сдерживаться и расплылся в улыбке, горделиво выпрямившись под взглядом отца.

– Мы с Хачиуном нашли двоих, – сообщил он, шаря за пазухой.

Суровое лицо отца смягчилось, он улыбнулся, сверкнув белыми зубами на темном лице, жидкая борода дрогнула.

Тэмучжин осторожно достал птенцов и положил их отцу на ладони. Увидев свет, орлята запищали. А мальчик вдруг почувствовал, как пусто и холодно стало за пазухой. Он смотрел на красного птенца глазами хозяина и друга, следил за каждым его движением.

От восторга Есугэй был не в силах вымолвить ни слова. Заметив, что Илак подошел поближе, чтобы посмотреть на птенцов, хан поднес их к лицу, с интересом разглядывая. Затем повернулся к сыновьям:

– Идите к матери. Все. Просите прощения за то, что ушли, и поклонитесь сестричке.

Тэмуге бросился в юрту, не дав отцу закончить фразу, и все услышали, как Оэлун закричала от радости, увидев младшего сына. Хачиун и Хасар последовали за ним, но Тэмучжин и Бектер остались стоять на месте.

– Один чуть поменьше, – сказал Тэмучжин, показывая на птенцов. Он так отчаянно хотел, чтобы отец не отсылал его от себя. – У него перья красноватые, и я назвал его красной птицей.

– Хорошее имя, – согласился Есугэй.

Внезапно заволновавшись, Тэмучжин закашлялся:

– Я думал оставить его себе, то есть красную птицу. Здесь же два орла.

Есугэй холодно посмотрел на сына.

– Протяни руку, – потребовал он.

Тэмучжин повиновался, не понимая, чего хочет отец. Есугэй оставил спеленатых птенцов на одной ладони, а другой надавил на руку Тэмучжина.

– Когда птенцы вырастут, то будут весить не меньше собаки. Сможешь удержать собаку на запястье? Нет. Это великий дар, и я благодарен тебе. Но красная птица – не для мальчика, даже не для моего сына.

На глаза Тэмучжина навернулись слезы. Все утренние мечты рухнули. Казалось, отец не замечает сыновнего гнева и отчаяния. Есугэй повернулся и подозвал Илака. Его усмешка показалась Тэмучжину неприятной и глумливой.

– Ты первый мой воин, – сказал Есугэй. – Красная птица – твоя.

Глаза Илака расширились от восторга. Он почтительно принял птицу, совершенно позабыв о мальчиках.

– Ты оказываешь мне великую честь, – отвечал он, почтительно склонив голову.

– Ты служишь мне верно, и это честь для меня, – рассмеялся Есугэй. – Мы будем охотиться вместе. Сегодня вечером будем играть музыку для орлов, что прилетели к Волкам. – Есугэй обернулся к Тэмучжину. – Расскажешь старому Чагатаю о том, как вы поднимались на скалу. Пусть он сложит великую песнь.

Тэмучжин не ответил. Он не в силах был смотреть, как Илак держит красную птицу. Вместе с Бектером он нырнул в низкую дверь юрты – к Оэлун и маленькой сестричке. Мать сидела в окружении сыновей. Они слышали, как отец зовет воинов полюбоваться, что привезли ему наследники. Вечером будет пир. И все же почему-то неловко было смотреть друг другу в глаза. Радость отца много для них значила, но красная птица по справедливости должна была достаться Тэмучжину.

Вечером племя собралось вокруг костра. Горел кизяк, на огне жарилась баранина, кипели большие котлы. Сказитель Чагатай пел о том, как на красной скале были найдены два орленка,

и его голос то поднимался до пронзительного визга, то падал до гортанного гудения. Молодые мужчины и женщины племени сопровождали песнь радостными криками, а Есугэю приходилось показывать всем любопытным птиц снова и снова, а те пищали, тоскуя по утраченному родительскому гнезду.

Мальчики, покоровшие красную скалу, пили черный арак чашу за чашей, сидя в темноте у костра. Хасар стал бледным и молчаливым после второй, а Хачиун – после третьей – хрюкнул и медленно повалился на спину, чаша покатила по траве. Тэмучжин смотрел на пламя, пока не перестал видеть все вокруг. Он не слышал, как подошел отец, да ему уже было все равно. Арак разогрел кровь, и Тэмучжину казалось, что по его венам течет радуга.

Подогнув под себя сильные ноги, Есугэй сел рядом с сыновьями. Халат, подбитый мехом, был надет на голое тело. Черный арак согревал Есугэя, к тому же он всегда говорил, что хану холод нипочем.

– Слишком много не пей, Тэмучжин, – сказал он. – Ты уже доказал, что достоин считаться мужчиной. Завтра я выполню отцовский долг – отвезу тебя к олхунутам, к племени твоей матери. – Тэмучжин бросил взгляд на отца, но тот не понял выражения золотистых глаз сына. – Мы посмотрим их дочерей, самых прекрасных на свете, и найдем ту, что согреет твою постель, когда у нее придет первая кровь. – И похлопал сына по плечу.

– И я останусь у них, пока Илак не вырастит красную птицу, – ответил Тэмучжин пустым холодным голосом.

Его дурное настроение перебило пьяное благодушие Есугэя.

– Ты сделаешь так, как говорит тебе отец, – отрезал хан и отвесил Тэмучжину крепкую затрещину, возможно более крепкую, чем намеревался.

Мальчик качнулся вперед, затем выпрямился и в упор посмотрел на отца. Но тот уже потерял к нему интерес. Он повернулся к Чагатаю и поддержал его одобрительными криками, когда старик пустился в пляс, взмахивая руками, как орел – крыльями. Чуть позже Есугэй заметил, что Тэмучжин все еще смотрит на него.

– Я пропущу курултай и скачки, – борясь со злыми слезами, сказал Тэмучжин, когда их взгляды встретились.

Лицо Есугэя было непроницаемым.

– Олхунуты тоже поедут туда. У тебя есть Белоногий. Возможно, они разрешат тебе скакать за них против твоих братьев.

– Я бы предпочел остаться здесь, – произнес Тэмучжин и приготовился получить очередную оплеуху.

Но отец, казалось, не слышал его.

– Ты проживешь у них год, – проговорил он. – Как Бектер в свое время. Этот год будет для тебя нелегким. Но останется и много хороших воспоминаний. И конечно, не стоит тебе напоминать, чтобы ты примечал, сильны ли они, каково их оружие, сколько у них воинов.

– У нас нет вражды с олхунутами, – заметил Тэмучжин.

– Зима – пора долгая, – пожал плечами Есугэй.

Глава 4

На рассвете Есугэй и Илак вьючили коней. У Тэмучжина гудела голова. Оэлун хлопотала вокруг мужчин, привязав спящую девочку у себя на груди. Мать тихо переговаривалась с Есугэем, и в какой-то момент он вдруг наклонился и уткнулся лицом ей в шею. Это была нежность, которую они редко проявляли друг к другу, но мрачное настроение Тэмучжина ничуть не улучшилось. Этим утром он ненавидел отца так, как может ненавидеть двенадцатилетний мальчик.

В мрачном молчании Тэмучжин смазывал сбрую жиром и проверял все узелки и ремни на недоуздке и стремянах. Он не даст отцу повода корить его на глазах у младших братьев, хотя их и не было поблизости. В юртах после хмельной ночи было тихо. Птенец золотого орла пищал и требовал еды, и Оэлун нырнула в юрту, чтобы дать ему кусок свежего мяса. Она будет кормить орленка, пока Есугэя не будет дома. Но Оэлун быстро вернулась, так как должна была удостовериться, что у мужа в поездке будет все, что может ему понадобиться.

Лошади фыркали и ржали, приветствуя друг друга и радуясь новому дню. На фоне этой мирной картины Тэмучжин был похож на строптивого жеребенка, готового сорваться по малейшему поводу. Мальчик не хотел жену, подобную покорной телушке. Он хотел укрощать коней и мчаться с красной птицей по степи, быть славным воином и внушать врагам страх. То, что его отсылали к олхунутам, он считал наказанием. Конечно, старший брат побывал там и вернулся довольный. Когда и Тэмучжину придет пора возвращаться, нареченная Бектера наверняка уже будет жить в юрте брата, а он, Бектер, будет мужем среди воинов.

Старший брат и был одной из причин дурного настроения Тэмучжина. Он уже привык посмеиваться над Бектером и старался, чтобы отец не относился к своему первенцу как к любимчику. Тэмучжин понимал, что в его отсутствие старший будет считаться наследником. А за год, проведенный в чужом племени, его собственные права будут почти забыты среди сородичей.

Но что он может сделать? Он знал, как Есугэй обращается с непослушными сыновьями. Если он откажется ехать, его наверняка изобьют, а если будет продолжать упираться, совсем изгонят из племени. Есугэй частенько угрожал сыновьям изгнанием, когда они чересчур шумели или слишком жестоко дрались друг с другом. Он никогда не улыбался, произнося угрозы, и мальчики понимали, что отец не шутит. От одной мысли о том, как тяжело быть безродным скитальцем, Тэмучжина пробирала дрожь. Незавидная доля. Никто не будет следить за стадами, пока ты спишь, никто не поможет тебе взобраться на скалу. Одиночка обречен на голод, а если он попытается украсть еду, его почти наверняка убьют.

Самые ранние детские воспоминания Тэмучжина были полны веселой возни в юртах и перебранками с братьями. В его племени все жили вместе, и трудно было представить, каково это – оказаться одному. Тэмучжин тряхнул головой, отгоняя печальные мысли, и стал смотреть, как отец выючит коней. Мальчик знал, что нельзя показывать чувства и что лицо его должно оставаться бесстрастным. Он слышал, как побряхтывают Есугэй и Илак, туго затягивая ремни. На этот раз в поездку брали не слишком много тюков.

Тэмучжин подождал, пока они закончат, а потом прошел мимо Илака и еще раз проверил за ним все узлы на сбруе своего коня. Отцовский воин напрягся, но Тэмучжину было наплевать на его оскорбленные чувства. Есугэй часто говорил сыну, что мужчине не следует полагаться на умения других. И все-таки Тэмучжин не осмелился проверить узлы, затянутые Есугэем. У отца был слишком уж непредсказуемый нрав. Он мог рассмеяться, найдя это забавным, а мог и затрепину отвесить за наглость.

Подумав о том, что придется ехать с отцом вдвоем, без братьев, с которыми можно было скоротать дорогу за болтовней, Тэмучжин нахмурился, а затем пожал плечами. Вытерпит и это. Это всего лишь очередное испытание. Он вытерпит гнев и Есугэя, и Отца-неба. Ведь пережил он голод и такую жажду, когда хочется укунить самого себя, чтобы напиться крови. Пережил он и суровые зимы, когда скот замерзал, а он сносил все тяготы без жалоб. Пережил и знойное лето, когда солнце обжигало кожу до волдырей. Его отец проживал такие тяготы без единого намека на слабость, показывая только бесконечную выдержку. Это воодушевляло всех вокруг него. Даже кислая физиономия Илака светлела в присутствии Есугэя.

Тэмучжин стоял рядом с лошадью, напряженный и бледный, как росток серебристой березы. Подошла Оэлун и обняла сына. Он почувствовал, как шевелится младенец у ее груди, уловил запах молока и бараньего сала. Когда мать разжала объятия, девочка проснулась и запи-

щала. Личико покраснелось от крика. Оэлун сунула ей сосок в голодный ротик. Тэмучжин не смел смотреть в глаза матери. А она наблюдала за горделивым и молчаливым Есугэем, взгляд которого был упорно устремлен куда-то вдаль. Оэлун вздохнула.

– Прекрати, Есугэй, – громко сказала она.

Муж ее вздрогнул, на щеках проступил румянец.

– Что-о? – начал он.

– Ты прекрасно понимаешь, про что я говорю, – перебила его Оэлун. – Ты не сказал сыну ни одного доброго слова. Ты что, хочешь ехать в молчании три дня?

Есугэй нахмурился, но Оэлун продолжала:

– Ты забрал у мальчика птицу и отдал ее своему мерзкому первому воину. Ты думал, что он обрадуется и поблагодарит тебя за это?

Поблуднев, Есугэй переводил взгляд с Илака на сына – хотел понять, что они сейчас думают, слыша эти слова.

– Тэмучжин слишком мал, – пробормотал он.

Оэлун зашипела, как раскаленная жаровня:

– Он того и гляди женихом станет. К тому же он юн и слишком горд, как и его упрямый отец. Он так на тебя похож, а ты даже не замечаешь этого!

Есугэй не стал отвечать жене, а Тэмучжин не знал, что и сказать матери, когда та снова посмотрела на него.

– Он слышит, хотя и не хочет, чтобы мы это знали, Тэмучжин, – прошептала она. – В этом вы схожи. – Она взяла сына за подбородок своими сильными пальцами. – Не бойся людей моего племени. Они добрый народ, хотя среди молодых воинов тебе придется опускать взгляд. Они станут испытывать тебя, но ты не должен бояться.

– Я не боюсь, – отрезал он, и его желтые глаза сверкнули.

Мать подождала, пока упрямое лицо сына смягчится снова.

– Хорошо. Я буду слушаться, – сказал Тэмучжин.

Оэлун кивнула и достала из кармана мешочек сладких творожных катышков, сунула ему в руку:

– В седельной суме есть бурдюк с черным араком, чтобы согреться в холод. Это тебе на дорогу. Расти сильным и будь добрым к девушке, которую выберут для тебя.

– Добрым? – спросил Тэмучжин.

Впервые с той минуты, как отец сообщил, что они уезжают, он ощутил в животе холодок. Где-то его ждала незнакомая девушка, которая будет ему женой, нарожает детей. Тэмучжин совсем не представлял, какой она может быть, и даже не понимал, хочет ли на самом деле жениться.

– Надеюсь, она будет похожа на тебя, – задумчиво добавил он.

Улыбнувшись, Оэлун на мгновение прижала сына к себе. Его сестренка недовольно заверещала.

– Ты хороший мальчик, Тэмучжин. Ты станешь добрым мужем, – сказала Оэлун.

К своему изумлению, он увидел слезы на лице матери. Она смахнула их, но мальчик почувствовал, что и у него в глазах зашипало. Его стойкость таяла как снег. Тэмучжин увидел в глазах Оэлун не только слезы, но и страх. Ведь плакать, обнявшись с матерью, на глазах Илака и Есугэя – это унижение. Мужчина, собираясь к невесте, не должен плакать.

Легонько потрепав сына по затылку, Оэлун отвернулась, шепнула несколько слов мужу. Хан Волков вздохнул, не скрывая облегчения, кивнул в ответ и сел в седло. Тэмучжин ловко вскочил на своего коня.

– Тэмучжин! – позвал его кто-то.

Он улыбнулся, легонько двинул поводом и развернул Белоногого. Братья наконец-то проснулись и вышли попрощаться. Тэмуге и Хасар стояли у его стремени и с восхищением

глядели на старшего брата. Хачиун жмурился от солнечного света, но успел быстренько осмотреть побитое переднее копыто. Мальчики собрались вокруг Тэмучжина шумной веселой стайкой, и он почувствовал, что боль в груди начинает ослабевать.

Из юрты вышел Бектер. И хотя его лицо было бесстрастным, Тэмучжин, бросив взгляд на брата, заметил искорку торжества в его непроницаемых глазах. Бектер наверняка думал, что без Тэмучжина ему станет намного легче жить.

Трудно было заставить себя не беспокоиться за младших, но мальчик не стал подвергать сомнению их способность выжить в сложных условиях. Он так и не сказал им, чтобы они берегли себя, хотя очень хотелось. Кости брошены, каждому выпала своя судьба. Сильный муж может склонить Отца-небо на свою сторону – но только для себя одного. Тэмучжин об этом знал. У каждого своя дорога.

Он поднял руку, прощаясь с матерью, и пустил Белоногого рысью рядом с конем отца. Тэмучжин чувствовал, что не сдержится, если обернется, потому и не стал оборачиваться. Звуки пробуждающегося племени и ржание лошадей стали еле слышны, а вскоре и совсем затихли. Слышались только топот копыт и позвякивание сбруи. Их племя осталось позади.

В небе поднималось солнце. Есугэй ехал молча. Племя Оэлун сейчас расположилось ближе, чем три года назад. Им с сыном придется провести в дороге всего несколько дней. К концу поездки будет понятно, способен ли мальчик управлять племенем. Способности Бектера Есугэй оценил уже к концу первого дня. В старшем сыне нет дикого огня, это верно, но племени нужна твердая рука, а Бектер, судя по всему, превращается в настоящего мужчину.

Размышляя о чем-то, Есугэй хмурился. Глаза его следили за окружающим, высматривая зверя или врага. Он никогда не терял дороги, помнил расположение холмов, а по клейменым ушам скота мог определить, какое племя живет поблизости.

Поездки с Бектером доставляли Есугэю огромное удовольствие, хотя он никому об этом не говорил. Трудно сказать, как из маленького мальчика вырастает настоящий вождь, но в одном хан был уверен: распускать и баловать мальчишку нельзя. Хан поднял глаза к Отцу-небу и подумал о толстячке Тэмуге, оставшемся в юртах родного племени. Если бы у малыша не было сильных братьев, Есугэй оградил бы его от влияния матери, может, даже отдал бы на воспитание в другое племя. Наверное, по возвращении он так и сделает.

Есугэй поерзал в седле. Рядом с Тэмучжином мысли в его голове не могли, как обычно, спокойно сменяться одна другой. Мальчик слишком живо и открыто интересовался окружающим, вертел головой туда-сюда. Бектер в отличие от него был спокойным спутником. А в молчании Тэмучжина отца что-то раздражало.

Путь к олхунутам пролегал рядом с красной скалой, и Есугэй невольно стал думать, как сын добывал птенцов. Он ощутил на себе взгляд Тэмучжина, когда осматривал крутые склоны, но упрямый мальчишка продолжал молчать. Есугэй раздраженно хмыкнул, не понимая, почему в такой ясный, светлый день у сына дурное настроение.

– Тебе повезло, что ты добрался до гнезда на такой высоте, – сказал Есугэй.

– Это не было везением, – ответил Тэмучжин.

Есугэй выругался про себя, а сын ошетинился, как колючий куст.

– Тебе повезло, что ты не свалился, мальчишка, пусть тебе и помогал Хачиун.

Тэмучжин прищурил глаза. Похоже, отец слишком много выпил и не слушал песнь Чагатая. Говорил ли он с Хачиуном? Тэмучжин не знал, что ответить отцу, а потому и не сказал ничего.

Есугэй внимательно посмотрел на сына, покачал головой и подумал об Оэлун. Ради нее надо попытаться разговорить мальчишку. Это ведь последняя возможность услышать, как закончилась история.

– Я слышал, это был славный подъем. Хачиун сказал, что орел чуть не сбросил тебя со скалы.

Мальчик чуть смягчился, пожал плечами. Как ни крути, а приятно, что отцу интересна его жизнь. Впрочем, на лице Тэмучжина этих чувств видно не было.

– Он сбил его камнем, – сказал он.

Это была тщательно отмеренная благодарность брату. Тэмучжин любил Хачиуна намного больше остальных, но к двенадцатому году жизни научился скрывать от других свою приязнь и неприязнь.

Хан замолчал, и Тэмучжин задумался, о чем бы еще поговорить с Есугэем.

– Твой отец тоже отвозил тебя к олхунутам? – наконец спросил мальчик.

Есугэй фыркнул, окидывая сына взглядом:

– Думаю, ты уже достаточно взрослый, и я могу тебе кое-что рассказать. Нет, я встретился с твоей матерью и двумя ее братьями, когда пошел в набег. Я заметил, как она красива и сильна. – Он вздохнул и облизал губы, погрузившись в прошлое. – Она ехала на прекраснейшей кобылке цвета бурной воды на рассвете. У нее были босые и очень смуглые ноги.

Тэмучжин раньше никогда не слышал эту историю. Он подъехал поближе.

– Ты украл ее у олхунутов? – спросил он.

Однако мальчик понимал, что этому не следует удивляться. Отец любил охотиться и ходить в набеги, и глаза его сияли от воспоминаний о битвах. Если время года было теплое, а еды имелось в изобилии, то он отсылал побежденных домой пешком. Те возвращались в свое племя, покрытые красными рубцами от ударов мечом. Зимой, когда еды было мало, приходилось убивать. В темные месяцы жизнь слишком трудна, а потому нельзя быть милосердным.

– Я отогнал ее братьев, как пару козлят, – похвастался Есугэй. – Я только-только вошел в возраст, когда начинают ходить в набеги, но взмахнул над головой мечом и закричал на них.

Погрузившись в воспоминания, он запрокинул голову и заулюлюкал, а потом рассмеялся:

– Видел бы ты эти лица! Один из них попытался напасть на меня, но я был сыном хана, Тэмучжин, а не каким-нибудь щенком, которого можно напугать и обратить в бегство. Я всадил стрелу ему в бедро, и он убежал. – Есугэй вздохнул. – То были славные дни. Я тогда думал, что холод никогда не одолеет меня. Я понимал, что в жизни ничто не приходит само, что все нужно брать своим разумом и силой. – Он посмотрел на сына, и во взгляде его засветились воспоминания, которыми хан почему-то не стал делиться. – То было время, мальчик, когда я сам бы полез за птицей на красную скалу.

– Если бы я об этом знал, то не полез бы сам, а вернулся бы и рассказал тебе о находке, – начал Тэмучжин, пытаясь понять этого огромного, как медведь, человека.

Но Есугэй только помотал головой и снова рассмеялся:

– Теперь не то время! Я слишком тяжел, чтобы лазать по узким выступам и трещинам. Да если бы и попытался, то наверняка упал бы вниз, словно звезда с неба. Зачем иметь сыновей, если они не растут сильными и боятся попытать свою отвагу? Когда мой отец бывал трезвым, то всегда говорил мне об этом. Отвага – это не гадальные кости в мешке. Ее нужно показывать снова и снова, становясь сильнее раз от разу. Если думаешь, что ее можно придержать до времени, когда она будет нужна, ты ошибаешься. Я говорю тебе о твоих силах и способностях вообще. Если забудешь о них, мешок опустеет именно тогда, когда они понадобятся тебе больше всего. Нет, ты имел право вскарабкаться на скалу к гнезду, а я имел право отдать красную птицу Илаку.

Внезапное отчуждение Тэмучжина не скрылось от Есугэя, и тот издал разочарованный горланый звук.

– Он мой первый воин, страшный воин, мальчик, верь мне. Пусть лучше Илак будет рядом со мной. Он стоит пятерых любых наших воинов – или десяти олхунутов. Его дети не

будут править племенем. Его меч никогда не будет лучше моего. Ты понимаешь? Нет, тебе только двенадцать лет. Что ты можешь понять?

– Что ты должен был его как-то наградить, – откликнулся Тэмучжин. – Ты об этом говоришь?

– Нет. Это не долг. Я почтил его красной птицей, потому что он мой первый воин. Потому что он мой друг детства. Потому что он никогда не жаловался, что его семья ниже моей.

Тэмучжин открыл было рот, чтобы сказать отцу в ответ дерзость. Красная птица будет запятнана грязными лапами Илака с его толстой желтой кожей. Орел слишком хорош для этого мерзкого человека. Но мальчик ничего не сказал. Постарался взять себя в руки и сделать бесстрастное лицо. Так он защитился от испытующего отцовского взгляда. Есугэй понял это и фыркнул:

– Мальчик, я делал бесстрастное лицо, когда ты был еще только в мыслях Отца-неба.

Вечером они разбили лагерь на берегу извилистой речушки. Тэмучжин занялся подготовкой к завтрашнему переходу. Он отбивал рукоятью кинжала крошки от тяжелого твердого куска сыра и пересыпал их в кожаную флягу, наполовину наполненную водой. Смесь полегит под седлом, нагреется от конского бока и взболтается. К полудню получится теплое питье с мягкими комочками сыра, острое и освежающее.

Покончив с этим, Тэмучжин стал собирать кизяк, разламывая его, чтобы посмотреть, достаточно ли он сухой, будет ли гореть хорошо и чисто. Сложил лучшие куски и высек искру, ударяя кремнем о кинжал, раздул искорки. Появился язычок пламени, разгорелся костер. Есугэй нарезал вяленую баранину, лук и сало. От аппетитного запаха у них рот наполнился слюной. Оэлун дала с собой хлеба, который надо было съесть быстро, пока он не зачерствел. Отец и сын разломали плоские лепешки и обмакнули их в варево.

Они сидели напротив друг друга и слизывали жир с пальцев. Тэмучжин заметил, что отец бросил взгляд на бурдюк с черным араком, и принес его. Он терпеливо ждал, пока хан сделает большой глоток.

– Расскажи мне об олхунутах, – попросил Тэмучжин.

– Они не сильны, хотя и многочисленны, как муравьи, – скривился в невольной усмешке Есугэй. – Иногда думаю, что если бы напал на них, то мог бы один биться с ними целый день, прежде чем им удалось бы меня свалить.

– У них нет воинов? – недоверчиво спросил Тэмучжин.

Отец был не прочь присочинить, но сейчас казался серьезным.

– Таких, как Илак, – нет. Сам увидишь. Они предпочитают лук, а не меч и держатся подальше от врага, никогда не приближаясь к нему, если только ход битвы не вынуждает. Так что со щитом в руке ты можешь смеяться над ними. Хотя лошадей они могут перебить довольно легко. Они как жалящие осы, но если врежешься в их ряды, разбегутся как дети. Вот так я и умыкнул твою мать. Подкрался – и прыгнул.

– Как же я тогда научусь владеть мечом? – неожиданно резко спросил Тэмучжин.

Он забыл, как отец воспринимает такую дерзость, и едва успел увернуться от оплеухи, которая должна была вбить в него должное смирение. Есугэй продолжил рассказывать как ни в чем не бывало.

– Придется самому, мальчик. Бектеру тяжело пришлось, я знаю. Он говорил, что олхунуты не позволяли ему прикасаться к своим лукам и ножам с первого до последнего дня. Все они трусы. Но женщины у них очень хороши.

– Почему же тогда они выдают своих дочерей за твоих сыновей? – решил спросить Тэмучжин и приготовился к очередной затрепине.

Однако Есугэй уже укладывался на выщипанную овцами траву.

– Какому отцу хочется, чтобы юрта была полна незамужних дочерей? Что еще с ними делать, если я не буду приводить сыновей? Это обычное дело, особенно на сходке племен. Они загущают кровь семенем других мужчин.

– А мы становимся от этого сильнее? – поинтересовался Тэмучжин.

– Волки и без того сильны, – хмыкнул отец, не открывая глаз.

Глава 5

Острые глаза Есугэя заметили олхунутских дозорных в тот же миг, когда и те увидели их с Тэмучжином. Зазвучал сигнальный рог, извещая о появлении чужаков и призывая воинов встать на защиту стад и женщин.

– Не говори с ними, пока они сами не заговорят с тобой, – предупредил сына Есугэй. – Будь бесстрастен, что бы ни случилось. Понял?

Тэмучжин не ответил, но нервно сглотнул. Дни и ночи, проведенные наедине с отцом, были для него странным временем. Никогда еще Есугэй не оказывал Тэмучжину столько внимания. Они путешествовали вдвоем, и другие сыновья не попадались хану на глаза и не отвлекали его. Поначалу Тэмучжин думал, что рядом с отцом будет чувствовать себя униженным. Они не были друзьями. Однако порой он улавливал в глазах отца отблеск какого-то чувства. Гордость за сына? Может быть.

Вдалеке Тэмучжин увидел тучу пыли – это молодые воины хватали оружие и вскакивали на коней. Есугэй сжал губы и выпрямился в седле. Тэмучжин последовал его примеру, глядя, как приближается клубящаяся пыль, поднимаемая воинами, скачущими толпой навстречу двум одиноким всадникам.

– Не оборачивайся, Тэмучжин, – бросил отец. – Они играют, как малые дети, и ты осрамишь меня, если поддашься.

– Понял, – откликнулся мальчик. – Но если мы будем неподвижными, как камни, они сразу поймут, что ты их заметил. Может, лучше беседовать друг с другом и смеяться?

Он поймал на себе гневный взгляд отца и на мгновение испугался. Эти золотистые глаза – последнее, что видели в своей жизни десятки молодых наглецов. Есугэй готовился к встрече с врагом. Все помыслы его были направлены на то, чтобы защитить себя и сына. Тэмучжин наблюдал за ним и видел, что отец усилием воли принуждает себя расслабиться. Скачущие на конях олхунуты были еще пока далеко. А день только разгорался.

– Я буду выглядеть глупо, если они скинут нас с коней, – усмехнулся Есугэй, но на мертвечине эта усмешка смотрелась бы куда лучше, чем на его побледневшем лице.

Тэмучжин рассмеялся в ответ. Ведь отец искренне старался его развеселить.

– Тебе худо? Так гордо подними голову, как ты обычно делаешь.

Отец постарался придать себе гордый вид, как посоветовал Тэмучжин, и оба они неожиданно для самих себя расхохотались. Как раз в этот момент и подъехали олхунутские всадники. Есугэй, покрасневший от смеха, утирал слезы, а воины тем временем остановились перед двумя веселыми путниками и загородили им дорогу. За ними тянулось облако пыли. Оно настигло всадников и окутало их такой плотной дымкой, что на несколько мгновений пришлось зажмурить глаза.

Олхунуты застыли в молчании, дожидаясь, когда же Тэмучжин с Есугэем справятся с собой и обратят на них внимание. Мальчик постарался сделать бесстрастное лицо, хотя на самом деле едва мог скрыть свое любопытство. Все здесь было другое, и воины были не такие, как в его племени. Кони олхунутов были превосходными, а воины в легких серых халатах и коричневых штанах с золотой нитью выглядели чище и опрятнее сородичей Тэмучжина. И мальчик почувствовал вдруг странное недовольство в душе. Его внимание переключилось на

воина, который явно был предводителем. В ожидании распоряжений всадники смотрели на него с почтением.

Молодой воин держался в седле не хуже Хачиуна, как заметил Тэмучжин, но был уже почти взрослым мужчиной. Одет в легкую рубашку без рукавов, обнажавшую его сильные загорелые руки. К его седлу приторочены два лука и хороший метательный топор. Мечей у всадников не было, только топорики. Как же они сражаются с хорошо вооруженными противниками? Тэмучжин считал, что добрый меч превратит их топорики в щепки, только если эти топорики не попадут в цель раньше.

Олхунуты тоже внимательно рассматривали незваных гостей. Один из них подъехал слишком близко. Грязный его палец потянулся было к полам халата Есугэя. Тэмучжин едва успел заметить какое-то движение, а на руке наглеца уже вспухла красная полоса. Воин, так и не успев коснуться Есугэя, вскрикнул и подался назад, разозлившись от боли.

– Ты сильно рисковал, приехав сюда без своих воинов, хан Волков, – сказал воин в рубашке. – Ты привез еще одного сына, чтобы олхунуты сделали из него мужчину?

Есугэй повернулся к Тэмучжину, и глаза его снова странно сверкнули.

– Это мой сын Тэмучжин. Тэмучжин, это твой двоюродный брат Коке. Это его отцу я прострелил бедро в тот день, когда встретился с твоей матерью.

– И он до сих пор хромает, – кивнул Коке без улыбки.

Конь его вдруг тронулся с места, похоже, без малейшего приказа, и воин оказался на расстоянии вытянутой руки от Есугэя. Тот позволил похлопать себя по плечу, хотя сам даже не пошевелился. Так он давал понять, что всегда решает сам, позволять до себя дотронуться или нет. Когда Коке отъехал, всадники вздохнули с облегчением. Пусть знают: их предводитель не боится хана, но Есугэй признал, что не правит теми землями, где олхунуты поставили свои юрты.

– Дорога была долгая, и вы наверняка голодны. Нынешним утром наши охотники привезли жирных весенних сурков. Не разделите ли вы с нами нашу еду?

– Разделим, – ответил Есугэй.

С этой минуты их защищали законы гостеприимства, и напряженность Есугэя, говорившая о том, что он в любой момент готов выхватить меч, исчезла. Он спрятал оружие в подбитый мехом халат. А у Тэмучжина в животе вдруг похолодело. Он начал понимать, как одиноко ему будет среди чужаков. Пока они ехали к юртам олхунутов, он не отрываясь смотрел на отца и с ужасом представлял себе то страшное мгновение, когда тот уедет и оставит его одного.

Юрты олхунутов напоминали юрты племени Тэмучжина, но были не такого грязно-белого цвета. Лошади стояли в огромных загонах рядом с жилищами. Их было так много, что и не пересчитать. Коровы, козы и овцы паслись на холмах, и, судя по их количеству, олхунуты процветали. Да и само племя было многочисленным. Правду говорил Есугэй. Тэмучжин увидел мальчишек – ровесников его братьев. Они носились на лошадях вокруг улуса. У каждого был маленький лук, и целились они как будто в землю, постоянно при этом переругиваясь и смеясь от радости. В эти минуты Тэмучжину остро захотелось, чтобы Хасар и Хачиун были рядом.

Его двоюродный брат Коке спешился, бросил поводья худенькой женщине с лицом морщинистым, как осенний лист. Тэмучжин с Есугэем тоже спешились. Их коней увели, чтобы напоить и накормить после долгой дороги. Остальные всадники разбрелись по улусу. Одни отправились в свои юрты, другие подошли к сородичам, чтобы обменяться новостями. Чужаки в племени не были обычным делом, и Тэмучжин чувствовал на себе взгляды сотен людей, пока Коке вел двоих Волков сквозь толпу в юрту отца.

Есугэй недовольно хмыкнул, так как ему пришлось идти позади какого-то юнца. В отместку хан вышагивал медленно, останавливался и рассматривал узоры на юртах менее знат-

ных семей. И Коке был вынужден ждать, пока гости удовлетворят свое показное любопытство, иначе они остались бы далеко позади. Тэмучжин внутренне ликова: отец и в чужом племени явил всем, кто тут главный. Он не спешил за младшим. Нет, он вел себя так, чтобы всем стало понятно: высокие гости осматривают олхунутские жилища. Есугэй даже заговорил с парочкой простых воинов, но не задавал вопросов, а лишь бросал короткую похвалу или делал небольшое замечание. Олхунуты смотрели на двоих Волков, и Тэмучжин знал, что отец наслаждается затаенной злобой чужого племени не меньше, чем жаркой битвой.

Когда они наконец подошли к юрте с ярко-синей дверью, Коке уже кипел от злости, хотя и сам не мог понять почему.

– В добром ли здравии твой отец? – спросил Есугэй.

Молодой человек вынужден был остановиться, хотя уже собирался войти в юрту.

– Он силен, как всегда, – отвечал Коке.

– Скажи ему, что я здесь, – кивнул Есугэй и ласково посмотрел на племянника.

Коке покраснел и поспешил скрыться в темноте юрты. Есугэй и Тэмучжин остались вдвоем, хотя вокруг было полно чужих глаз и ушей.

– Прояви уважение, когда войдем, – прошептал Есугэй. – Эти семьи тебя не знают. Они отметят все твои промахи и не обрадуются.

– Понял, – ответил Тэмучжин и, едва шевельнув губами, спросил: – Сколько зим моему двоюродному брату Коке?

– Тринадцать или четырнадцать.

Тэмучжин посмотрел на отца с любопытством:

– Значит, он живет только потому, что ты попал стрелой его отцу в бедро, а не в сердце?

– Я не в бедро целил, – пожал плечами Есугэй. – Хотел его убить, но другой брат Оэлун уже метнул топорик, и у меня не было времени, чтобы прицелиться.

– Он тоже здесь? – огляделся по сторонам Тэмучжин.

– Разве что башку себе приставил, – усмехнулся Есугэй.

Тэмучжин молча обдумывал его слова. У олхунутов нет причин любить его отца, зато для ненависти причин много. Однако именно к олхунутам Есугэй посылал сыновей за женами. Уверенность, которую Тэмучжин чувствовал среди людей своего племени, быстро улечивалась. Он вдруг ощутил себя одиноким и испуганным мальчишкой. Однако ему удалось взять себя в руки. В конце концов, выдержал же Бектер целый год среди чужих. Убить не убьют, а все остальное стерпеть можно, в этом Тэмучжин был уверен.

– Почему он не выходит? – прошептал он отцу.

Есугэй хмыкнул, оторвав взгляд от молодой олхунутки, доившей неподалеку коз.

– Он заставляет нас томиться в ожидании, потому что хочет меня обидеть. Он заставил меня ждать и два года назад, когда я привез Бектера. Не сомневаюсь, что так будет и тогда, когда мы с Хасаром приедем сюда. Он дурак. Ну да все шавки лают на волка.

– Тогда зачем ты вообще к нему поехал? – еще тише спросил Тэмучжин.

– Меня охраняют кровные узы. Им не нравится привечать меня, но так они оказывают почтение твоей матери. А я в свою очередь выполняю свой отцовский долг. У моих сыновей должны быть жены.

– Ты будешь встречаться с их ханом? – поинтересовался Тэмучжин.

Есугэй отрицательно покачал головой:

– Если увижусь с Сансаром, то он будет вынужден давать мне кров и женщин, пока я здесь. Ему придется устроить для меня охоту, как сделал бы и я, будь он гостем Волков.

– Он тебе нравится, – сказал Тэмучжин, вглядываясь в лицо отца.

– Он честный мужчина и другом мне не прикидывается. Уважаю его. Если решу угнать его стада, то оставлю ему несколько овец и пару женщин, а может, даже лук и хорошую одежду, чтобы не страдал от холода.

Есугэй улыбнулся и снова уставился на девушку, доившую блеющую козу. Тэмучжин подумал: а знают ли они, что волк уже среди них?

Внутри юрты было темно, пахло бараниной и потом. Тэмучжин низко пригнулся, чтобы пройти под притолокой. Ему впервые пришлось в голову, насколько незащищен человек, вступающий в дом другой семьи. Может, у этой двери есть и другое назначение, кроме как не пускать непогоду в дом?

В юрте стояли резные деревянные лежанки, посередине была маленькая жаровня. Тэмучжину с первого взгляда почему-то не понравилась обстановка, однако его острые глаза заметили отличный лук на дальней стене – с двойным изгибом, усиленный роговыми накладками и с жильной тетивой. Интересно, удастся ли ему потягаться в стрельбе с олхунутами? Если целый год он не сможет прикоснуться к оружию, то утратит искусство, наработанное с таким трудом.

Коке стоял, почтительно склонив голову. Навстречу Есугэю поднялся человек, чтобы поприветствовать гостей. Он был на голову ниже хана Волков.

– Я привез тебе другого сына, Энк, – сказал, как требует обычай, Есугэй. – Олхунуты нам друзья и оказывают Волкам честь, давая им сильных жен.

Тэмучжин с восхищением рассматривал своего дядю. Брат его матери. Странно думать, что она выросла в этой самой юрте, может, ездила вокруг верхом на баране, как это любят делать дети.

Энк был строен, как копьё. Кожа плотно облегла кости, и на бритом черепе были хорошо видны все шишки и углубления. Даже в темноте юрты он блестел от жира, и лишь одна густая седая прядь свисала с его темени между глаз. Взгляд, которым Энк одарил Тэмучжина, не был ласковым, однако олхунут приветственно пожал Есугэю руку, и жена его подала соленый чай, чтобы гости освежились.

– Здорова ли моя сестра? – спросил Энк, когда воцарилась тишина.

– Она подарила мне дочь, – ответил Есугэй. – Может, в один день ты пригнешь ко мне сына.

Энк кивнул, хотя эта мысль вряд ли была ему по душе.

– Пришла ли кровь к той девушке, что ты выбрал для моего старшего сына? – поинтересовался Есугэй.

– Ее мать говорит, что нет еще, – поморщился Энк. – Она придет, когда будет готова.

Казалось, он хотел сказать что-то еще, но передумал, закрыл рот и сжал губы с такой силой, что складки вокруг рта углубились.

Тэмучжин уселся на краю лежанки, незаметно оценив прекрасное качество одеял. Когда поднесли чаю, он, помня о том, что говорил отец, принял пиалу правой рукой, левой поддерживая правый локоть, как того требовал обычай. Ни один олхунут не сможет попрекнуть его за поведение.

Все расселись и в полном молчании выпили чаю. Тэмучжин начал было расслабляться.

– Почему твой сын меня не приветствует? – хитро спросил Энк Есугэя.

Отец нахмурился в ответ, а Тэмучжин снова напрягся. Он отставил пиалу и встал. Энк тоже встал, и мальчик с удовольствием обнаружил, что они одного роста.

– Для меня великая честь познакомиться с тобой, дядя, – произнес он. – Я Тэмучжин, второй сын хана Волков. Моя мать передает тебе поклон. Здоров ли ты?

– Здоров, мальчик, – ответил Энк. – Хотя вижу, придется поучить тебя правилам вежливости, принятым у нашего народа.

Есугэй тихонько кашлянул, и Энк тут же замолчал, хотя, возможно, и собирался еще что-то сказать. В его глазах мелькнуло раздражение. Мальчик вспомнил, что находится в мире

взрослых игр, и ему снова стало страшно оттого, что скоро настанет минута, когда отец оставит его здесь одного.

– Как твое бедро? – шепотом спросил Есугэй.

Тонкие губы Энка искривились в усмешке.

– Даже не вспоминаю о нем, – отвечал он.

Однако Тэмучжин заметил, как неловко садится и встает дядя, и в душе порадовался. Он не обязан любить чужаков. Мальчик понимал, что это лишь еще одно испытание, предназначенное Есугэем для сыновей, и имел твердое намерение выдержать его.

– Найдется ли для моего сына жена в твоих юртах? – поинтересовался Есугэй.

Энк поморщился, допил чай и протянул руку, чтобы пиалу опять наполнили.

– Только в одной семье не нашлось для дочери пары. Они обрадуются, если она будет есть чужое мясо и пить чужое молоко.

– Я посмотрю на нее до отъезда, – кивнул Есугэй. – Она должна быть здоровой и плодотворной, должна родить сыновей Волку. Кто знает, может, однажды она станет матерью племени.

В глубокой задумчивости Энк отпил соленой жидкости. Тэмучжину больше всего на свете хотелось убраться подальше от этого плохо пахнущего человека и его мрачной юрты, но он заставил себя сидеть спокойно и прислушиваться к каждому слову. В конце концов, от нынешнего разговора зависела его дальнейшая жизнь.

– Я приведу ее к тебе, – обещал Энк.

– Добрая кровь идет от доброго рода. Хочу увидеть ее родителей, – заявил Есугэй.

– Ладно, – с неохотой кивнул Энк. – Мне все равно надо выйти по нужде.

Тэмучжин встал и попятился, пропуская дядю к выходу. И почти сразу же услышал журчание. Есугэй рассмеялся, но смех был недобрым. Молча протянув руку, он обнял Тэмучжина за плечи, и они вместе вышли на солнечный свет.

Олхунутов снедало любопытство. Казалось, им хочется узнать все про их гостей. Когда глаза Тэмучжина привыкли к свету, он увидел, что вокруг юрты Энка столпилось несколько десятков чужаков. Есугэй едва удостоил собравшихся взглядом. Энк пошел сквозь толпу, пинком прогнав с дороги двух рыжих собак. Есугэй зашагал за ним, но перед этим на мгновение встретился с сыном взглядом. Тэмучжин спокойно посмотрел на отца, и тот кивнул ему, чтобы подбодрить.

Хромота Энка при ходьбе была видна куда сильнее. Каждый шаг напоминал о старой ране. Заметив, что гости за ним наблюдают, Энк покраснел. Они прошли между юртами к краю поселения. За ними брели олхунуты, переговариваясь и совершенно не скрывая своего любопытства.

За их спинами вдруг послышался грохот копыт, и Тэмучжин еле удержался, чтобы не оглянуться. Перехватив взгляд отца, он понял, что если бы была какая-то опасность, то хан выхватил бы меч в мгновение ока. Есугэй чуть улыбнулся, но пальцы его стиснули рукоять. Тэмучжин слышал приближающийся топот. Под ногами задрожала земля.

Есугэй вдруг отпрянул и схватил всадника. Лошадь, без узды и седла, пронеслась дальше. Освободившись от наездника, она пару раз взбрыкнула и успокоилась, опустила голову и начала щипать траву.

Тэмучжин обернулся. Интересно, кого это поймал отец, а Есугэй как раз опускал ребенка на землю.

Наверное, это была девочка, хотя сказать с уверенностью было трудно. Волосы коротко подстрижены, а лицо черно от грязи. Девочка вырывалась из рук Есугэя, плевалась и верещала. Тот поставил ее на землю, рассмеялся и, повернувшись к Энку, заметил:

– Вижу, олхунуты растят дочерей дикарками.

Лицо Энка скривилось в усмешке. Он смотрел вслед удирающей чумазой девчонке.

– Пойдем-ка к ее отцу, – произнес он, бросив взгляд на Тэмучжина.

Тэмучжин уставился на убегающую фигурку, сожалея, что не успел как следует ее рассмотреть.

– Это она? – спросил он, но никто ему не ответил.

Кони олхунутов паслись за пределами улуса, мотали головами и ржали в весеннем возбуждении. Крайние юрты стояли на пяточке пыльной земли рядом с загонами. Приземистые и простые, без украшений, даже двери были из некрашеного дерева. Это говорило о том, что их хозяева не имели ничего, кроме собственной жизни и места в племени. Тэмучжин вздохнул, подумав, что придется провести в такой бедной семье целый год. Он надеялся, что ему хотя бы лук для охоты дадут. По юрте можно было предположить, что семья невесты с трудом его прокормит.

Лицо Есугэя было непроницаемо, и Тэмучжин изо всех сил пытался сделать точно такое же лицо, пока Энк еще был здесь. Для себя он решил, что никогда не полюбит дядю, который принял его так неласково.

Отец девушки вышел им навстречу, улыбаясь и кланяясь. Одежда его была черна от грязи и засалена так, что Тэмучжин подумал, будто он носит ее, не снимая, уже который год. Открыв в улыбке беззубый рот, старик почесал голову и вытащил из волос какого-то паразита. Все это казалось ужасным, особенно если всю жизнь провел в чистой материнской юрте. Густой запах мочи висел в воздухе, а рядом не было даже выгребной ямы.

Мальчик смотрел на грязные руки старика, а тот тем временем пригласил гостей в юрту – выпить пиалу соленого чая. Тэмучжин сел слева от Энка и Есугэя. Сердце Тэмучжина совсем упало, когда он увидел кособокие лежанки и серую обстановку юрты. На стене висел старый лук, но плохой и много раз чиненный. Старик пинком разбудил жену и велел ей приготовить чай. В присутствии гостей он явно беспокоился и постоянно бормотал себе что-то под нос.

Энк не мог скрыть удовольствия. Он с усмешкой оглядел голый войлок и деревянные решетки каркаса юрты, латанные в сотнях мест.

– Благодарим за угощение, Шрия, – сказал Энк женщине, когда она с коротким поклоном разлила по неглубоким пиалам соленый чай. Его настроение все улучшалось. Он обратился к хозяину юрты: – Приведи дочь, Шолой. Отец этого мальчика желает ее видеть.

Снова ослабившись в беззубой улыбке, старик вышел, на каждом шагу подтягивая спадающие штаны. Тэмучжин услышал какой-то пронзительный визг, крик, но сделал вид, что ничего не слышит. Он глотал жидкость из пиалы, прятал испуганные глаза и думал, что ему ужасно хочется выйти по нужде.

Шолой втащил ту самую чумазую девчонку, которую они встретили по дороге. Чувствуя на себе холодный взгляд Есугэя, старик стукнул ее по лицу, потом огрел по задку. Глаза девочки наполнились слезами, но она продолжала все так же решительно вырываться.

– Это Бортэ, – хитренько усмехнулся Энк. – Уверен, она станет твоему сыну верной и хорошей женой.

– А не старовата? – засомневался Есугэй.

Девочка вырвалась из рук отца и уселась в другом конце юрты, как можно дальше от незваных гостей.

– Ей четырнадцать, но кровь еще не пришла, – пожал плечами Энк. – Может, потому что такая худая. У нее были и другие женихи, но они предпочли девочек поспокойнее. А в этой горит огонь. Она станет хорошей матерью Волку.

Девочка, о которой шла речь, вдруг схватила сапог и швырнула им в Энка. Тэмучжин, сидящий рядом с дядей, перехватил сапог в воздухе. И она злобно на него уставилась.

Есугэй прошелся по юрте. Что-то в его лице заставило девочку притихнуть. Для своего народа он был высоким, а уж по меркам олхунутов – огромным. Он протянул руку и легонько взял ее за подбородок, приподнял лицо.

– Моему сыну нужна сильная жена, – сказал он, глядя ей в глаза. – Думаю, когда вырастет, станет красавицей.

Возмутившись, девочка попыталась ударить Есугэя, но не успела: тот уже отдернул руку. Усмехнулся, кивнул:

– Она мне нравится. Я согласен.

– Я рад, что нашел хорошую пару твоему сыну, – произнес Энк, скрывая недовольство за легкой улыбкой.

Есугэй встал и выпрямился, возвышаясь над всеми.

– Через год, Энк, я заберу его. Научи его послушанию, но помни: настанет день – и он превратится в мужчину, который, может статься, вернется и отдаст олхунутам долги.

Энк с Шолоем поняли угрозу, таящуюся в этих словах. Хозяин юрты стиснул зубы, постарался взять себя в руки и ответить спокойным голосом:

– Нелегка жизнь в юртах олхунутов. Мы вернем тебе воина вместе с женой.

– Не сомневаюсь, – отвечал Есугэй.

Почти пополам пришлось согнуться Есугэю, чтобы выйти через низенькую дверь. И Тэмучжин внезапно испугался, поняв, что отец уходит. Ему казалось, что взрослые, выходящие следом за отцом, плетутся целую вечность. Но он заставил себя сидеть на месте, дождался, пока в юрте останется только старуха, и тогда вышел. Выбрался из юрты и зажмурился от яркого солнца. Коня для Есугэя уже привели. Отец легко взлетел в седло, посмотрел на всех сверху вниз. Наконец твердый взгляд остановился на Тэмучжине. Ничего не сказал отец сыну на прощание, лишь ударил коня пятками и умчался прочь.

Мальчик смотрел Есугэю вслед и думал, что отец возвращается к братьям, к матери, ко всему, что любил сам Тэмучжин. Он понимал, что Волк не обернется, но надеялся и ждал, ждал прощального отцовского взгляда. Он почувствовал, что на глазах его выступают слезы, и глубоко вздохнул, чтобы удержать их, понимая, как радостно будет Энку увидеть его слабость.

А дядя дождался, пока Есугэй не исчезнет вдаль, зажал ноздрю пальцем и высморкался на траву.

– Наглый глупец, как и все Волки, – бросил он.

Тэмучжин резко обернулся, так что даже напугал Энка.

– А щенки еще хуже отца. Ничего, Шолой бьет щенков так же крепко, как дочерей и жену. Они все знают свое место, мальчик. И ты будешь знать свое, пока живешь здесь.

Он дал Шолою знак, и коротышка схватил Тэмучжина за руку, причем неожиданно крепко. Энк усмехнулся, глядя мальчику в лицо.

Тэмучжин молчал, понимая, что эти люди просто хотят его напугать. Постояв немного, Энк отвернулся и с мрачным видом заковылял прочь. И сейчас дядя хромал куда сильнее, чем в присутствии Есугэя. И среди страха и одиночества, которые поглотили его, только эта мелочь дала мальчику некоторое удовлетворение. Если бы с ним обращались по-доброму, он не обрел бы силы. А теперь его кипящий гнев был подобен глотку кобылей крови, от которой ему всегда становилось теплее.

Есугэй так и не обернулся. Он проезжал мимо последних олхунутских всадников и не обращал на них внимания. Сердце его болело оттого, что он оставляет дорогого сына в руках этого червя, грязного Шолоя, но при олхунутах он не мог сказать Тэмучжину даже нескольких слов утешения: они бы возрадовались, став свидетелями отцовской слабости. Только оказавшись на равнине в одиночестве, оставив далеко позади юрты олхунутов, только тогда Есугэй позволил себе слабую улыбку. В Тэмучжине много гнева и огня – наверное, больше, чем в любом другом его сыне. Где Бектер погрузился бы в мрачное молчание, там Тэмучжин ошеломит своей силой того, кто думает, будто может безнаказанно издеваться над ханским сыном. Как бы то ни было, он переживет этот год, и благодаря приобретенному опыту и жене, которую

сын привезет домой, Волки станут еще сильнее. Есугэй подумал о жирных овцах, которые так и кишели вокруг юрт родного племени его жены. Он не считал, будто охрана у олхунутов слабая, но если зима придет суровая, то вполне может такое случиться, что однажды Есугэй снова устроит набег со своими воинами. Настроение улучшилось: он представил себе, как Энк удирает от его воинов. Тогда-то этот хромой человечек не будет ухмыляться да смотреть искоса. Есугэй ударил коня пятками и пустил его вскачь по степи, полный сладостных мыслей о битвах и воплях раненых.

Глава 6

Тэмучжин проснулся оттого, что его грубо столкнули с лежанки на пол. В юрте было так темно, что он не видел даже собственных рук и ног, к тому же все вокруг было незнакомым. Он слышал, как поблизости бормочет и спотыкается Шолой, и решил, что это именно он так грубо его разбудил. Тэмучжин ощутил новый приступ отвращения к отцу Бортэ. Он с трудом поднялся, ударился обо что-то ногой, но стон подавил. Еще не рассвело, жилища олхунутов были безмолвны. Тэмучжин не хотел выходить, чтобы не тревожить собак. Надо плеснуть воды в лицо, подумал он, зевая, – так и сонливость пройдет. Потянулся туда, где вчера, насколько он помнил, стояло ведро, но рука уткнулась в пустоту.

– Еще не проснулся? – послышался рядом голос Шолоя.

Тэмучжин повернулся и стиснул кулаки в темноте. На скуле со вчерашнего дня вспухал синяк, оставленный тяжелой рукой старика. На глаза навернулись стыдливые слезы. Энк не солгал насчет жизни в этом жалком жилище. Шолой подкреплял приказы ударами костлявых кулаков и когда гнал собаку с дороги, и когда заставлял жену или дочь что-то делать. Сварливая жена, видимо, усвоила, что надо молчать и держаться в сторонке, но Бортэ не раз получала от отца только потому, что подвернулась под руку в тесной юрте. Похоже, под грязью и потрепанной одеждой ее тело сплошь покрыто синяками. Шолою пришлось дважды сильно ударить его, прежде чем Тэмучжин потупил голову. Мальчик чувствовал на себе полный презрения взгляд Бортэ, но что он мог сделать? Убить старика? Он знал, что, если ударит Шолоя, жить будет недолго. Хозяину юрты стоит только позвать мужчин племени на помощь. Тэмучжин представил, с каким удовольствием они убьют его, дай он только повод. Последний раз ночью он проснулся от сладостного сна: за его конем тащится окровавленное тело Шолоя. Мечта, порожденная унижением. Тэмучжин со вздохом напомнил себе, что Бектер все это как-то пережил. Как же такой бык сумел обуздать свой нрав?

Мальчик услышал скрип петель – это Шолой открыл низенькую дверь и впустил холодный звездный свет, чтобы Тэмучжин мог обойти железный треножник, не потревожив спящую Бортэ и ее мать. Поблизости стояли две юрты. Там жили сыновья Шолоя со своими грязными женами и детьми. Много лет назад они покинули старика, оставив с ним Бортэ. Несмотря на жалкий вид, Шолой был ханом в своей юрте, и Тэмучжину оставалось только потупить голову и стараться заработать поменьше тумачков и затрещин.

Выбравшись наружу, он вздрогнул от холода и засунул руки в рукава халата, обхватив себя покрепче. Шолой снова мочился – ночью он бегал чуть не каждый час. Тэмучжин каждый раз просыпался, так как старик постоянно об него спотыкался. И теперь мальчик недоумевал, зачем его разбудили так рано. Желудок сводило от голода. Хотелось проглотить чего-нибудь горячего, хотя бы немного чаю, чтобы руки перестали дрожать. Но Тэмучжин знал: если попросит Шолоя, тот лишь ухмыльнется в ответ. Даже очаг еще не был разожжен.

Под светом звезд скот казался лишь темными тенями. Тэмучжин помочился на землю, глядя на поднимающийся парок. Стояла весна, ночи были еще холодными, а землю покрывала корочка льда. Дверь выходила на юг, и найти восток было несложно. Он посмотрел на небо. Еще и светать не начало. Тэмучжин надеялся, что не каждый день Шолой встает так рано.

Зубов у старика не было, но он был жилист и костляв, как старый посох, и у мальчика возникло нехорошее чувство, что день будет долгим и тяжелым.

Тэмучжин заправил рубаху и вдруг ощутил жесткую хватку Шолоя на своем плече. В руке у старика было деревянное ведро, а когда мальчик повернулся к нему, тот взял еще одно и вручил ведра Тэмучжину.

– Набери воды и быстро возвращайся, – велел Шолой.

Мальчик кивнул и пошел к реке. Жаль, что нет здесь Хасара и Хачиуна. Ему очень недовесало их. Он представлял, как просыпается в родной юрте, как Оэлун будит братьев, задает им работу. Тэмучжин набрал воды и с тяжелыми ведрами отправился назад. Очень хотелось есть, но он не сомневался, что Шолой заставит его голодать, стоит только дать повод.

Когда Тэмучжин вернулся, очаг уже горел, а Бортэ исчезла. Мрачная жена Шолоя, костлявая старуха Шрия, суежилась вокруг очага, поддерживая огонь. Потом вышла и захлопнула дверь. Она не сказала Тэмучжину ни слова с момента его появления в юрте. Тэмучжин жадно посмотрел на котелок с чаем. Но появился Шолой и, взяв мальчика двумя пальцами за плечо, вывел его в спокойную предрассветную тишину.

– Когда встанет солнце, будешь валять войлок с моими сородичами. Стричь овец умеешь?

– Нет, я никогда... – начал было Тэмучжин.

– Мало от тебя толку, парень, – скривился Шолой. – Ведра я и сам могу таскать. Когда рассветет, соберешь кизяк для очага. Ну а стадо пасти можешь?

– Приходилось, – поспешно ответил Тэмучжин.

Он надеялся, что ему дадут кобылу и велят пасти стада олхунутов. И тогда он сможет каждый день уходить подальше от новой семьи. Однако Шолой понял, что мальчишка уже размышлялся, и его беззубый рот собрался в мокрый и грязный кулак.

– Хочешь сбежать к мамочке, сынок? Испугался тяжелой работы?

– Я могу красить кожу и сучить веревку на сбрую и седла. Я могу резать дерево, кость и рог, – покачав головой, ответил Тэмучжин.

Он невольно покраснел, однако Шолой вряд ли заметил это в темноте.

– А зачем мне седло, если у меня и лошади-то нет? – хмыкнул старик. – Не все рождаются в шелках да мехах.

Старик поднял руку, собираясь ударить Тэмучжина, но тот успел уклониться. Шолой был намерен продолжать. Он бил мальчика, а тот, отходя назад, вдруг наступил на темное пятно, где моча протопила лед, и упал на землю. Когда же он попытался подняться, Шолой пнул его под ребра. Тэмучжин вскочил и стоял, пошатываясь, внезапно потеряв уверенность. Старик явно намеревался постоянно его унижать, и мальчик не понимал, чего тот от него добивается.

Шолой со свистом выдохнул, утомившись от избиения, плюнул. Потянулся узловатыми пальцами к Тэмучжину. Тот попятился, не зная, как ответить своему мучителю, чтобы тот прекратил его бить. Мальчик уворачивался и закрывал голову, но некоторые удары попадали в цель. Внутренние силы, растущие в нем, подстрекали его дать старику сдачи, но он не был уверен, что Шолой сейчас хоть что-то почувствует. В темноте он словно вырос и стал очень страшным. Тэмучжин даже представить себе не мог, как его стукнуть достаточно крепко, чтобы тот прекратил этот кошмар.

– Хватит! – закричал он. – Хватит!

Шолой хмыкнул, крепко ухватившись за полу халата Тэмучжина и тяжело дыша, словно пробежал расстояние в несколько полетов стрелы под полуденным солнцем.

– И не таких жеребчиков обламывал. И поупрямее тебя. А ты не лучше, чем я думал.

В его словах звучало презрение. Тэмучжин разглядывал лицо старика. На востоке затеплился рассвет, и племя наконец стало просыпаться. Мальчик и старик одновременно почувствовали, что за ними следят, и, обернувшись, увидели Бортэ.

Тэмучжин вспыхнул от стыда, еще более ужасного, чем побои. Шолой отпустил его, словно подчинившись молчаливому и внимательному взгляду Бортэ. Казалось, старику стало неловко. Не говоря ни слова, он протиснулся мимо Тэмучжина и исчез в смрадной темноте юрты.

По верхней губе струилась кровь, и Тэмучжин вытер ее, озлобленный на весь мир. Это движение спугнуло дочь Шолоя. Она отвернулась и побежала прочь, исчезнув в предрассветном сумраке. На несколько драгоценных мгновений он остался наедине с самим собой, почувствовав себя потерянным и жалким. Его новая семья была немногим лучше бродивших вокруг животных. А ведь это лишь начало первого дня.

Бортэ пробежала между юртами, промчалась мимо лающей собаки, и та бросилась за ней в погоню. Несколько быстрых поворотов – и собака осталась позади, рыча и гавкая. Только на бегу Бортэ чувствовала себя настоящей. Ничто на свете не могло коснуться ее в такие минуты. Когда она стояла или сидела, отец мог ударить ее, а мать – хлестнуть веткой березы. У девочки еще не зажили рубцы на спине: пару дней назад ее избили за то, что она пролила ведро холодного кумыса.

Дышалось легко, и Бортэ захотелось, чтобы солнце застыло над далеким горизонтом. Если племя останется спать в своих юртах, она сможет побыть в покое и счастье вдалеке от всех. Она знала, что о ней говорят плохо, и порой ей хотелось быть такой же, как другие девушки. Как-то она даже попыталась стать такой, как все, когда мать в очередной раз на нее накричала. Но ее хватило всего на один день: и шитье, и стряпня, и изготовление черного арака для воинов ей быстро надоели. Что в этом хорошего? Бортэ и внешне отличалась от остальных девочек: худенькая, маленькие груди, обтянутые кожей ребра. Мать все сетовала, что она слишком мало ест и не растет, но у Бортэ были другие виды на будущее. Она не хотела, чтобы у нее выросло коровье вымя для мужской дойки. Она хотела быть быстрой, как олень, и жилистой, как дикая собака.

Наслаждаясь ветром и свободой, она с жадностью глотала воздух на бегу. Отец, не задумываясь, отдал ее этому волчонку! Старик слишком туп, мог бы и ее спросить, хочет она этого или нет. Конечно же не хочет! Но ему все равно. Она знала, каким жестоким бывает отец. В такие моменты есть только одно спасение от его кулаков – спрятаться. Соседские женщины пускали ее на ночь в свои юрты, когда Шолой слишком уж бесился. Правда, если их мужчины напьются кумыса, то ночевать с ними в одном жилище тоже может оказаться опасным. Бортэ всегда прислушивалась к тихим голосам хозяев, к их учащенному дыханию, которое означало, что мужчина может наброситься на нее в темноте. Однажды она так и попала, но больше этого не случится – по крайней мере, пока при ней нож.

Девочка миновала последние юрты племени и, сама не зная почему, побежала к реке. Рассвет уже очертил черную линию воды, а ноги несли ее сами собой. Может, она сумеет перепрыгнуть на другой берег. Может, и приземляться не стоит, а полететь как цапля. Бортэ рассмеялась, представив, как бегают эти неуклюжие птицы – одни хлопающие крылья и тонкие ноги. А вот и берег. Сейчас разогнаться, присесть – и прыгнуть! Она взлетела, глядя в лицо восходящему солнцу и думая, что никогда больше не опустится на землю. Приземлилась на дальнем темном берегу и упала в траву, еще жесткую от ночных заморозков, переводя дыхание от полета собственного воображения. Бортэ завидовала птицам, которые могут улетать так далеко от земли. Как же они наслаждаются свободой, подумала девочка, высматривая птиц в рассветном небе. Как бы счастлива она была, если бы могла расправить крылья и взлететь, оставив на земле отца и мать! Они смотрелись бы сверху грязными черными точками. Тогда они стали бы маленькими, словно насекомые. А Бортэ устремилась бы к солнцу, и Отец-небо радостно встретил бы ее. Но вдруг он тоже поднимет на нее руку? Тогда придется снова улетать. Девочка не верила в абсолютную благодать Отца-неба. Ее опыт подсказывал, что все муж-

чины, какого бы нрава они ни были, слишком походят на жеребцов, что спариваются с кобылами. Она видела такое в олхунутских табунах. Жеребцы дрожат от возбуждения, когда хотят излить свое семя. Они горячи, когда подходят к самкам со своими могучими копытами. А потом щиплют себе траву, словно ничего и не было. Никакой нежности и заботы она во всем этом не видела ни у лошадей, ни у людей. Всю свою жизнь она прожила в одной юрте с родителями. Отцу было наплевать на присутствие дочери, когда ему хотелось ночью забраться на Шрию.

Лежа на холодной земле, Бортэ дышала полной грудью, глотала прозрачный воздух. Если они думают, что волчонок попробует на нее взобраться, то ошибаются. Она отхватит под самый корень его мужское достоинство. Девочка представила, как отрезает и уносит член, держит в руках, словно кровавого червяка, а волчонок бежит за ней и требует его вернуть. Она расхохоталась и наконец успокоилась. Племя просыпалось. Есть дела в юрте, надо присматривать за стадами. Отец будет занят сыном хана, думала Бортэ, но все равно следует держаться поблизости на случай, если потребуются красить кожи или раскладывать шерсть для войлока. К тому же сегодня будут стричь овец, и, если она не придет, ей опять всыпят березовым прутом.

Бортэ присела и выдернула стебелек травы, пожевала. *Тэмучжин*. Она произнесла это имя вслух, пробуя его на вкус. Имя означало «железный», и это было хорошее имя, если бы оно не принадлежало мальчишке, который только корчится под ударами отца и не может ответить ему достойно. Он моложе ее, трусоват, и за такого она должна выходить замуж? И этот мальчишка начнет ей сильных сыновей и дочерей, которые будут бегать так же быстро, как она сама?

– Ни за что, – сказала Бортэ вслух, глядя на бегущую воду.

Она наклонилась к воде и уставилась на свое размытое отражение. Нет, совсем не красавица. Отрезала себе волосы ножом. Чумазая, как пастух. И на ней все равно хотят женить этого мальчишку. Но если бежать быстро-быстро, то ее не поймают.

Полуденное солнце пекло немилосердно. Тэмучжин смахнул пот. В животе урчало от голода. Мать Бортэ была неприятной женщиной и такого же дурного нрава, как и ее муж. И точно так же придиралась к любой мелочи. Мальчик ужаснулся, подумав, что и его жена станет когда-нибудь такой же уродливой и злобной. На завтрак Шрия дала ему пиалу соленого чая и кусок сыра длиной в палец, твердый, как кость. Он засунул его за щеку, чтобы рассосать, но только к полудню сыр едва начал размякать. А Шолой получил три горячие лепешки из пресного теста с острой бараниной и долго перекалывал их из руки в руку, пытаясь согреться. От вкусного запаха рот Тэмучжина наполнился слюной, но Шрия ударила его в живот и сказала, что до вечера он доживет и без еды. Это было оскорбление, но мальчику еще многое придется вытерпеть за сегодняшний день.

Пока Шолой смазывал жиром кожи и проверял копыта олхунутских коней, Тэмучжин таскал тюки с шерстью. Женщины племени раскладывали шерсть на старых тряпках, чтобы валять войлок. Никогда еще Тэмучжин не носил таких тяжестей. Да еще приходилось тащить их через весь улус, чувствуя на себе презрительные взгляды и терпя насмешки малышни. Ноги и спина уже начали ныть, когда он нес еще только второй тюк, однако отдохнуть ему не дали. Когда он нес десятый тюк, Шолой бросил смазывать кожи, чтобы проследить, как Тэмучжин, шатаясь, таскает тюки. Мальчик заметил, что некоторые олхунуты пересмеиваются и негромко бьются об заклад на него. Да пусть они ставят на что угодно! Но когда ноги его подломились и Тэмучжин упал, ему было уже наплевать. Никто не подошел помочь ему. Никогда еще он не чувствовал себя таким несчастным, как в тот момент, когда с трудом, с дрожью в ногах поднимался, а все молча смотрели на него. На суровых лицах олхунутов не было жалости или хотя бы добродушия. Тэмучжин встал и поднял голову. Их ненависть придавала ему сил. Пот разъедал кожу, в грудь словно вогнали кол, но мальчик с усмешкой посмотрел на окружающих. К его удовольствию, некоторые даже отводили взгляд, но большинство усмехались.

Неожиданно выражение лиц олхунутов изменилось, и Тэмучжин понял, что сзади кто-то подошел к нему. Мальчик встал, взгромоздив тюк на плечо и поддерживая его обеими руками. Ему не нравилась собственная уязвимость, и он обернулся, чтобы посмотреть, кто привлек внимание толпы. Узнал Коке и понял, что его двоюродный брат наслаждается происходящим. Стиснутые в кулаки руки Коке висели вдоль тела, но Тэмучжин легко представил, как эти самые кулаки будут молотить по незащищенному животу. Он попытался напрячь мышцы, хотя весь дрожал от усталости. Тэмучжин бесстрастно смотрел на Коке, надеясь твердым взглядом привести врага в замешательство.

Не вышло. Коке приблизился первым, а за ним и другие мальчишки с горящими глазами и жестокими лицами. Краем глаза Тэмучжин заметил, что взрослые подталкивают друг друга локтями и смеются. Он застонал про себя, сожалея, что при нем нет ножа, чтобы срезать надменность с этих чужих лиц. Неужели и Бектеру так доставалось? Он никогда не думал об этом.

– Подними-ка тюк повыше, парень, – потребовал Коке.

Тэмучжин открыл было рот, чтобы огрызнуться, но его сильно толкнули, тюк сполз на сторону, так что он чуть не упал с ним вместе. Мальчик, споткнувшись, налетел на Коке. Тот грубо его отпихнул. Тэмучжин побывал во многих драках с братьями и не мог спустить такое, а потому двинул Коке кулаком прямо в лицо так, что у того аж голова дернулась. Мгновение – и они катались в пыли, забыв об упавшем тюке. Остальные подростки прекратили смеяться. Один из них набросился на Тэмучжина и ударил его под дых. Тот заорал от злости, попытался оттолкнуть Коке и встать, но его пнули в спину. Нос Коке был разбит в кровь, и струйка засыхала, присыпанная пылью. Не успел Тэмучжин встать на ноги, как его противник снова вцепился в него, прижал голову к земле, а два парня уселись ему на грудь и ноги. Тэмучжин слишком устал, таская тюки, чтобы сбросить их. Он бешено вырывался, но пыль забила рот и нос, и вскоре он уже кашлял и царапался. Ему удалось схватить одного парня за глотку, но Коке начал бить его по голове. И Тэмучжин вдруг провалился куда-то, крики стихли, все исчезло.

Это был не сон, но и не бодрствование. Тэмучжин словно из глубокой ямы вынырнул, когда ему на голову опрокинули бадью с водой. Холодные струйки потекли на землю, смывая с лица грязь и кровь. Шолой поднял Тэмучжина, и мальчик, приходя в себя, понял, что старик отогнал мальчишек. Он посмотрел Шолою в глаза, но не увидел ничего, кроме раздражения. Старик помахал ведром перед его лицом.

– Принеси еще воды, раз уж это ведро я вылил на тебя, – словно издали услышал мальчик голос Шолоя. – А потом пойдешь катать войлок, пока мы будем есть. Если будешь хорошо работать, получишь мяса и горячих лепешек, чтобы мог работать дальше. – На мгновение на лице старика появилось отвращение. – Похоже, у него до сих пор голова кружится, – пробормотал он. – Этому щенку нужен череп покрепче, как у его брата. У того черепушка была крепкая, как у яка.

– Я слышу тебя, – раздраженно буркнул Тэмучжин, стряхивая с себя остатки слабости.

Он схватил ведро, даже не пытаясь скрыть злобу. Ни Коке, ни других парней не было видно, но Тэмучжин поклялся себе, что эти издевательства им даром не пройдут. Он делал тяжелую работу и терпел презрение олхунутов, но избиение на глазах у всех – это уже слишком. Конечно, он понимал, что у него пока недостаточно сил, чтобы отомстить Коке. По-детски хотелось прямо сейчас пойти и избить этих парней. Но у него хватило выдержки воина, чтобы выждать время. А оно обязательно настанет!

Есугэй скакал по бескрайней зеленой равнине между гор, когда заметил вдали всадников. Что это были за всадники, он не знал. Это могли быть олхунуты, выславшие воинов, чтобы проводить его до родных юрт, а могли быть и люди чужого племени. Может быть, это всего лишь пастухи, но надежды его быстро угасли, когда он окинул взглядом пустые холмы. По соседству не было видно ни одной отбившейся овцы. Есугэй понимал, что в случае нападения

ему придется туго, и помрачнел. Краем глаза он следил за продвижением чужаков и надеялся, что никто не заинтересуется одиноким всадником. Однако они развернулись и, подняв тучу пыли, поскакали к нему. До первых дозорных его Волков было еще два дня пути. Ему просто необходимо было оторваться от всадников. Есугэй пустил жеребца вскачь, радуясь, что тот силен и хорошо отдохнул. Может, у преследователей уставшие кони и они отстанут.

Ни разу не обернувшись на скаку, Есугэй и так знал, что за ним гонятся. На открытой местности он был как на ладони. Погоня будет долгой, и в конце концов всадники настигнут его, если он не найдет укрытия. Есугэй лихорадочно осматривал холмы, глядел на деревья, растущие на вершинах. Здесь не спрятаться, думал он. Нужна густо заросшая долина, где деревья тянутся к небу от самого подножия гор, засыпая землю сухой листвой и иглами. Таких мест много, но до них еще далеко. Ему было досадно, но он продолжал мчаться вперед. Когда же наконец решил обернуться, то увидел, что преследователи ближе, чем он предполагал. Их было пятеро. От долгой погони их кровь забурлит, заговорят охотничьи инстинкты. Они начнут улюлюкать и подбадривать друг друга криками. Есугэй знал это. Он улыбнулся, глотнул ветра, что бил в лицо. Знали бы они, за кем гонятся, не торопились бы так. Коснулся рукояти меча. Длинный клинок принадлежал еще отцу и был привязан кожаным ремнем, чтобы не потерялся во время скачки. Лук надежно приторочен к седлу, но Есугэй мог схватить и натянуть его в мгновение ока. Плечи под халатом приятно тяжелила захваченная в набеге кольчуга. Если всадники нападут на него, то будут убиты, сказал самому себе Есугэй, чувствуя, как закипает в крови давно знакомое возбуждение, предчувствие жаркой схватки. Он был ханом Волков и никого не боялся. Они дорого заплатят за его шкуру.

Глава 7

Тэмучжин поморщился: уже в сотый раз грубая шерсть резанула по побагровевшим пальцам. Он и раньше, у Волков, видел, как это делается, но такую работу обычно поручали мальчикам постарше и молодым женщинам. У олхунутов все было по-другому, и он понял, что валять шерсть его отправили не нарочно. Даже самые маленькие дети таскали ведра с водой, чтобы сбрызгивать каждый слой – шерсти нельзя было давать высыхать. Коке и его товарищи привязывали войлок к раме с натянутой кожей и в течение долгих часов били его длинными гладкими палками. По их спинам ручьями стекал пот. Тэмучжин тоже так делал, с трудом сопротивляясь соблазну обломать палку о рожу ухмыляющегося Коке.

Сначала шерсть отбивали, пока она не становилась мягкой, а после женщины отмеряли раскинутыми руками один алд. Отметив нужную ширину, они раскладывали шерсть на ткани, разглаживая и расчесывая неровности, заправляя выбившиеся волокна до тех пор, пока шерсть не начинала напоминать ровную белую кошму. Очередное смачивание помогало складывать шерсть слоями, но настоящее искусство было в определении нужной толщины. Тэмучжин работал вместе с остальными, и к концу дня его руки покраснели и распухли. Коке все время насмехался над ним, а женщины подхихикивали ему, что еще сильнее раздражало Тэмучжина. Но он осознал: все это уже не имеет значения. Теперь, когда он принял решение отомстить, Тэмучжин почувствовал, что может выносить и оскорбления, и колкости. Было даже некое тайное удовольствие в ожидании того момента, когда никого вокруг не будет и Коке получит свое. Руки мальчика, исцарапанные до самых локтей, горели, но на душе от таких мыслей было хорошо.

Когда шесть была выглажена и равномерно выложена, привели олхунутских коней и скатали полотно в огромный белый сверток. Тэмучжин многое бы отдал за право протащить его несколько миль, только бы подальше от этих людей. Но дело поручили смешливому Коке. Тэмучжин понял, что парень пользуется в племени популярностью. Может, потому, что умеет рассмешить женщин своими дурацкими шуточками. И Тэмучжину ничего другого не остава-

лось, кроме как потупить голову и ждать очередной порции кобыльего молока да овощей с бараниной. Плечи и спина болели так, словно кто-то всадил ему нож и вращает его, но он терпел, стоя вместе с остальными и выкладывая очередную партию отбитой шерсти на ткань.

Не одному ему доставалось. Шолой вроде как присматривал за валянием, хотя Тэмучжин сомневался, что у старика есть хоть одна овца. Когда какой-то маленький мальчик пробежал слишком близко и пустил пыль на сырую шерсть, Шолой поймал его и немилосердно отколол палкой, невзирая на визг и вопли. Шерсть должна оставаться чистой, иначе войлок будет непрочным, и Тэмучжин старался не совершить такой же ошибки. Он стоял на коленях у самого края кошмы и следил, чтобы ни один маленький камешек, ни одна пылинка не испортили его участок.

Некоторое время после полудня Бортэ работала напротив него, и Тэмучжин воспользовался возможностью присмотреться к девушке, которую выбрал ему в жены отец. Она была такой тощей, что казалась сущим скелетом, с клоками черных волос, свисающих на глаза, и засохшими соплями под носом. Ему трудно было представить, бывают ли девчонки еще противнее с виду. Когда Бортэ перехватила его злой взгляд, ей захотелось плюнуть ему в лицо. Однако девочка вовремя вспомнила о шерсти и проглотила слюну. Тэмучжин с изумлением покачал головой, не понимая, что такого нашел в ней отец. Может быть, гордость Есугэя заставила его принять, что дают, и таким образом унижить Энка и Шолоя. Тэмучжину придется смириться с тем, что девушка, которая будет жить с ним в одной юрте и рожать ему детей, – сущая дикая кошка. Это очень похоже на олхунутов, с сожалением подумал он. Они не щедры. Бортэ как раз из тех девок, которых желают сбыть с рук поскорее. Похоже, она у всего племени как заноза в заднице.

Шрия шлепнула по рукам Тэмучжина палкой для взбивания шерсти, и мальчик вскрикнул от боли. Конечно, другие женщины расхохотались, а кое-кто даже передразнил его, и он побагровел от злости.

– Кончай спать, Тэмучжин, – крикнула мать Бортэ в сотый раз.

Работа была тупой и однообразной, и женщины либо развлекались разговорами, либо работали как во сне. Но чужаку такой роскоши не давали. Малейшая невнимательность была наказуема. Жара, казалось, никогда не кончится. Вода, которую передавали по кругу, была теплой и солоноватой, так что Тэмучжин даже захлебнулся. Ему чудилось, что он уже целую вечность бьет палкой по вонючей шерсти, вытаскивает из нее гнид, скатывает ее и перетаскивает с места на место. Он не мог поверить, что это всего лишь первый день.

А где-то в южной стороне ехал домой отец. Тэмучжин представил, как встречаются Есугэя собаки, прыгая вокруг него от радости. Он думал, как это здорово – учить орлят охотиться и сидеть на руке. Братья будут в этом участвовать, он знал точно. Им разрешат подносить птицам кусочки мяса, которые они будут держать дрожащими руками. Впрочем, Хачиун не вздрогнет, когда красная птица схватит корм, в этом-то он был уверен. Он завидовал братьям: им предстоит чудесное лето, которое они проведут вместе.

Шрия опять ударила размечтавшегося Тэмучжина. И тут он молниеносно вырвал палку из ее рук и аккуратно положил рядом с собой на землю. Женщина разинула от удивления рот и потянулась за палкой, но мальчик придавил свою добычу коленом и покачал головой. Голова у него кружилась, сердце отчаянно колотилось. Он заметил, что взгляд Шрии метнулся к Шолою, стоявшему поблизости, но тот наблюдал, как на земле раскладывают новый слой влажной шерсти, и не обратил на них внимания. Тэмучжин думал, что она закричит на него или призовет Шолоя на помощь, но, к его изумлению, женщина лишь пожала плечами и снова протянула руку. Мальчику стало как-то неловко, и он решил вернуть палку, готовый в любой момент уклониться от нового удара. Шрия в нерешительности подержала ее в руке, но вдруг отвернулась и пошла прочь. Тэмучжин несколько минут не сводил с нее взгляда, а пальцы

сами собой продолжали выглаживать и дергать шерсть. Старухи больше не было видно, а через некоторое время он снова полностью погрузился в работу.

Энк, его дядя, принес котел кислого молока, и люди подкрепились. Когда солнце коснулось холмов на западе, все получили по большому черпаку прозрачной жидкости – похожего на воду черного арака, но он обжигал все внутренности. Арак был горячее чая с молоком, что давали в юртах. Тэмучжин поперхнулся и закашлялся. Он отер губы и ахнул от боли, когда жидкость попала на ссадину и обожгла ее, словно огонь. Коке ушел волочить войлок позади своего коня, однако Шолой углядел, что мальчик попробовал арака, и расхохотался. Тэмучжин подумал даже, что старика сейчас хватит кондрашка и он окочурится у него на глазах. Но старик не умер, а вытер слезы и стал протискиваться к котлу за новым черпаком арака. Обидно было смотреть, что человек, который почти ничего не делал, получает уже вторую пиалу, но никому, похоже, не было до этого дела. Свет медленно угасал, последняя шерстяная кошма была скатана и привязана за лошадь.

Никто ничего и сказать не успел, а Бортэ уже взлетела в седло, ошеломив Шолоя, державшего повод. Они молча посмотрели друг на друга, и беззубый рот старика задергался, словно ему попал кусок хряща, который он не может прожевать. Смешавшись на мгновение, Шолой шлепнул коня по крупу, и Бортэ ускакала, исчезла в сгущающемся сумраке, чтобы раскатать войлок в плотное ровное полотно. Войлок не пустит зимний холод в юрты, из него получатся тяжелые ковры и чепраки. Обрезки пойдут младенцам, которые еще слишком малы, чтобы испражняться в отхожую яму. Тэмучжин сел на корточки, выпрямил спину и закрыл воспаленные глаза. Правая рука онемела. Он стал тереть ее, чтобы разогнать кровь и почувствовать пальцы, но, когда кровь побежала по жилам, на глаза от боли навернулись слезы. Никогда он еще так не работал. И задумался: станет ли он от такой работы сильным?

Тэмучжин поднялся на ноги, и тут к нему подошел Шолой. Мальчик еле заметно подобрался, увидев старика. Он ненавидел свой страх, но получил слишком много неожиданных ударов и старался быть начеку. Шолой крепко взял его двумя пальцами – знакомая уже хватка – и рыгнул. Из его желудка пахло кислым молоком. Старик указал на юрту кривым пальцем: – Иди ешь и ложись спать. Завтра будешь рубить дрова на зиму.

Тэмучжин слишком устал, чтобы пререкаться, а потому побрел за стариком, еле волоча тяжелые ноги и с тяжелым сердцем.

Есугэй нашел достаточно безопасное место для стоянки. Долина, где он увидел всадников, кончилась, и он понесся к холмам, надеясь найти хоть какое-нибудь укрытие и тем самым сбить погоню со следа. Он понимал, что на пыльной почве его легко отыскать, но скакать всю ночь не мог, так как лошадь могла попасть в нору сурка и сломать ногу. Поэтому Есугэй направил отважного коня по крутому склону вверх, к пестрым зарослям деревьев. Он спешил и вел коня в поводу, постоянно его подбадривая. Это был трудный и опасный подъем. Глаза лошади побелели от страха, когда копыто скользнуло на камнях. Есугэй быстро обмотал поводья вокруг дерева и стал отчаянно тянуть, пока его верный товарищ не нашел опору. Так они добрались до вершины. Плечи и широкая грудь Есугэя ныли от напряжения. Вдруг конь его заржал, оглашая своим призывом окрестности. Эти звуки можно было услышать за несколько полетов стрелы. Есугэй не думал, что преследователи рискнут в такой темноте пойти за ним в заросли. Он пока затаится, а те пусть себе ищут следы в прошлогодних листьях да сухих иглах. Он весело усмехнулся бы от этой мысли, если б мог видеть своих преследователей. Но затылком он чувствовал чужой взгляд. Значит, всадники все еще поблизости, высматривают и прислушиваются, выискивая хоть какой-нибудь признак, что он скрылся где-то рядом. Есугэй опасался, что конь откликнется на ржание их лошадей и выдаст укрытие, но тот после подъема на холм и долгой скачки слишком устал. Если повезет и если ночью не разводить огня, чужаки

оставят поиски и утром отправятся своей дорогой. Ничего страшного не случится, если он вернется к Волкам на день позже.

На вершине холма Есугэй нашел пару низкорослых кустиков и привязал к ним поводья. Конь опустил на колени, но не смог лечь – поводья натянулись слишком туго. Хан Волков не стал его расседлывать на тот случай, если придется быстро уходить, только ослабил подбрюшный ремень. Мерин фыркнул, словно поблагодарив за заботу, и улегся поудобнее. Через мгновение он закрыл глаза и задремал. Мягкие губы раскрылись, обнажив крепкие желтые зубы.

Есугэй прислушался, стараясь понять, отстали преследователи или подбираются ближе. Впрочем, по такой неровной местности подойти незаметно к его укрытию трудно. Он развязал ремешок, удерживающий меч в ножнах, обнажил его одним точным движением, осмотрел клинок. Хорошая сталь, хорошая добыча. Разбойники могут на него охотиться из-за одного только меча. Если бы здесь был верный Илак, хан, не раздумывая, встретил бы их на равнине. Но пятеро на одного – многовато. Разве что они окажутся мальчишками, еще не пробовавшими крови. Таких можно напугать только криком да несколькими короткими взмахами клинка. Отцовский клинок был острым, как и прежде. И это хорошо, так как Есугэй не мог рисковать точить его ночью о камень: его не должны слышать. Он сделал пару глотков из кожаного бурдюка и поморщился: слишком он был легким. Утром конь захочет пить. Если ручей поблизости пересох, то день будет трудным независимо от того, заметили его преследователи или нет. Он пожал плечами. И не такое приходилось переживать.

Наконец Есугэй растянулся на земле и зевнул. Достал из седельной сумы полоску вяленого мяса и улыбнулся, глядя на спящего коня. Сунул мясо в рот, заурчал от удовольствия, наслаждаясь острым вкусом. Ему не доставало Оэлун и сыновей. Что-то они сейчас делают?

Улегшись на землю и засунув руки в рукава, чтобы не мерзнуть, он думал о Тэмучжине. Хан надеялся, что сыну хватит духу перенести испытания в племени Оэлун. Когда парень в таком возрасте, трудно понять, есть ли в нем настоящая сила. Есугэй бы не удивился, если бы Тэмучжин сбежал, но надеялся, что тот выдержит. Такие случаи – большой позор для семьи, слухи быстро разойдутся по племенам, и заставить забыть о побеге будет очень трудно. Есугэй произнес про себя молитву, чтобы сыну была дарована помощь свыше. Он знал, Бектеру туго пришлось. Когда Оэлун не было поблизости, старший сын говорил об олхунутах без особой почтительности. Да любить их и не за что, по правде говоря. Есугэй улыбнулся и возблагодарил Отца-небо за принесенный ему богатый урожай сыновей. Он так и уснул с улыбкой. Сыновья, а теперь еще и дочь. У него сильное семя и хорошая жена. Другие женщины часто теряют по одному комку жалкой красной плоти на каждого явившегося в мир, но все дети Оэлун выжили и были крепкими. Да еще и жирок нагуляли, если говорить о Тэмуге. Совершенно ненужный жирок, так что надо решать, что делать с младшим. Наконец сон овладел Есугэем, дыхание стало медленным и ровным.

Когда он резко открыл глаза, на востоке уже появились первые проблески рассвета, по вершинам дальних холмов протянулась золотая полоса. Есугэй любил эту землю. Он начал тихонько шептать молитву, благодарный за то, что ему пожалован еще один прекрасный день, но вдруг услышал, что поблизости кто-то движется. Человек. Есугэй замер. Он приподнялся с холодной земли. Обнаженный меч всю ночь лежал у него под боком, и теперь пальцы нащупали рукоять и сжали ее. Он знал, что надо подняться и найти такое место, где удобно будет защищаться, причем подняться молниеносно, а ведь кровь еще не разогрелась после сна. И еще не ясно, знает ли неведомый враг, где прячется Есугэй. Он посмотрел влево, вправо и прислушался, пытаясь понять, откуда идет звук. Все еще теплилась надежда, что это пастух ищет козу, отбившуюся от стада. Однако Есугэй понимал, что такое вряд ли возможно. Где-то совсем близко фыркнула лошадь, и тут его конь проснулся и заржал. Вот чего он так боялся. Один из преследователей ехал на кобыле, и она ответила на призыв жеребца. Оказалось, что до нее не больше пятидесяти шагов. Есугэй взметнулся, как дым, не обращая внимания на хруст

в коленях и спине. В одно мгновение сорвал лук с седла, выхватил стрелу из колчана, наложил на тетиву. Только Илак мог пустить стрелу дальше Есугэя, так что в верности своего глаза он не сомневался. Если это враги, то он завалит одного или двух раньше, чем они подберутся на длину клинка. Хорошо бы понять, кто у них главный, и первым убить его, тогда слабых, устранив мечом, можно оставить в живых.

Теперь они знали, где спрятался Есугэй, и затаились. Он спокойно ждал, когда появятся его преследователи. За спиной у него вставало солнце. После краткого размышления Есугэй снял халат и вывернул его наизнанку. У него душа ушла в пятки, когда пришлось положить на землю лук и меч, но темная подкладка халата будет не так заметна на фоне кустов, и Есугэй станет не такой заметной целью. Он подобрал оружие и застыл, подобно деревьям и кустам вокруг. И вдруг поймал себя на том, что напевает про себя, и замолчал. Сон пропал совсем, кровь быстро бежала по жилам. Он радовался опасности, несмотря на то что она грозила смертью.

– О, стоянка! – послышался голос слева от него.

Поняв, что его окружили, Есугэй выругался про себя. Не раздумывая, он оставил коня, забрался поглубже в заросли и пошел на голос. Кто бы они ни были, хан Волков легко им не дастся, поклялся он. Мелькнула мысль, что, может, они не хотят ему зла. Ведь лишь глупцы могут так рисковать жизнью, конем и отцовским мечом ради призрачной надежды. А преследователи сейчас на самом деле сильно рискуют. В степи даже самый сильный выживает лишь благодаря осторожности. А еще Есугэй знал, что для разбойников он хорошая добыча. Ведают ли они, кто им попался, или нет. Он ждал. Струйка пота текла по лбу.

– Я его не вижу, – послышался голос в нескольких шагах от Есугэя.

Он присел, натянув лук.

– Тут его лошадь, – сказал кто-то более низким, чем у остальных, голосом.

Все голоса казались Есугэю юношескими, хотя их умение выслеживать врага и бесшумно передвигаться удивляло его. Даже стоя так близко, он не слышал, как они ступают.

Пытаясь оглядеться, Есугэй медленно повернул голову. Сквозь густые кусты он увидел человека, который пытался отвязать его коня, и гневно нахмурился. Он не мог позволить им угнать своего мерина.

Хан Волков глубоко вздохнул и поднялся во весь рост, напугав чужака, стоявшего рядом с конем. Рука мужчины метнулась было к кинжалу, но тут он увидел натянутый лук, направленный в грудь, и замер.

– Мы не ищем схватки, старик, – громко сказал чужак.

Есугэй понимал, что так он предупреждает своих товарищей, и шорох справа заставил его сердце забиться быстрее.

– Тогда выходите, чтобы я мог видеть вас, и кончайте подкрадываться сзади, – ответил Есугэй.

Голос его эхом прокатился над поляной. Шорох затих, и молодой человек, который так спокойно стоял под его стрелой, кивнул:

– Делайте, как он говорит. Не хочу перед самым завтраком получить стрелу в брюхо.

– Отзовитесь сначала, потом идите, – потребовал Есугэй, – или пристрелю его.

Воцарилось долгое молчание, и молодой человек вздохнул.

– Выходите, все! – резко приказал он.

Его невозмутимость дала трещину, когда он увидел стрелу, нацеленную ему в сердце. Есугэй, прищурившись, наблюдал, как остальные четверо выходят из кустов. У двоих были наготове луки. Все вооружены и в толстых стеганых халатах, способных остановить стрелу и не дать ей глубоко войти. Есугэй понял, кто его преследователи, по их одежде и подумал, что они, наверное, признали и его. Как бы беспечно ни вел себя тот, что стоял рядом с его конем,

это был разбойничий отряд татар, а Есугэй определял закаленных воинов с первого взгляда, кем бы они ни прикидывались.

Когда все пятеро собрались на поляне, молодой человек, в которого целился Есугэй, сказал:

– Я всех созвал, старик. Окажешь ли ты нам честь, присоединишься ли к нашей трапезе?

А были бы они столь же вежливы, если бы лук не угрожал им, думал Есугэй. Но ведь у двоих тоже были луки. Он кивнул и стал целиться в ноги предводителя. Татары расслабились, молодой человек вздохнул с облегчением.

– Мое имя Улаган, я из татар, – представился он. – Ты из Волков, если только не похитил этот халат и меч.

– Я Волк, – откликнулся Есугэй и, следуя обычаю, добавил: – Вы мои гости, ешьте и пейте со мной.

– Как твое имя? – спросил Улаган, поднимая брови.

– Илак, – не задумываясь, ответил Есугэй. – Разведете костер – угощу черным араком, он согреет вашу кровь.

Все занялись приготовлением еды, но двигались с опаской, чтобы не всполошить Волка резким движением. А потому потратили времени больше обычного, собирая дрова и раздувая пламя. Взошло солнце, и воины плотно позавтракали вяленным мясом из седельной сумы Есугэя и медом, большой редкостью в этих местах. Улаган достал его из мешочка под халатом. Сладость меда была весьма приятна Есугэю, который не пробовал ничего подобного уже года три, с тех пор как люди его племени нашли гнездо диких пчел. Он облизал пальцы, чтобы до последней капли собрать золотую жидкость, полную комочков воска, но меч его все время находился под рукой, и стрелы лежали на земле наготове. Было что-то неприятное во взгляде Улагана, наблюдавшего за тем, как Есугэй ест, но каждый раз, когда Волк перехватывал его взгляд, татарин приветливо улыбался. Ни одного слова не было сказано, пока они пировали, и взаимное недоверие ни на мгновение не ослабевало.

– Вы насытились? – наконец спросил Улаган.

Есугэй услышал в его голосе какую-то злобу. Один татарин отошел в сторону, спустил штаны, присел облегчиться. Он даже не пытался отвернуться, и все увидели его болтающееся мужское достоинство.

– Волки не мешают еду с дерьмом, – буркнул Есугэй.

Улаган пожал плечами и встал. Есугэй тоже поднялся, чтобы не оказаться в невыгодном положении. К его изумлению, татарин подошел к дымящейся кучке и обнажил меч.

Клинок Есугэя словно бы сам прыгнул ему в руку. Однако сейчас никто не собирался нападать на него. Вместо этого Улаган стал водить клинком по вонючей куче, пока тот не покрылся дерьмом по самую рукоять.

Улаган поморщился и обратился к тому, чьими стараниями возникла эта кучка:

– Говорил же я тебе, Насан, у тебя зараза в брюхе.

– Говорил, – без всякой усмешки ответил тот и тоже погрузил свой меч в дерьмо.

В это мгновение Есугэй понял, что его встреча с татарами не была случайной.

– Когда вы узнали меня? – тихо спросил он.

Улаган улыбнулся, но взгляд его оставался холодным.

– Олхунуты передали нам, что ты привез сына. Мы хорошо заплатили их хану, чтобы он послал вестника на нашу стоянку. Его нетрудно было уговорить, – усмехнулся Улаган. – Тебя не слишком-то любят. Порой нам казалось, что ты так и не появишься, но старик Сансар держит слово.

При этих словах сердце Есугэя заныло: он подумал о Тэмучжине. Прикидывая, как ему справиться одному против пятерых, Есугэй решил заставить татарина болтать и дальше, так

как уже понял, что Улаган глупец. Незачем вести разговоры с тем, кого собираешься убить, но молодой воин наслаждался своей властью.

– Неужто моя жизнь настолько ценна, что вас послали за мной? – спросил Есугэй.

– Ты загрыз не того воина, Волк, – осклабился Улаган. – Ты убил ханского сына, которому хватило дури угнать твой скот. Его отец не прощает обиды.

Есугэй кивнул, словно внимательно слушал Улагана. Увидев, что и остальные трое намерены сунуть клинки в вонючее дерьмо, он неожиданно прыгнул и вонзил меч Насану в шею. Татарин упал с предсмертным воплем. Улаган яростно взревел, бросился на Есугэя, нацелившись клинком прямо в сердце. Татарин был проворен, но клинок лишь скользнул по кольчуге, разрезав халат.

Яростно бился Есугэй. Стремительность и напор – лишь в этом было его преимущество. Он покажет, что значит сражаться с ханом Волков. Есугэй сделал обманный выпад, резко отступил, тремя скачками выбрался из круга. Татары не успели опять вокруг него сомкнуться. Один из нападающих высоко занес клинок, и Есугэй пронзил его грудь. Он вырвал отцовский клинок, когда татарин начал падать. Но тут Есугэй ощутил острую боль в спине, однако сделал шаг вперед и быстрым косым ударом снес половину лица другому воину. Улаган наступал, лицо его перекошилось от гнева при виде гибели товарищей по оружию.

– Если вышел на хана, так надо было побольше народу с собой прихватить, – поддразнивал его Есугэй. – Всего пятеро! Не уважаешь!

Внезапно он упал на колени, уходя из-под удара Улагана, и резким выпадом рассек икру молодого воина. Рана не была смертельной, но кровь хлынула на сапог, и татарин зашатался.

Вскочив на ноги, Есугэй заплясал, прыгая то вправо, то влево, сбивая противника с толку. Он каждый день упражнялся с Илаком и своими воинами и знал, что в бою, когда противники сражаются мечами, все решает способность двигаться ловко и стремительно. Махать мечом может любой, но именно работа ногами отличает мастера от простого бойца. Есугэй ухмыльнулся, увидев, что татарин, хромя, идет к нему, и насмешливо поманил его рукой. Воин кивнул оставшемуся в живых товарищу, и тот встал с ним рядом. Улаган хорошо рассчитал момент, и Есугэй не успел увернуться. Он пронзил мечом грудь безымянного воина, но оружие застряло в ребрах, и Улаган ударил со всей силой, пронзил кольчугу Есугэя и вогнал острие меча в подвздошье. Хан Волков выпустил меч. Он вспомнил вдруг о своих сыновьях. Боль за них, оставляемых сиротами, была сильнее любой телесной боли. Правой рукой Есугэй схватил Улагана, а левой вытащил нож.

Увидев это движение, Улаган попытался вырваться, но хватка у Есугэя была железная. Он посмотрел на молодого татарина и плюнул ему в лицо:

– Твой народ сотрут с лица земли за все это, татарин. Твои юрты сгорят, скот разбежится.

Коротким ударом он перерезал глотку молодому воину. Татарский меч вывалился из раны, и Есугэй зарычал от боли, упав на колени. Он чувствовал, как бежит кровь по телу. Кинжалом он отрезал длинную полосу от своего халата, дергаясь и ругаясь от боли. Глаза его были закрыты, потому как смотреть уже было не на кого. Конь отчаянно дергал поводья и ржал. Запах крови напугал его, и Есугэй заставил себя говорить с ним спокойно. Если лошадь вырвется и убежит, он может и вовсе не вернуться к своему народу.

– Все хорошо, друг. Они не убили меня. Помнишь, как Илак свалился на ствол сломанного дерева и тот пронзил ему спину? Он выжил, потому что рану хорошенько промыли кипящим араком.

Вспомнив, как обычно молчаливый Илак орал тогда будто малое дитя, Есугэй поморщился. Однако конь тем временем вроде успокоился от звука голоса и перестал дергаться, к великому облегчению Есугэя.

– Вот и хорошо, дружок. Отвезешь меня домой.

Кружилась голова, но он крепко затянул ткань на талии и завязал узлы. Поднял руки, припнулся, скривившись от запаха дерьма, оставленного клинком Улагана. Злое дело, подумал он. За одно это их следовало убить.

Есугэю хотелось постоять на коленях, перевести дух. Отцовский меч лежал под рукой, и прикосновение к холодному металлу успокаивало. Он чувствовал, что может пробыть здесь долго-долго и смотреть на восход солнца. Но внутренний голос говорил: здесь нельзя оставаться, если хочешь, чтобы Тэмучжин остался жить. Есугэй понимал, что должен добраться до Волков и отправить воинов за мальчиком. Ему непременно надо вернуться. Тело казалось тяжелым и беспомощным, но он собрался с силами.

С криком боли он поднялся на ноги, шатаясь, побрел к коню. Прислонился лбом к его теплому боку, сунул меч в притороченные к седлу ножны, тяжело и резко дыша. Руки плохо слушались, когда он распутывал поводья. Однако Есугэй умудрился взобраться в седло. Он знал, что по крутому склону спуститься не сможет, но другой склон холма был более пологим, и Есугэй ударил коня пятками, устремив взгляд на горизонт: ведь где-то там были его дом и семья.

Глава 8

Наступил вечер. Бектер отпустил кобылу пастись, а сам уселся на высоком холме, ожидая возвращения отца. Спина болела: целый день он провел в седле, охраняя стада. Скучать не пришлось. Он спас козленка, увязшего в заболоченной почве у реки. Обвязав вокруг пояса веревку, он залез в черную грязь. Козленок отчаянно брыкался, но Бектер схватил его за ухо и вытащил перепуганное животное на сухой берег. Спасенный злобно смотрел на него, словно этот человек и был виноват в том, что случилось. Бектер лениво соскреб пятнышко засохшей грязи с лица и медленно обвел взглядом степь.

Вдали от болтовни и шума юноша наслаждался покоем. Когда отца не было рядом, Бектер чувствовал, что люди относились к нему совсем по-другому, особенно Илак. Если Есугэй был дома, этот человек вел себя смиренно и повиновался отцу, но если тот оставлял их, воин вел себя надменно, и от этого сыну Есугэя становилось неудобно. Изменить ситуацию он не мог, разве что рассказать отцу. Однако Бектер держал свои мысли при себе и с Илаком был всегда настороже. Бектер решил, что безопаснее всего помалкивать и держаться наравне с воинами, упражняться и развивать силу. Так он, по крайней мере, мог показать свои умения. Хотя и в эти минуты он всегда ощущал пристальный взгляд Тэмучжина на затылке – тот неотступно следил за тем, как старший брат натягивает лук. У Бектера гора с плеч свалилась, когда Тэмучжина отправили к олхунутам. Он надеялся, что там-то брату вобьют в голову здравый смысл и уважение к старшим, и от этой мысли на душе становилось легче.

Бектер с удовольствием вспоминал свой первый день у олхунутов. Коке начал поддразнивать его, хотя был младше и равняться с Бектером по силе и злости не мог. Бектер сшиб его с ног и избил до потери сознания. Олхунуты были ошеломлены такой жестокостью. Будто у них в племени мальчишки никогда не дрались. Бектер плюнул, вспомнив, как они испуганно смотрели на него, словно овцы. А Коке больше не осмеливался дразнить его. Это был хороший урок, преподанный сразу.

Конечно, Энк избил Бектера палкой для взбивания шерсти, но тот снес удары без единого звука, а когда дядя устал и запыхался, отнял у него палку и сломал ее голыми руками, показав свою силу. После этого его оставили в покое. Энк понял, что не следует чересчур нагружать его тяжелой работой. Олхунуты слабы, Есугэй говорил правду, но их женщины были сладки, как белое масло, и возбуждали его.

Бектер подумал, что его нареченная невеста наверняка уже встретила первую кровь, однако олхунуты так и не прислали ее. Как-то он уехал с нею в степь и там завалил ее на берегу

речки. Поначалу, когда поняла, что он собирается с ней сделать, она сопротивлялась, да и он был неуклюж. И в конце концов он взял ее силой, хотя имел на это полное право. И если она ничего такого не хотела, то зачем терлась об него всякий раз, когда проходила мимо. Бектер усмехнулся, вспоминая тот день. Она потом немного поплакала, но ему казалось, что в глазах ее появился блеск. Он почувствовал, как от этих воспоминаний твердеет его плоть. Вздохнул, представив ее обнаженной, и с жадным нетерпением спросил себя, а пришлют ли ее когда-нибудь вообще. Ее отцу он не понравился, но олхунуты не посмеют отказать Есугэю. Едва ли ее отдадут другому после того, как он излил в нее свое семя. Может, она забеременела, размышлял Бектер. Вряд ли это возможно, когда кровь еще не пришла, но он знал, что бывают на свете чудеса, которых не поймешь, сколько мозгами ни раскидывай.

Ночь становилась слишком холодной, чтобы мучить себя воспоминаниями. Бектер прекрасно понимал, что отвлекаться от наблюдения нельзя. Семьи Волков были согласны с тем, что однажды он возглавит их. Он был почти уверен в этом. Однако в отсутствие Есугэя они ждали приказов от Илака. Именно он посылал разведчиков и ставил часовых. Но это закончится в тот день, когда Бектер возьмет себе жену и убьет своего первого врага. А до тех пор в глазах закаленных воинов он будет всего лишь мальчишкой, как были мальчишками для него самого его братья.

В сгущающихся сумерках острые глаза Бектера заметили вдалеке на равнине какую-то точку. Он тут же вскочил на ноги, вынул сигнальный рог из складок халата. Но к губам поднес не сразу, а сначала обшарил равнину глазами в поисках иной угрозы, кроме одинокого всадника. С высоты, на которой он сидел, все было хорошо видно. Кем бы ни являлся всадник, но он ехал один. Бектер нахмурился. Он надеялся, что это не кто-нибудь из его дурней-братцев, удравших без предупреждения. Если оторвать воинов от трапезы без причины, положение Бектера в племени не укрепит.

Он решил подождать. Всадник явно не торопился. Бектер видел, что конь бредет по своей воле, словно всаднику было все равно куда ехать. При этой мысли мальчик нахмурился еще сильнее. По степи скитались люди, не принадлежавшие ни к какому племени. Они нанимались на поденную работу за еду или привозили какие-нибудь товары. Их недолгоблюдали: боялись, что стащат что-нибудь, а потом ищи ветра в поле. Человеку без роду-племени нельзя верить, – это Бектер знал хорошо. Не из таких ли этот всадник?

Солнце опускалось за холмы, день быстро угасал. Бектер подумал, что ему надо затрубить в рог, пока всадник не растворится в темноте. Он поднес рог к губам, но его опять охватили сомнения. Что-то странное было в далекой фигуре. Поэтому Бектер не спешил поднимать тревогу. Разве Есугэй возвращался бы так? Отец никогда так плохо не сидел в седле.

Бектер тянул до последнего, но наконец затрубил тревогу. Долгий печальный звук эхом прокатился по холмам. Отозвались рога других часовых вокруг лагеря, и он с удовлетворением засунул рог в халат. Он предупредил всех, теперь можно поехать и посмотреть, кто этот всадник. Бектер оседлал кобылку, проверил, чтобы кинжал и лук были под рукой. Он уже слышал переключку других воинов в вечерней тишине, звуки рогов. Мужчины выбегали из юрт. Бектер ударил кобылку пятками и направил вниз по склону в надежде добраться до чужака прежде Илака и старших. Ведь он первым заметил всадника. Спустившись на равнину, он послал кобылку вскачь. Мысли об олхунутах и невесте мигом выветрились из головы, сердце забилося чаще. Бектеру очень хотелось всем показать, что он достоин стать их вождем.

Волки вылетели из лагеря под предводительством Илака. Солнце еще дарило людям последние лучи. Воины сразу увидели Бектера и бросились за ним. Однако причины, по которой он поднял тревогу, они пока не замечали.

Илак отослал по дюжине воинов направо и налево – прикрыть лагерь на случай неожиданного нападения со стороны. Нельзя оставлять юрты без защиты, ведь мужчин племени, вполне вероятно, просто выманивают. Враги хитры: отвлекают наблюдателей, а потом напа-

дают, ведь последние светлые мгновения перед наступлением ночи – лучшее время устроить суматоху. Илаку было непривычно мчаться вперед одному, без Есугэя по левую руку, но и приятно, так как все подчинялись ему как предводителю. Он резким голосом отдал приказ, и воины построились в боевой порядок во главе с ним, и все помчались следом за Бектером.

Снова прозвучал рог, и Илак прищурился, пытаясь рассмотреть, что там, впереди. Но в такой темноте почти ничего не видел. Скакать галопом во мраке было опасно и для его кобылы, и для него самого, но он все равно погонял лошадь, зная, что Бектер просто так трубить не стал бы. Илак выхватил лук и привычным движением, на ощупь, наложил стрелу на тетиву. Остальные сделали то же самое. Кто бы ни осмелился напасть на Волков, он получит ливень стрел раньше, чем сумеет подобраться ближе. Закаленные воины мчались в угрюмом молчании, стоя в строменах, в совершенстве держа строй. Илак ослабил тетиву, ощущая радость предстоящего сражения. Пусть слышат топот наших лошадей, думал Илак. Пусть дрожат от страха.

В темноте воины чуть не столкнулись с двумя конями, одиноко стоящими на открытой равнине. Илак подъехал поближе, готовый выпустить стрелу, но услышал крик Бектера, заставил себя снова сесть в седло и ослабил тетиву. Кровь бурлила в нем, хотелось биться с неведомым врагом, он кипел от ярости: сын Есугэя попусту потревожил их. Бросив лук в чехол, Илак легко соскочил на землю и обнажил меч. Вокруг было темно, и он еще не понимал, что случилось.

– Илак, помоги его поднять, – звенящим голосом попросил Бектер.

Илак приблизился и увидел, что мальчик поддерживает лежащего на земле Есугэя. Сердце воина болезненно сжалось, и вся его ярость улетучилась. Он упал на колени рядом с Бектером.

– Он ранен? – спросил Илак, протянув руку к своему хану.

Воин почти ничего не видел, но потерял пальцы и понюхал их. Живот Есугэя был туго перевязан, кровь сочилась сквозь повязку.

– Он упал, Илак. Рухнул прямо мне на руки, – сказал Бектер дрожащим голосом. – Я не смог его удержать.

Илак положил руку на плечо Бектера, чтобы тот успокоился, потом встал и свистнул остальным. Воины подъехали ближе. Илак схватил под уздцы лошадь одного из них.

– Басан, поезжай к олхунутам и выясни, что случилось.

– Значит, война? – откликнулся всадник.

– Может быть. Скажи, что если ты не вернешься, то приедем мы. И тогда их юрты сгорят дотла.

Воин кивнул и ускакал прочь. Топот быстро затих в ночи.

Есугэй застонал и открыл глаза, испугавшись движущихся вокруг него теней.

– Илак? – прошептал он.

Илак присел рядом:

– Я здесь, мой хан.

Все ждали, что Есугэй скажет что-нибудь еще, но он снова потерял сознание. Илак поморщился:

– Надо скорее отвезти его домой. Там займутся его ранами. Посторонись, парень, ты ему уже не поможешь.

Бектер поднялся, не в силах осознать, что отец умирает у его ног.

– Он упал, – словно в бреду, повторил мальчик. – Он умирает?

Илак посмотрел на неподвижно лежащего человека, за которым следовал всю жизнь. Он подхватил Есугэя под мышки и взвалил на плечо. Хан был могучим человеком, а в кольчуге весил еще больше. Илак был силен, и по нему не было видно, как ему тяжело.

– Помоги мне сесть в седло, Бектер. Он еще не умер, надо отвезти его в тепло. Если он проведет ночь здесь, холод его погубит. – Илак уложил Есугэя на спину коня, так что длинные руки хана почти коснулись земли. Вдруг ему в голову пришла мысль: – Где его меч? Не видно?

– Нет, наверное, упал вместе с ним.

Илак вздохнул, садясь в седло. Он не успел еще обдумать произошедшее. На груди он почувствовал теплую кровь Есугэя. Наклонившись вперед, Илак обратился к Бектеру:

– Отметь место, утром найдем меч. Отец твой не обрадуется, если меч его предков пропадет.

Бектер, не раздумывая, повернулся к стоявшему рядом воину. Тот был потрясен случившимся.

– Ты останешься здесь, Унэген. Я должен вернуться вместе с отцом. Как только начнет светать, ищи меч. Найдешь – привези мне.

– Сделаю, как ты сказал, – донеслось из темноты.

Бектер отправился к кобыле, вскочил в седло. Он не видел выражения лица Илака, очень внимательно слушавшего его разговор с Унэгеном. С этой минуты мир сильно изменился, и никто не мог сказать, что принесет новый день. Илак тоже этого не знал.

Оэлун вытерла слезы и встретила воинов мужа с сухими глазами. Мужчины и женщины Волков пришли к ее юрте, с тревогой ожидая новостей. Они уже знали о ранении хана. Ей и хотелось бы что-нибудь им сказать, но Есугэй по-прежнему был в забытии. Он метался в жару. Верные люди стояли у юрты, где лежал Есугэй, и не расходились, хотя уже начался день и солнце стало припекать.

– Он жив, – сообщила она. – Я промыла раны, но он еще не пришел в себя.

Илак кивнул. Оэлун заметила, как смотрят на него остальные воины. Хачиун, Тэмуге, Хасар, бедные мальчики, не сводили глаз с беспомощного отца. Казалось, что Есугэй стал меньше ростом. Его слабость пугала сыновей больше всего на свете. Он всегда был могучим воином, все боялись его, шли за ним. А сейчас он никак не может прийти в себя. Оэлун смотрела на Есугэя и думала о детях. Кто теперь защитит их, если отца не будет рядом? Она сама не сможет – слабая женщина! Оэлун замечала жадный блеск в глазах мужчин, когда они на нее смотрели. А Илак? Когда он обращался к ней, то казалось, что он прячет усмешку, хотя на словах был подчеркнуто вежлив.

– Я дам знать, когда он очнется, – сказала Оэлун воинам и вернулась в юрту, подальше от любопытных холодных глаз.

В люльке лежала Тэмулун. Тряпки, в которые она была завернута, намокли, и девочка расплакалась. Душа Оэлун тоже плакала и кричала, и этот крик она едва удерживала в груди. Нельзя поддаваться отчаянию, когда она так нужна сыновьям.

Тэмуге зашел в юрту вместе с ней. Его маленький рот дрожал от горя. Оэлун обняла мальчика и вытерла его слезы, хотя у самой они полились градом. Мать и сын вместе поплакали, сидя рядом с Есугэем. Оэлун знала, что хан не услышит их.

– Что с нами будет, если отец умрет? – всхлипывая, спросил Тэмуге.

Она хотела утешить его, но тут скрипнула дверь и вошел Илак. Оэлун покраснела от гнева, досадуя, что ее застали плачущей. Резким движением вытерла глаза.

– Я на денек отослал твоих сыновей, кроме Тэмуге, к стадам, чтобы они отвлеклись немного, – сказал Илак.

Может быть, Оэлун только показалось, но в глазах воина мелькнуло удовлетворение, когда он посмотрел на неподвижное тело Есугэя.

– Ты всегда был сильным, когда это требовалось племени, Илак, – заявила она. – Муж мой будет благодарен тебе, когда очнется.

Илак небрежно кивнул, как будто и не слушал ее, и подошел к Есугэю. Положил руку на ханский лоб и тихо присвистнул, ощутив сильный жар. Понюхал рану, и Оэлун поняла, что он знает про сжигавшую плоть Есугэя заразу.

– Я промыла рану кипящим араком, – произнесла Оэлун. – У меня есть травы для снятия жара.

Она говорила это, чтобы хоть как-то нарушить странное напряженное молчание, воцарившееся в юрте. Илак изменился с тех пор, как вернулся Есугэй. Он стал вышагивать с важным видом, и каждый раз, когда Оэлун обращалась к нему, смотрел на нее с вызовом. В разговорах с ним ей постоянно приходилось напоминать о Есугэе, словно только его имя могло утихомирить надменного воина. Мысли о том, что может случиться с детьми и ею самой, если произойдет самое худшее, сильно пугали Оэлун. Она не осмеливалась заглядывать в будущее. Есугэй обязан выжить.

– Моя семья с рождения связана клятвой с Есугэем, – тихо проговорил Илак. – И я всегда был ему верен.

– Он знает это. Я уверена: сейчас он слышит нас и знает, что ты первый среди его людей.

– Если он не умрет, – почти шепотом сказал Илак, поворачиваясь к ней. – Если умрет – клятве моей конец.

Оэлун в ужасе посмотрела на него. Пока эти слова не были сказаны, мир оставался прежним и она могла справляться со своими страхами. Она боялась, что он снова заговорит и вероломным своим голосом погубит ее.

– Он выживет, Илак, – возразила она, но голос дрогнул, выдав ее. – Жар спадет, и он узнает, что ты был верен ему и тогда, когда это было важнее всего.

Казалось, что-то теплое вдруг коснулось души первого воина, и он встряхнулся, настороженный взгляд исчез.

– Да. Еще слишком рано говорить, – произнес он, глядя на бледное лицо и грудь Есугэя. Сквозь повязки сочилась темная кровь. Он прикоснулся к ним, и на пальцах его остались следы крови. – Но у меня есть еще долг перед семьями нашего племени. Они должны оставаться сильными. Я должен думать о Волках и их будущем, – сказал он словно бы самому себе.

Оэлун едва удержалась от отчаянного крика, понимая, что в эти мгновения рушится ее жизнь. Она подумала о сыновьях, не в силах перенести выражение холодного расчета на лице этого человека. Сыновья, ее любимые мальчики, ни в чем не виноваты, но они пострадают.

Не сказав больше ни слова, Илак ушел, словно теперь в этой юрте можно было не соблюдать правил вежливости. Может, так оно и было. Оэлун увидела в его лице неприкрытую жажду власти. Даже если бы прямо сейчас Есугэй встал с постели здоровым, то вряд ли все стало бы как прежде. Илак почувствовал вкус власти и теперь не откажется от нее.

Услышав всхлипывания Тэмуге, Оэлун прижала малыша к себе, черпая утешение в его отчаянной хватке. В люльке заплакала дочка, которой так и не положили сухих тряпок.

– Что же будет с нами? – прошептал, всхлипывая, мальчик.

Оэлун лишь покачала головой, обняв его еще крепче. Она не знала.

Бектер заметил воина, которого отправил искать отцовский меч. Тот быстро шел между юртами, задумчиво потупив голову. Бектер окликнул его, но воин словно бы не услышал. Бектер бросился за ним и схватил его за локоть.

– Почему ты не подошел ко мне, Унэген? – сердито спросил он. – Ты нашел меч моего отца?

Но взгляд Унэгена устремился на человека, стоявшего за спиной Бектера. Юноша обернулся и увидел наблюдавшего за ними Илака. Унэген не посмел встретиться взглядом с Бектером.

– Нет, я не нашел его. Прости, – пробормотал Унэген, вырвал руку и зашагал прочь.

Глава 9

Лежа на траве под звездным небом, Тэмучжин чутко прислушивался к ночным звукам. Не так уж трудно было улизнуть из юрты Шолоя. Его жена и дочь громко храпели во сне, а сам старик только что вылезал наружу помочиться. Тэмучжин понимал, что у него совсем немного времени до того, как его отсутствие обнаружат, но к конским загонам подходить не осмеливался. Олхунуты хорошо стерегли своих скакунов, к тому же в такой темноте найти Белоного среди прочих было почти невозможно. Но это и не важно. Сегодня Тэмучжин охотился на двуногого зверя.

Степь была залита серебряным светом. Тэмучжин бесшумно ступал, старался не наткнуться на камень и не вспугнуть свою жертву – мальчика постарше, шедшего впереди. Тэмучжин не знал, куда направляется Коке, да это и не волновало его. Заметивдвигающуюся среди юрт фигуру, Тэмучжин застыл, боясь, что его заметят. Проведя семь дней среди олхунутов, он запомнил походку Коке. Узнав его, Тэмучжин скользнул за ним. Все его чувства обострились как на охоте. Он не собирался мстить именно этой ночью, но упускать такую возможность не хотел. Весь мир спал. Лишь две фигурки двигались в бледном сумраке по морю травы.

Тэмучжин следил за Коке, готовый в любую минуту припасть к земле, если тот почует его. Лунный свет все делал волшебным, и мальчик воображал, будто идет за призраком, заманивающим его в страшное место, где темные духи выпьют его жизнь. Отец рассказывал, что в степи находили замерзших соплеменников с застывшими глазами, словно они успели увидеть что-то ужасное перед тем, как зима сжала их сердца в ледяном кулаке. Тэмучжин задрожал от этих воспоминаний. Ночь была холодной, но злость согревала его. Он лелеял ее, прятал при свете дня, смиренно трудился под градом насмешек и ударов. А теперь... Руки жаждали схватиться за кинжал, но Тэмучжин считал, что достаточно силен и вполне может избить Коке и голыми руками. Сердце его гулко колотилось, он ощущал одновременно и страх, и восторг. Вот что значит быть живым, думал Тэмучжин, следуя за жертвой.

Но Коке шел не просто так. Он направился к густой тени у подножия холма. Сколько бы часовых ни выставляли олхунуты, они высматривали врагов в другой стороне. Они не заметят подростков. Однако Тэмучжин забеспокоился, что упустит жертву. Он ускорил шаг, когда Коке словно бы растворился в темноте. Дыхание Тэмучжина участилось, но двигался он осторожно, как учили в детстве, практически бесшумно, если не считать легкого шуршания мягких сапог. На его пути встретилась груда камней, сложенная у тропы в честь духов. Не задумываясь, Тэмучжин взял один камень, размером с кулак, и с мрачным удовлетворением взвесил его в руке.

Вступив в отбрасываемую холмом тень, Тэмучжин прищурился, высматривая Коке. Худо будет напороться на него, а тем более на целую группу олхунутских подростков с украденным бурдюком арака. Но еще тревожнее была мысль, что Коке нарочно заманивает его, чтобы опять избить. Тэмучжин помотал головой, отгоняя сомнения. Он уже вступил на дорогу и с нее не сойдет.

Услышав впереди тихие голоса, он замер. Прислушался, поднялся на цыпочки, чтобы посмотреть, кто там. Луна спряталась за холмом, и Тэмучжин почти ничего не видел. Струйки пота потекли по спине. Он осторожно подошел поближе. Раздался тихий смех Коке, ему ответил другой голос, повыше. Тэмучжин усмехнулся. Коке нашел-таки девку, которая согласилась наплевать на гнев родителей. Может, они будут трахаться, и он застанет их врасплох. Но Тэмучжин подавил в себе желание сейчас же броситься на Коке, решив подождать до его возвращения обратно в улус. Можно выиграть сражение не только за счет быстроты и силы, но и с помощью осторожности и долготерпения. Тэмучжин хорошо это знал. Он не видел, где улег-

лась парочка, но они были очень близко: мальчик слышал, как ритмично побряхтывает Коке. Тэмучжин ослабилась, привалился к скале и стал ждать удобного для нападения момента.

Долго ждать не пришлось. Луна сдвинулась, темная полоса у подножия холма стала длиннее. Тэмучжин снова услышал разговор, затем тихий смех девушки. Интересно, кто она, та, что осмелилась явиться сюда, к Коке. Мальчик поймал себя на том, что думает о женщинах, валявших с ним войлок. Там были две девушки, проворные и черные от солнца. Он чувствовал странное беспокойство, когда они на него смотрели. Тэмучжин считал, что любой мужчина так себя чувствует в присутствии хороших женщин. Жаль, конечно, но Бортэ никак его не волновала. При нем она только злилась да ругалась. Если бы она была стройной, гибкой, с длинными ногами, то он смог бы хоть какое-то удовольствие найти в отцовском выборе.

Вдруг послышались шаги, и Тэмучжин затаил дыхание. Кто-то шел по тропе. Мальчик прижался к скале, чтобы его не заметили. Он слишком поздно сообразил, что надо было спрятаться в высокой траве. Если они идут вдвоем, то остается или напасть на обоих, или пропустить их. Дыхание Тэмучжина участилось, а кровь стучала в ушах, грудь распирало. Незримые враги приближались.

Мучительно сжавшись, Тэмучжин выжидал момент, когда человек пройдет мимо него всего в паре шагов. Мальчик был почти уверен, что это не Коке. Шаг был слишком легкий, а силуэт хрупкий. Нет, это не его враг. Сердце Тэмучжина бешено заколотилось, когда девушка проскользнула мимо него, и он медленно перевел дух. Какое-то мгновение его голова закружилась от возбуждения. Затем Тэмучжин вышел на тропу и стал ждать Коке.

Он услышал шаги и дал парню подойти ближе. А потом заговорил, заранее наслаждаясь тем ошеломлением, которое охватит Коке при звуках его голоса.

– Коке! – шепнул Тэмучжин.

Тот подпрыгнул от страха.

– Кто тут? – прошептал Коке дрожащим голосом.

Тэмучжин не дал ему опомниться и бросился на него, взмахнув кулаком с зажатым в нем камнем. Удар пришелся вскользь, но Коке пошатнулся. Тэмучжин получил удар в живот, похоже, локтем, и дал выход своей ярости. Он набросился на Коке и стал молотить его кулаками. В темноте мальчик не видел врага, но это только придавало ему сил. Он бил и бил, пока Коке не упал. Тогда Тэмучжин навалился на него.

Во время драки камень потерялся, поэтому одной рукой мальчик прижимал Коке к земле, а другой шарил в поисках камня. Коке пытался позвать на помощь, но Тэмучжин дважды ударил его по лицу, а потом снова начал искать камень. Наконец он нащупал его. Ощутил прилив гнева и занес камень. Он уже был готов вышибить жизнь из своего мучителя.

– Тэмучжин! – послышался голос из темноты.

Оба подростка замерли. Коке застонал, услышав ненавистное имя. Тэмучжин отреагировал мгновенно, откатившись от врага и с быстротой молнии бросившись в сторону новой угрозы. Он налетел на чье-то маленькое тело, и незнакомец, ахнув, упал и покатился по земле. Тэмучжин сразу узнал голос. А в это время Коке поднялся на ноги и пустился наутек, спотыкаясь о камни.

Тэмучжин схватил незнакомца за руки, ощутив их жилистость и худобу, и выругался.

– Бортэ? – прошептал он, уже зная ответ. – Что ты тут делаешь?

– Шла за тобой, – ответила девочка.

Ее глаза сверкнули в лунном свете. Она дрожала от страха и возбуждения, а Тэмучжин смотрел на нее и удивлялся, как же он мог не заметить ее, если она шла за ним следом.

– Он удрал из-за тебя! – крикнул Тэмучжин.

Он все еще держал ее и был в бешенстве, ведь она не дала ему свести счеты. Коке, конечно, расскажет олхунутам, кто его избил, и Тэмучжина тоже избьют или с позором отошлют домой. Его будущее зависит от одного-единственного слова! Проклинаю все на свете,

он отпустил Бортэ. Она села на траву и стала растирать руки. А он ощущал на себе ее укоризненный взгляд и не знал, что делать. В ярости зашвырнул подальше злополучный камень и услышал, как он ударился о землю.

– Зачем ты пошла за мной? – спросил Тэмучжин уже более спокойным тоном.

Ему почему-то захотелось, чтобы она сказала что-нибудь. В темноте голос Бортэ звучал тепло и низко, казался нежным, а отталкивающей худобы и злых глаз видно не было.

– Я думала, ты собираешься удрать, – призналась она и встала.

Тэмучжину не хотелось ее отпускать, хотя он и не понимал почему.

– Мне казалось, ты обрадуешься, если я сбегу, – буркнул он.

– Я... я даже не знаю. С тех пор как ты приехал, ты не сказал мне ни одного доброго слова. С чего бы мне хотеть, чтобы ты остался?

Мальчик от удивления моргнул. За минуту они сказали друг другу больше, чем за все прошедшие дни. И у него возникло желание, чтобы этот разговор не кончался.

– Зачем ты меня остановила? Коке побежит к Энку и твоему отцу. Когда они не найдут нас в юрте, то устроят облаву. Нам придется туго.

– Коке дурак. Но убить его – злое дело.

В темноте Тэмучжин нашел руку Бортэ и сжал ее. Прикосновение успокоило обоих. Девочка заговорила, пытаясь скрыть смущение:

– Твой брат избил его до полусмерти. Он схватил его и бил до тех пор, пока тот не закричал как ребенок. Коке тебя боится, потому и ненавидит. Не надо с ним драться. Это все равно что бить собаку, которая сделала лужу со страху. Его дух уже сломлен.

– Я и не знал, – вздохнув, произнес Тэмучжин. По его спине пробежала дрожь.

Многое встало на место, словно что-то щелкнуло в голове. Коке казался Тэмучжину озлобленным и сильным, но теперь он понял, что в глазах его врага всегда таился страх. Его снова охватило желание камнем размозжить Коке голову, но тут Бортэ коснулась ладонью его щеки.

– Ты... необычный человек, Тэмучжин, – шепнула она.

Он собирался было сказать что-то, но не успел: она скрылась во тьме.

– Подожди! – воскликнул он. – Мы ведь можем вернуться вместе!

– Нас обоих избыют, – ответила Бортэ. – Может, мне лучше убежать. Может, вообще лучше не возвращаться.

Тэмучжин понял: больше он не сможет безропотно смотреть, как Шолой бьет свою дочь, – и стал думать, что скажет отец, если он прежде срока привезет Бортэ в юрты Волков.

– Тогда пошли со мной. Возьмем моего коня и поскачем к нам домой.

Тэмучжин с волнением стал ждать ответа. Но ответа не было.

– Бортэ?! – позвал он.

Он пустился бежать, задевая высокие травы, поблескивающие в свете звезд, и сердце его бешено колотилось. Фигурка девочки виднелась далеко впереди и удалялась все быстрее и быстрее. Тэмучжин вспомнил, как его заставляли бегать по холмам с водой во рту, которую он должен был выплюнуть в конце, чтобы показать, что дышал как надо – через нос. Он бежал легко, без усилий, думая о том, что принесет грядущий день. Он не знал, что может сделать, но этой ночью жизнь его перевернулась, он обрел нечто драгоценное. Он больше не позволит бить Бортэ. Приближаясь к улусу, Тэмучжин услышал звуки рогов часовых на холмах, поднимающих по тревоге воинов в юртах.

Когда Тэмучжин добрался до улуса, там царил хаос. Приближался рассвет, но факелы еще горели, заливая грязно-желтым светом мечущиеся фигуры. Его дважды окликали возбужденные мужчины с луками наготове. Воины уже садились на коней, поднимая тучи пыли. Все происходило крайне неорганизованно, так как не было человека, который командовал бы

всеми. Случись это в улусе Волков, то во главе стоял бы отец, раздававший приказы и рассылавший воинов прикрыть стада от грабителей. Сегодня Тэмучжин понял, о чем говорил Есугэй. У олхунутов много хороших лучников и охотников, но для войны они не годились.

Мальчик увидел куда-то ковылявшего хромого Энка и схватил его за локоть. Сердито крикнув, Энк вырвался, но, разглядев, что это Тэмучжин, сам схватил его.

– Он здесь! – крикнул Энк.

Тэмучжин инстинктивно оттолкнул дядю, и тот, упав навзничь, выпустил его. Мальчик увидел, что со всех сторон к нему несутся воины. Убежать он не успел – его схватили и понесли на руках. Он обмяк, словно лишился чувств, в надежде, что воины на мгновение ослабят хватку и тогда он сможет вырваться. Надежда была напрасной. Тэмучжину было непонятно, что происходит. Он знал только, что находится во власти чужаков. Если бы он смог добраться до своего коня, то удрал бы от любого наказания. Люди, несшие его на руках, вышли на свет, отбрасываемый факелами, и Тэмучжин вздрогнул от страха: его схватили личные воины хана, мрачные загорелые воины в доспехах из вареной кожи.

Их хозяина, Сансара, он видел только издали в свой первый день среди олхунутов. Тэмучжин стал вырываться, и один из воинов дал ему крепкий подзатыльник, от которого у мальчика искры из глаз посыпались. Бесцеремонно бросив на землю у входа в ханское жилище, воин грубо обыскал его и через открытую дверь швырнул в юрту. Тэмучжин рухнул на пол из полированного желтого дерева, золотисто поблескивавшего в свете факелов.

Снаружи ржали лошади и кричали воины, но Тэмучжин, поднявшись на колени, оказался в центре напряженной тишины. Кроме хана здесь были трое его охранников с обнаженными мечами в руках. Тэмучжин обвел взглядом незнакомые лица, увидел на них ярость и, к своему удивлению, немалый страх. Он решил, что не скажет чужакам ни слова, что бы с ним ни делали, но тут его взгляд упал на знакомое лицо.

– Басан! Что случилось? – изумленно воскликнул Тэмучжин и вскочил на ноги.

Присутствие отцовского воина среди чужаков испугало его так, что нутро свело в один тугой узел. Никто не ответил ему, а Басан стыдливо отвел взгляд. Тэмучжин опомнился и покраснел. Поклонился хану олхунутов.

– Господин мой хан, – произнес он, как подобало.

Сансар по сравнению с Илаком и Есугэем казался хрупким. Он стоял, сцепив руки за спиной, с мечом на бедре. Лицо его было спокойно, а взгляд так пронзителен, что Тэмучжин покрылся потом. Наконец Сансар заговорил. Голос его был резок и отрывист.

– Твоему отцу было бы стыдно, если б он услышал, как ты открываешь рот не по делу, – сказал он. – Следи за собой, мальчишка.

Тэмучжин сделал, как ему было велено: успокоил дыхание и выпрямил спину. Досчитал в уме до десяти и снова поднял взгляд:

– Я готов слушать, господин.

Сансар кивнул, словно оценивая его:

– Твой отец тяжело ранен, мальчик. Он может умереть.

Тэмучжин побледнел, но лицо его оставалось бесстрастным. Он услышал злобу в голосе хана олхунутов и решил, что больше не покажет перед ним свою слабость. Сансар молчал. Возможно, ожидал, что Тэмучжин заплачет или станет кричать. Но не дождался и заговорил сам:

– Олхунуты разделяют твою горе. Я обшарю все равнины в поисках тех людей, что осмелились напасть на хана. Они будут жестоко наказаны.

Суетливость в речах Сансара выдавала его неискренность. Он едва скрывал свое удовольствие. Тэмучжин позволил себе коротко кивнуть, хотя мысли неслись вихрем. Ему хотелось заорать, схватить этого старого змия и вытрясти из него всю правду.

Сансара раздражало молчание Тэмучжина. Хан посмотрел на неподвижно сидевшего по правую руку от него Басана.

– Ты еще не прожил и года среди нашего народа, мальчик. Сейчас опасное время, когда вслух произносятся такие страшные слова, которым лучше никогда не слетать с уст. Но все же будет вернее, если ты воротишься домой и оплачешь отца как подобает.

Тэмучжин стиснул зубы. Он больше не мог молчать.

– Значит, он при смерти? – спросил он.

Сансар раздраженно вздохнул, собираясь что-то сказать, но Тэмучжин отвернулся от него и обратился к воину отца:

– Отвечай, когда я спрашиваю, Басан!

Воин поднял голову и выдержал взгляд Тэмучжина. Напряжение возрастало. Мальчик рисковал жизнью обоих, грубо нарушив обычай в юрте чужого хана. Взгляд Басана говорил, как опасно положение, в которое поставил их Тэмучжин, но Басан тоже был Волком.

– Он тяжело ранен, – ровным голосом ответил Басан. – Есугэй могуч, потому-то и добрался до улуса живым, но... уже три дня прошло. Что сейчас, не знаю.

– Уже почти рассвело, – произнес Тэмучжин. Он устремил взгляд на хана олхунутов и снова склонил голову. – Будет так, как ты сказал, господин. Я должен вернуться и возглавить свой народ.

При этих словах Сансар застыл, сверкнув глазами.

– Отправляйся с моим благословением, Тэмучжин. И помни: здесь ты оставляешь только союзников.

– Понимаю, – отозвался Тэмучжин. – Я чту олхунутов. С твоего позволения, пойду проверю коня. Мне предстоит долгий путь.

Хан встал и по обычаю обнял Тэмучжина, и это вдруг вызвало страх у мальчика.

– Да направят духи верной дорогой твои стопы, – напутствовал его Сансар.

Отвесив поклон в последний раз, Тэмучжин покинул юрту. Басан последовал за ним.

Когда они вышли, хан олхунутов повернулся к своему первому воину, сжав кулаки так, что хрустнули пальцы.

– Все должно было быть сделано чисто! – рявкнул он. – А вместо этого кости разлетелись, и мы не знаем, как они упали! – Он схватил бурдюк арака с крючка и струйкой пустил жгучую жидкость себе в горло, сердито отер рот. – Я должен был знать, что татары не могут убить человека, не устроив суматохи! Я же отдал его им! Как они могли выпустить его живым? Если бы он просто исчез, не было бы никакого намека на наше участие в деле! Но если он выживет, то задумается, откуда татары узнали, где его искать. До зимы прольется кровь! Ну, скажите, что мне теперь делать?

Лица людей вокруг него не выражали ничего, кроме страха. Сансар глумливо хмыкнул:

– Идите и успокойте племя. Тут нет врагов, разве что те, кого мы сами пригласили. Молитесь, чтобы хан Волков уже умер!

Шагая мимо юрт, Тэмучжин старался успокоиться. То, что ему рассказали, было неправдой. Его отец – прирожденный воин, и на мечях его одолеть не могли даже двое Волков. Он хотел расспросить Басана, но опасался, что их подслушают. Пока отцовский воин молчал, все можно было считать ложью или ошибкой. Тэмучжин подумал о матери и братьях и резко остановился, так что Басан налетел на него. Если известия не лживы, то он еще не готов бросить вызов Бектеру.

– Где твой конь? – спросил Тэмучжин отцовского воина.

– Привязан с северной стороны улуса, – ответил Басан. – Прости, что принес дурные вести.

– Пойдем со мной. Я должен еще кое-что сделать, а потом отправимся в путь. Повинуйся.

Он не стал оглядываться и смотреть, послушался ли приказа Басан. Возможно, именно поэтому тот кивнул и последовал за юным сыном Есугэя.

Тэмучжин шел мимо олхунутских жилищ, и люди расступались, пропуская их. При виде Басана они тревожились, но никаких мер для защиты не предпринимали – знали, что сейчас он их не тронет. Тэмучжин ухмыльнулся, представляя, как однажды устроит набег на эти самые юрты. К тому времени, когда они достигли окраины улуса, уже совсем рассвело. Тэмучжин заметил скособоченную фигуру Шолоя, стоявшего у дверей с дровяным топором в руке. Мальчик уверенно приблизился к старику, не обращая внимания на его оружие, и спросил:

– Бортэ здесь?

Увидев перемену в поведении подростка, несомненно объяснявшуюся присутствием мрачного воина, Шолой прищурился и упрямо вздернул подбородок:

– Еще не время, парень. Я думал, она с тобой. Твой брат сделал то же самое с девушкой, которую ему выбрали.

Тэмучжин от неожиданности остановился:

– Что?

– Он взял девушку до срока, как козел козу. Он что, не рассказывал? Если ты сделал то же самое, я руки тебе поотрубаю, парень, и на воина твоего отца мне наплевать. Я вот этими руками посильнее людей убивал. А топора на вас обоих хватит.

Тэмучжин услышал шелест стали – Басан обнажил меч. Но Тэмучжин властным прикосновением остановил его.

– Я не посягал на ее чистоту. Бортэ не дала мне убить Коке. Вот и все.

– Я велел ей не покидать юрты, парень, – нахмурился Шолой. – А она не послушала.

Тэмучжин подошел вплотную к старику:

– Сегодня ночью я узнал больше, чем хотел. И что бы там ни было, я не мой брат. Вернусь за твоей дочерью, когда к ней придет кровь. Возьму ее в жены. А до тех пор ты больше не поднимешь на нее руку. Если Бортэ получит от тебя хоть один синяк, ты станешь мне врагом, старик. А тебе не хочется такого врага. Дай только повод – и олхунутам достанется.

Шолой с кислой миной на лице слушал его, жуя беззубым ртом. Тэмучжин терпеливо ждал, пока тот обдумает эти слова.

– Совладать с ней сможет только сильный мужчина.

– Запомни, что я сказал, – повторил Тэмучжин.

Шолой кивнул, глядя вслед двум удаляющимся Волкам. Завидев обнаженный меч в руках Басана, олхунутские ребятишки разбежались. Шолой взвалил топор на плечо и, хмыкнув, подтянул штаны.

– Девчонка, знаю, ты прячешься рядом, – проговорил он, обращаясь куда-то в пустоту. Ответа не было, но тишина напряженно зазвенела, и он ухмыльнулся, обнажив черные десны. – Похоже, ты нашла себе хорошего мужа, если он, конечно, останется в живых. При нынешнем положении я бы на него не поставил.

Глава 10

В той стороне, где заходило солнце, Волки увидели Тэмучжина с Басаном и подняли тревогу. Запели сигнальные рога. Дюжина воинов вскочили на коней и помчались навстречу двум всадникам, в совершенстве держа строй – копейное острие из закаленных бойцов, способных отбить любой набег. Тэмучжин поневоле сравнил их молниеносную реакцию с паникой в олхунутском улусе и улыбнулся. Вот как надо защищать стада и женщин. Он заставил коня перейти на шаг: только дурак может рисковать жизнью и мчаться к дому во весь опор, так как и своего могут не узнать сразу. Глупо погибать из-за того, что тебя приняли за врага.

Бросив взгляд на Басана, Тэмучжин заметил, что на его лице сквозь усталость проглядывает какая-то напряженность. Мальчик всю дорогу торопил воина, чтобы успеть добраться до дому за два дня. Ехали, не останавливаясь на ночевку, питались кислым молоком и водой. За это время они не успели сдружиться. И как только добрались до родных краев, Тэмучжин почувствовал, что Басан отдаляется от него. Воин разговаривал с неохотой, и его поведение тревожило мальчика сильнее, чем он осмеливался себе признаться. Ему вдруг пришло в голову, что скачущие им навстречу воины могут оказаться его недругами. Но что он мог сказать, да и сделать? Разве что выпрямиться в седле, как поступил бы в этих обстоятельствах отец, подъехать поближе, а там будь что будет.

Когда воины оказались на расстоянии оклика, Басан поднял правую руку, показывая, что у него нет оружия. Тэмучжин узнал Илака и тут же отметил, что остальные повинуются именно первому воину отца. Илак резким голосом отдал приказ остановиться. Что-то в его уверенности чуть не вызвало у Тэмучжина унижительных слез. Он не мог плакать перед всеми, но глаза его заблестели.

Словно утешая Тэмучжина, Илак положил руку на поводья Белоногого. Воины окружили их, и все двинулись к улусу. Белоногий пошел вместе со всеми, хотя Тэмучжин не направлял его. Казалось бы, мелочь, но мальчику захотелось вырвать поводья из рук Илака. Худо будет, если его привезут в племя как маленького мальчика, но решительность, похоже, покинула Тэмучжина.

– Твой отец жив, – произнес Илак. – Рана его отравлена, и он уже много дней мечется в бреду.

– Значит, он пришел в себя? – с надеждой спросил Тэмучжин.

– Порой он начинает кричать и сражаться с врагами, видимыми ему одному, – ответил Илак. – Он сильный человек, но не принимает пищи, и плоть его тает, словно воск. Готовься. Я не верю, что он проживет долго.

Тэмучжин совсем упал духом и опустил голову. Илак отвел взгляд, чтобы не смущать мальчика в минуту слабости. Но тот вдруг в ярости вырвал повод из рук Илака:

– Кто это сделал? Есугэй называл их?

– Пока нет. Твоя мать спрашивает его каждый раз, когда он приходит в себя. Но Есугэй не узнает ее.

Илак еле слышно вздохнул, и Тэмучжин увидел в его глазах огромную усталость. Волки оглушены и напуганы тем, что Есугэй в бреду и близок к смерти. Сейчас они наверняка ищут себе сильного предводителя.

– А что мой старший брат Бектер? – спросил Тэмучжин.

Угадав, по всей видимости, ход его мыслей, Илак нахмурился:

– Бектер поехал вместе с другими воинами обшаривать равнины. – Затем, помявшись, словно решал для себя, стоит ли доверяться мальчишке, сказал – Не следует слишком сильно надеяться, что мы сразу найдем убийц твоего отца. Те, что остались в живых после сражения с Есугэем, уже успели разбежаться. Ведь это случилось несколько дней назад. Они не станут ждать, пока мы их отыщем.

Лицо Илака застыло, словно маска, но Тэмучжин угадал в нем скрытый гнев. Похоже, этому человеку не нравилось, что поиски возглавил Бектер. Но найти убийц все равно нужно было, а старший сын Есугэя, как очевидный претендент на место вождя, этим и занимался. Однако Илак не хотел, чтобы новые союзы верности образовывались вне его влияния. Тэмучжин подумал, что хорошо понимает отцовского воина, как бы тот ни старался скрыть свои мысли и чувства. Надо быть дураком, чтобы в такие дни не думать о том, кто займет место Есугэя. Тэмучжина уж точно сочтут слишком молодым, а Бектер был на пороге зрелости. С помощью Илака любой из них мог бы править Волками, но выбор очевиден, а потому и стра-

шен. Тэмучжин выдавил улыбку и посмотрел в лицо человеку, представлявшему бо`льшую угрозу, чем любой олхунут.

– Ты любил моего отца не меньше, чем я, Илак. Как думаешь, кого он хотел бы оставить после себя? Захотел бы он, чтобы ты встал на его место?

Илак подобрался, словно его ударили, и устремил кровожадный взгляд на подростка. Тэмучжин не дрогнул. В этот момент ему было все равно, убьет его воин или нет. Чем бы ни грозило будущее, он понимал, что может выдержать этот взгляд без страха.

– Я всю жизнь был верен Есугэю, – произнес Илак, – но время твоего отца ушло. Наши враги, как только вести разнесутся по степи, будут ждать, когда мы ослабеем. Зимой нагрянут татары, чтобы угнать наши стада. А может, нападут олхунуты или кераиты, чтобы посмотреть, в силах ли мы защитить свое добро.

Стиснув поводья так, что костяшки пальцев побелели, первый воин отвернулся от Тэмучжина, не в силах вынести взгляд светло-желтых глаз.

– Ты знаешь, чего бы он хотел, Илак. И знаешь, что должен делать.

– Нет. Этого я не знаю, мальчик. Зато мне известно, о чем ты думаешь. И скажу тебе: ты слишком молод, чтобы стать во главе племени.

Комок горечи и гордыни застрял в гортани Тэмучжина.

– Значит, Бектер. Не предавай нашего отца, Илак. Всю жизнь он относился к тебе как к брату. Почти его, оказав помощь его сыну.

К изумлению Тэмучжина, Илак вдруг ударил коня пятками и помчался вперед с красным от ярости лицом. Тэмучжин не осмеливался смотреть на людей вокруг. Он не хотел видеть их, так как понимал, что мир его рушится. Он не видел ни тревожных взглядов, которыми они обменивались, ни их печали.

В улусе Волков было тихо. Тэмучжин спешил к отцовской юрте и глубоко вздохнул. Ему показалось, что он отсутствовал много лет. Последний раз, когда он стоял на этом самом месте, отец был полон жизни и сил, был опорой семьи, ее защитником. Невыносимо было думать, что прошлое уже не вернется.

Онемевший от горя, Тэмучжин медлил у порога, не решаясь войти, и глядел на жилища других семей. По узорам на дверях юрт он мог назвать имена всех, кто жил там, – мужчин, женщин, детей. Это был его народ, и он знал свое место среди этих людей. Неуверенность стала для него новым чувством, словно в груди возникла дыра. Ему пришлось собрать все свое мужество, чтобы войти в юрту. Он еще долго не решился бы, если б с закатом солнца не стали подходить люди. Их сочувствующие взгляды были нестерпимы, поэтому Тэмучжин, скривившись, нырнул под низкую притолоку и закрыл дверь.

Над дымовым отверстием еще не опустили на ночь войлочную заслонку, но в юрте было жарко и стояла такая вонь, что он едва не задохнулся. Мать обернулась, бледная, истощенная, и все стены, которые Тэмучжин возвел вокруг себя, в один миг рухнули, и он бросился в ее объятия. Оэлун молча обнимала сына, а он вдруг увидел иссохшую плоть отца, и слезы против его воли потоком хлынули из глаз.

Тело Есугэя тряслось, словно лошадь от укусов слепней. Повязки на животе заскорузли. По коже отца, словно червяки, сползали на покрывало гной и сукровица. Волосы были расчесаны и намаслены, но казались редкими и седыми. Ребра резко выпирали. Лицо осунулось и ввалилось – посмертная маска человека, которого он помнил.

– Поговори с ним, Тэмучжин, – попросила Оэлун.

Мальчик поднял голову, чтобы ответить, но увидел, что глаза матери красны, как и его, и промолчал.

– Он все звал тебя, а я не знала, успеешь ли ты вернуться, – добавила Оэлун.

Кивнув и вытерев нос рукавом, Тэмучжин посмотрел на человека, который, как он думал, будет жить вечно. Лихорадка сглодала мышцы с его костей, и сейчас трудно было поверить, что это тот самый могучий воин, который так уверенно въезжал в улус олхунутов. Мальчик долго глядел на отца, не в силах заговорить. Оэлун намочила тряпку в бадье с водой, вложила сыну в руку и направила его пальцы к лицу отца. Вместе они вытерли Есугэю глаза и губы. Тэмучжин часто дышал, стараясь побороть отвращение. Смерд гниющей плоти был ужасен, но мать не показывала отвращения, и он старался быть сильным ради нее.

Есугэй шевельнулся, почувствовав прикосновение, и открыл глаза.

– Муж мой, это Тэмучжин. Он вернулся целым и невредимым, – ласково проговорила Оэлун.

Глаза отца ничего не выражали, и Тэмучжин снова начал плакать.

– Я не хочу, чтобы ты умирал, – сказал он отцу, задыхаясь от рыданий. – Я не знаю, что делать.

Хан Волков резко глотнул воздуха, ребра поднялись, натянув кожу. Тэмучжин склонился и взял его за руку. Кожа была сухой и обжигающе горячей, но он не отнял руки. Затем увидел, что губы отца зашевелились, и наклонил голову, чтобы услышать его.

– Я дома, отец, – произнес Тэмучжин.

Есугэй сильно, до боли, сжал руку сына. И когда тот попытался разомкнуть пальцы больного, на мгновение их глаза встретились, и мальчику показалось, что во взгляде отца промелькнуло сознание.

– Татары, – прошептал Есугэй.

Казалось, он последним усилием воли вытолкнул слова из глотки. В груди у него страшно заклокотало. Тэмучжин ждал другого вдоха, а когда его не последовало, то вдруг понял, что рука, которую он держит, обмякла. Он еще сильнее сжал ее в приступе отчаяния, в страстном желании услышать еще один вздох.

– Не оставляй нас, – взмолился он, хотя и понимал, что мольбы никто не услышит.

Оэлун сдавленно всхлипнула, а Тэмучжин не мог оторвать взгляда от осунувшегося лица человека, которого обожал всю жизнь. Говорил ли он когда-нибудь отцу, что любит его? Он не помнил. Его охватил ужас, что отец отойдет к духам, не зная, как много значил для своих сыновей.

– Все, что есть во мне, – от тебя, – прошептал он. – Я твой сын и ничего больше. Ты слышишь меня?

– Он ждал тебя, Тэмучжин. Теперь он ушел, – сказала Оэлун, положив руку на плечо сына.

Ему не хватало мужества посмотреть на нее.

– Как ты думаешь, знал ли он, как сильно я его люблю? – спросил он.

Она улыбнулась сквозь слезы и стала вдруг красивой, как в юности.

– Знал. Он тобой гордился так, что порой казалось, что сердце у него вот-вот лопнет. Он всегда смотрел на тебя, когда ты ездил верхом, или дрался с братьями, или спорил с ними. Я видела любовь в его улыбке. Он не хотел баловать тебя. Отец-небо даровал ему сыновей, которых он желал, а ты был его гордостью, особой радостью. Он знал.

Для Тэмучжина эти слова стали слишком большим счастьем, и он, не стыдясь, заплакал.

– Мы должны сообщить племени, что он умер, – проговорила Оэлун.

– А потом что? – откликнулся Тэмучжин, вытирая слезы. – Илак не поддержит меня как вождя Волков. Будет ли ханом Бектер?

Мальчик искал в лице матери утешение, но видел только усталость и скорбь, которая опять затуманила ее глаза.

– Я не знаю, что будет, Тэмучжин. Проживи твой отец еще несколько лет, это не имело бы значения. Смерть всегда приходит не вовремя, но сейчас особенно...

Она расплакалась, и Тэмучжин привлек мать к себе и обнял. Он даже представить себе не мог, что будет утешать ее, но это произошло само собой и каким-то образом укрепило его против всего, что могло бы с ними случиться. Он считал юность своей слабостью, но рядом с духом отца понимал, что придется найти в себе мужество, чтобы предстать перед племенем. Он обвел юрту взглядом:

– А где орел, которого я ему добыл?

– У меня не было сил за ним присматривать, – сказала Оэлун. – Илак отдал его другой семье.

Тэмучжин едва справился с закипевшей внутри ненавистью к человеку, которому отец доверял во всем. Мальчик отшатнулся от матери, и Оэлун встала и посмотрела на тело Есугэя. Не стесняясь Тэмучжина, она склонилась к мужу и ласково поцеловала его в раскрытые губы. Дрожащими пальцами закрыла ему глаза и набросила покрывало на его рану. Воздух загустел от жара и запаха смерти, но этот запах уже не беспокоил Тэмучжина. Он глубоко вздохнул, вобрав в себя воздух, которым дышал отец, и поднялся на ноги. Плеснул в лицо воды из ведра и вытер его чистым куском полотна.

– Я выйду и скажу им, – бросил он.

Мать кивнула, все еще глядя куда-то в далекое прошлое. Тэмучжин вышел в холодную ночь.

Женщины подняли плач, обращаясь к Отцу-небу, – плач о великом человеке, который навсегда покинул степи. Собрались и сыновья Есугэя, чтобы почтить память отца. Когда придет рассвет, они завернут тело в белую ткань, отнесут на высокий холм и оставят нагую мертвую плоть ястребам и стервятникам, которые милы духам. Руки, что учили их натягивать лук, родное лицо – все сорвут с костей птицы, а Отец-небо будет смотреть на это. Есугэй больше не будет привязан к земле, как они.

А теперь была ночь. Воины собирались группами, переходили от юрты к юрте, беседуя с семьями. Тэмучжин не принимал в этом участия, но хотел, чтобы Бектер был с ними, видел небесное погребение и вспомнил вместе с племенем великие деяния покойного. Тэмучжин не любил брата, но знал, как будет ему больно и обидно, что не услышит рассказов о жизни и подвигах Есугэя.

Никто не спал в эту ночь. Когда взошла луна, в центре улуса разложили большой костер, приготовили бурдюки черного арака, чтобы согреться на холоде. Старый сказитель Чагатай ждал, пока все соберутся. Только разведчики и часовые оставались на холмах. Все остальные мужчины, женщины и дети сгрудились у костра, чтобы, не скрывая слез, оплакать Есугэя и воздать ему почести. Все они знали, что пролитые над ханом слезы однажды вольются в реку, что утолит жажду скота и всех племен. Нет стыда в том, чтобы оплакивать хана, который провел их невредимыми сквозь суровые зимы и сделал Волков сильным племенем.

Поначалу Тэмучжин сидел один, хотя к нему подходили многие, касались его плеча и говорили несколько почтительных слов. Тэмуге, с красным от плача лицом, пришел вместе с Хачиуном и сел рядом с братом, без слов разделяя общее горе. Появился Хасар, бледный и печальный, чтобы послушать Чагатая, и обнял брата. Последней пришла Оэлун, неся на груди спящую Тэмулун. Она обняла одного за другим сыновей, а затем отсутствующим взглядом уставилась на огонь.

Когда собралось все племя, Чагатай прочистил горло и плюнул в ревущее за его спиной пламя.

– Я знал этого Волка с детства, когда он был еще мальчиком, а сыновья его и дочь были только в грезах Отца-неба. Есугэй не всегда был великим воином, главой нашего племени. Помню, как подростком он прокрался в юрту моего отца и стащил завернутые в тряпку соты.

Тряпку он закопал, но его собака – у него тогда был желтый с черными подпалинами пес – ее откопала и принесла ему как раз в тот момент, когда он смотрел моему отцу в глаза и говорил, что вообще не знал, что у нас есть мед. Потом он несколько дней сидеть не мог! – Чагатай подождал, пока воины перестанут улыбаться. – Ему минуло двенадцать, когда он возглавил набеги на татар, уводя их лошадей и овец. Когда Илак захотел взять себе жену, именно Есугэй угнал лошадей, которых тот смог отдать отцу невесты. В одну ночь он пригнал трех гнедых кобыл и десяток коров. На его клинке сверкала кровь двоих мужей. Мало было тех, кто мог сравниться с Есугэем во владении мечом или луком. Он был бичом татар, а когда стал ханом, они научились бояться его и тех, кто рядом с ним.

Чагатай сделал большой глоток арака, облизал губы.

– Когда его отец был погребен под Небом, Есугэй собрал всех воинов и повел их в долгий и трудный поход. В день они получали лишь несколько пригоршней еды и немного воды, чтобы только глотку смочить. Все, кто пошел с ним, вернулись с огнем в груди и верностью Есугэю в сердце. Он подарил им гордость, и Волки окрепли и разжирели на баранине и молоке.

Тэмучжин слушал, как старик перечисляет победы отца. Память Чагатая до сих пор была тверда, он помнил все: и что говорили тогда люди, и сколько недругов пало от меча и стрел Есугэя. Может, число погибших от рук Волка и было преувеличено, мальчик не знал этого. Но старшие воины кивали и улыбались своим воспоминаниям, попутно не забывая опустошать бурдюки с араком. Чагатай расписывал в красках былые битвы, а мужчины сопровождали его повествование одобрительными восклицаниями.

– Тогда-то старый Йеке и потерял три пальца, – продолжал Чагатай. – Есугэй нашел их в снегу и привез ему. Йеке сказал, что надо бросить их собакам. А Есугэй предложил привязать их к палке, чтобы спину чесать.

Хасар хихикнул. Сыновья Есугэя впитывали каждое слово Чагатая. Это была история их племени, история мужчин и женщин, благодаря которым они стали такими, какие они есть.

Отхлебнув в очередной раз из бурдюка, Чагатай заговорил громче и значительней:

– Он оставил после себя сильных сыновей. Он хотел, чтобы Волков возглавил Бектер или Тэмучжин. Слышал я разные толки среди семей. Слышал споры и обещания. Но в сыновьях Есугэя течет кровь ханов, и если в племени Волков есть честь и память о прошлом, они не опозорят своего хана и в смерти его. Он смотрит на нас.

Все погрузились в молчание. Тэмучжин слышал шепот среди воинов: они обсуждали сказанное Чагатаем, соглашаясь и споря друг с другом. Сидя в ночи на освещенной костром поляне, мальчик чувствовал на себе сотни взглядов. Он начал было подниматься, но тут вдалеке послышались рога часовых. Они так печально и резко раскатились по холмам, что воины в мгновение ока опомнились от пьяного забытья и вскочили. На свет вышел Илак и злобно поглядел на Чагатая. Чары вдруг развеялись. Тэмучжин увидел, как на самом деле слаб и немощен Чагатай. Ветер трепал его седые волосы, но старик бесстрашно смотрел Илаку в глаза. Воин резко кивнул, словно что-то для себя решил. Ему подвели коня, он взлетел в седло и, не оглянувшись, умчался во мрак.

Рога перестали гудеть, когда часовые выяснили, что это возвращается разведывательный отряд во главе с Бектером. Они спешили к костру. Волки привезли оружие и доспехи, не знакомые Тэмучжину. В свете костра он увидел гниющие головы, привязанные к седлу Бектера за волосы. Тэмучжин вздрогнул всем телом, когда глянул на разъявленные в немом крике мертвые рты. Плоть почернела, в ней уже ползали черви. Мальчик догадался, что видит головы убийц своего отца.

Только его мать и он сам слышали последние слова Есугэя, когда хан назвал убийц, но об этом никому не сказали. Ужасно было слышать, как воины снова и снова произносят это слово – татары. Они показывали всем луки и заляпанные кровью халаты, а люди собирались вокруг них с любопытством и страхом, трогали гниющие лица мертвецов.

Бектер вышел на озаренную костром поляну, словно уже было решено, кто станет главой племени. Тэмучжин с горечью подумал об этом, но после всего, что произошло за последние дни, ощутил какое-то дикое удовольствие. Пусть его старший брат ведет племя!

Поначалу разговоры были шумными, слышались потрясенные возгласы, когда воины описывали то, что нашли. Пять трупов остались гнить в том месте, где была устроена засада на хана Волков. И теперь взгляды соплеменников, устремленные на его сыновей, были полны восторга и благоговения. Но все вдруг замолчали, когда подъехал Илак. Он легко спешился и встал перед братьями. Мальчики смотрели на него и ждали, когда он заговорит. Наверное, это была их роковая ошибка, так как в этот миг все поняли: Илак – могучий воин, а сыновья Есугэя по сравнению с ним – просто юнцы. Да так оно в действительности и было.

– Твой отец ушел, Бектер, – сказал Илак. – Он уходил тяжело, но все уже кончилось.

Бектер исподлобья смотрел на первого воина отца, понимая, что это вызов и что сейчас ему грозит великая опасность. Он поднял голову и заговорил. В эти минуты он еще имел возможность заявить о своих правах.

– Для меня будет большой честью возглавить Волков в этой войне, – сказал Бектер ясно и громко.

Некоторые воины откликнулись на это заявление с радостью и приветствовали Бектера, но Илак медленно покачал головой. Его уверенность вызвала страх в тех немногих, кто открыто поддержал сына Есугэя. Снова воцарилось молчание, и Тэмучжин затаил дыхание.

– Ханом буду я, – заявил Илак. – Это решено.

Бектер схватился за меч, и глаза Илака радостно засверкали. Тэмучжин вцепился в руку брата, Хачиун тоже схватил его.

– Он тебя убьет, – шепнул Тэмучжин.

– Или я убью это дерьмо клятвопреступное! – крикнул в ответ Бектер.

Сцепившись друг с другом, братья не заметили, как Илак выхватил меч и рукоятью, словно молотом, ударил Бектера и сбил его на землю. Тот упал, увлекая за собой Тэмучжина, а Хачиун с голыми руками бросился на воина отца, пытаясь защитить братьев, не дать их убить. Оэлун закричала, словно это ее ударил меч, и крик Оэлуна остановил Илака. Одним резким движением он стряхнул с себя Хачиуна. Злобно посмотрел на всех них и сунул меч в ножны.

– В знак почтения к вашему отцу сегодня я не пролью крови, – сказал он с пылающим от ярости лицом, затем поднял голову, чтобы все услышали его зычный голос. – Волки откочевывают! Я не останусь там, где землю запятнала кровь моего хана. Собирайте стада и табуны. В полдень мы отправляемся на юг.

Он шагнул к Оэлун и ее сыновьям:

– Вы не кочуете. Не хочу, чтобы мне в спину целились ваши ножи. Останетесь здесь и отнесете тело вашего отца на холмы.

Оэлун качнулась, лицо ее побледнело и осунулось.

– Ты оставляешь нас умирать?

– Выживете или подохнете – вы уже не Волки. Все кончено, – пожал плечами Илак.

Но тут поднялся Чагатай, схватил Илака за руку. Воин выхватил меч, но сверканье клинка у лица не испугало старика.

– Злое дело! – гневно произнес Чагатай. – Ты позоришь память великого человека, не отомстив еще его убийцам. Как же упокоится его дух? Ты не можешь бросить этих детей одних на равнинах! Это все равно что самому убить их!

– Отойди, старик. Хан должен принимать тяжелые решения. Крови детей и женщин я не пролью, но если они умрут, мои руки будут чисты.

Лицо Чагатая потемнело от гнева, он набросился на Илака, стал колотить по его доспехам. Ногти старика расцарапали шею воина, и страшный ответ последовал незамедлительно. Илак вонзил меч Чагатаю в грудь и опрокинул его на спину. Из открытого рта Чагатая хлынула

кровь. Оэлун упала на колени, плача и раскачиваясь из стороны в сторону, а ее сыновья стояли рядом, оцепенев от ужаса. Кто-то крикнул: «Убийство!» – и воины племени встали между Илаком и семьей Есугэя, держа руки на рукоятках мечей. Илак встряхнулся и плюнул на Чагатая, чья кровь уходила в сухую землю.

– Не надо было вступать, старый дурак, – бросил он, вложив меч в ножны, и твердым шагом ушел прочь.

Воины помогли Оэлун встать, а женщины подхватили ее и отвели в юрту. Они отворачивались от плачущих детей, прятали глаза, и для Тэмучжина это было худшее из всего того, что могло случиться этой ночью. Племя оставляло их, а значит, семье Есугэя конец.

Вместо юрт Волков на плотно утоптанной земле оставались лишь черные круги, усыпанные осколками костей, горшков и обрывками старой кожи. Стоя вместе с матерью и сестрой, сыновья Есугэя смотрели на все происходящее со стороны, словно чужаки. Илак был безжалостен. Оэлун вместе с остальными пришлось удерживать Бектера, когда новый хан Волков велел забрать их юрты и все, что в них было. Некоторые женщины стали кричать, укоряя его за такую жестокость, но остальные молчали. Хан просто не обращал на них внимания. Слово хана – закон.

Тэмучжин, не веря своим глазам, качал головой, глядя, как грузят добро на телеги и сгоняют палками скот. Он заметил, что у расхаживающего по улусу Илака на бедре висит меч Есугэя. Бектер в бессильном бешенстве стиснул зубы, увидев знакомый клинок. Проходя мимо них, Илак ухмыльнулся, наслаждаясь их беспомощной яростью. Сколько же лет он скрывал свою сущность, думал Тэмучжин. Еще тогда, когда Есугэй отдал первому воину красную птицу, мальчик почувствовал это, но не поверил, что Илак может так жестоко предать их. Тэмучжин печально покачал головой, услышав писк орлят, чьи крылья заматывали тканью на время перекочевки. Он не мог поверить, что все это происходит не во сне. Мертвое тело Чагатая стояло перед глазами, напоминая о событиях прошлой ночи. Старого сказителя бросили там, где он упал, и это казалось мальчикам не меньшим преступлением, чем все остальное.

Сыновья были бледны от отчаяния, но сама Оэлун раскраснелась от гнева, поражавшего всякого, кто осмеливался посмотреть ей в глаза. Когда Илак пришел с приказом разобрать ханскую юрту, то даже он побоялся взглянуть на нее и упорно отводил глаза куда-то в сторону. Толстые слои войлока были отвязаны от деревянной решетки и скатаны, а деревянный остов разобрали на отдельные части, рассекая жилые стяжки быстрыми ударами ножа. Забрали все: и луки Есугэя, и зимние халаты, подбитые мехом. Бектер стал осыпать воинов проклятиями и кричать, когда понял, что их оставляют ни с чем. Оэлун лишь покачала головой при виде непонятной жестокости Илака. Великолепные халаты были слишком ценны, чтобы оставлять их тем, кто обречен на смерть. Как только ляжет первый снег, зима возьмет их жизни так же верно, как стрела, пущенная из лука. Однако Оэлун смотрела на соплеменников, высоко подняв голову, с достоинством, гордо и без слез.

Сборы надолго не затянулись. Все было готово к откочевке, и, когда солнце поднялось в зенит, на земле остались только черные круги от юрт. Телеги были нагружены, мужчины привязали все пожитки.

Ветер усилился, и Оэлун вздрогнула. Теперь, когда юрт не было и укрыться было негде, она почувствовала себя голой и оцепеневшей. Она знала, что Есугэй, увидев такое, выхватил бы меч отца и снес бы с десяток голов. Но его тело лежало на траве, завернутое в покрывало. Ночью кто-то закутал в старую ткань и тело Чагатая, скрыв страшную рану. Они лежали плечом к плечу, и у Оэлун не было сил смотреть на них.

Илак затрубил в рог, пастухи закричали и длинными палками погнали животных. Овцы и козы заблеяли и пустились бегом, чтобы избежать ударов. Племя начало откочевку. Оэлун стояла вместе с сыновьями, словно семейка белых березок, и смотрела вслед уходящему пле-

мени. Тэмуге тихо всхлипывал, и Хачиун взял его за руку, чтобы мальчик не побежал вдогонку за племенем.

Ветер быстро разнес по степи крики пастухов и блеяние стад. Оэлун смотрела, пока все не исчезли вдалеке, и тогда наконец вздохнула с облегчением. Она знала, что Илак вполне способен послать людей, чтобы вырезать брошенную семью. Когда племя растворилось за горизонтом, Оэлун повернулась к сыновьям и собрала их вокруг себя.

– Нам нужны кров и еда, но прежде всего нам надо уйти от этого места. Скоро сюда налетят стервятники, набегут хищные звери рыться в отбросах. И не все они будут на четырех лапах. Бектер! – Ее резкий голос вывел сына из оцепенения. – Ты мне сейчас нужен, чтобы позаботиться о твоих младших братьях.

– Зачем? – отозвался он, глядя в сторону ушедшего племени. – Мы уже мертвы.

Размахнувшись, Оэлун ударила его по лицу. Он пошатнулся, глаза его вспыхнули. Из садины, оставленной мечом Илака, снова потекла кровь.

– Кров и еда, Бектер. Сыновья Есугэя не будут покорно дожидаться смерти, как этого хочет Илак. Жена Есугэя тоже. Мне нужна твоя сила, Бектер. Ты понял?

– А что нам делать... с ним? – спросил Тэмучжин, показывая на тело отца.

Оэлун вздрогнула, стиснула кулаки и задрожала от гнева.

– Неужели нельзя было оставить нам хотя бы одну лошадь? – прошептала она, представив, как безродные бродяги со смехом срывают покрывало с тела Есугэя, но выбора не было. – Это только прах, Тэмучжин. Дух твоего отца улетел отсюда. Пусть увидит, что мы остались живы. Он будет доволен.

– Значит, мы оставляем его диким собакам? – спросил потрясенный Тэмучжин.

Но ответил брату Бектер:

– Мы должны. Собаки или хищные птицы – это уже не важно. Далеко ли мы с тобой сумеем его унести, Тэмучжин? Уже полдень, а нам надо добраться до деревьев.

– Красная скала, – сказал вдруг Хачиун. – Там можно укрыться.

– Слишком далеко, до ночи нам туда не добраться, – возразила Оэлун. – На востоке есть долина, где мы сможем переждать до утра. Там есть дрова. На равнине мы умрем, но в лесу мне плевать на Илака, как и на всех, кто желает нам смерти!

– Я есть хочу, – захныкал Тэмуге.

Оэлун бросила взгляд на младшего сына, и глаза ее заблестели от слез. Сунула руку в складки халата и достала полотняный мешочек с его любимым сладким сушеным творогом. Каждый взял по катышку торжественно и серьезно, словно в эту минуту они давали клятву.

– Мы переживем это, дети мои, – сказала Оэлун. – Мы доживем до той поры, когда вы станете мужчинами, а Илак состарится, и тогда он будет трястись при каждом стуке копыт в темноте, боясь, что это вы пришли за ним.

Они с восторгом и страхом посмотрели в лицо матери и увидели на нем лишь яростную решимость. Оэлун сумела развеять отчаяние сыновей и внушить им уверенность в собственных силах.

– Теперь в путь! – резко приказала Оэлун. – Кров, затем еда!

Глава 11

Мелкий дождик до костей промочил прижавшихся друг к другу Тэмучжина и Бектера. До наступления темноты они успели добраться до поросшего лесом холма и расположились у оврага, где по болотистой земле струился ручей. Узкая лощина стала приютом черным соснам и березам, белым, словно кость. Эхом отдававшийся в овраге плеск воды был непривычен и пугал мальчиков, устроившихся среди громадных корней.

Оэлун велела сыновьям собрать поваленные молодые деревца, найти среди опавших листьев большие жерди и навалить их на изгиб низкого дерева. Они в кровь исцарапали руки и грудь, но мать не давала им отдохнуть. Даже Тэмуге таскал охапки сухих иголок и насыпал их на тонкие ветки, приносил еще и еще, пока мальчики не соорудили незамысловатое укрытие. Бектеру и Тэмучжину там места не хватило, но Оэлун в благодарность расцеловала обоих, а они гордо стояли и смотрели, как она забирается в укрытие, придерживая младенца. Хасар свернулся у ее ног, словно дрожащий щенок, а после него внутрь заполз плачущий Тэмуге. Хачиун решил остаться со старшими братьями, хотя его качало от усталости. Тэмучжин взял брата за руку и подтолкнул в сторону их временного жилища.

Мать кое-как устроилась в тесном жилище и стала кормить малышку. А Тэмучжин и Бектер, стараясь не шуметь, отправились высматривать, где бы спрятаться от дождя и поспать.

Укрытия они не нашли. Однако спать среди корней деревьев было все же лучше, чем просто лежать на сырой земле. Невидимые в темноте корявые корни оставляли вмятины и синяки на боках, как ни повернись. Когда наконец мальчиков одолел сон, ледяной дождь то и дело будил их, и они, внезапно пробуждаясь, не сразу понимали, где находятся и почему оказались под открытым небом. Казалось, эта ночь никогда не кончится.

Проснувшись в очередной раз, Тэмучжин распрямил затекшие ноги и вспомнил, что случилось днем. Странно было оставлять отцовское тело лежащим на голой земле. Они постоянно оборачивались, глядя, как белое пятнышко становится все меньше. Оэлун замечала их тоскливые взгляды, и это раздражало ее.

– Вы всегда были среди соплеменников, – говорила она. – Вам прежде не приходилось прятаться от воров и бродяг. А теперь мы должны таиться. Нас может убить даже одинокий пастух, и никто его не осудит.

Новая жизнь оказалась такой жестокой, что леденила кровь, как дождь, который действовал на них угнетающе. Тэмучжин моргнул от упавшей на него капли. Он не был уверен, что вообще спал этой ночью. Желудок был болезненно пуст, и мальчик с тоскою спрашивал себя, что же они сегодня будут есть. Если бы Илак оставил им хотя бы лук, то Тэмучжин накормил бы всех жирными сурками. Но без лука они умрут от голода через несколько дней. Тэмучжин посмотрел на небо и увидел, что дождевые тучи ушли и светят звезды. Вода капала с деревьев по-прежнему, но мальчик надеялся, что к утру станет теплее. Он промок до костей, одежда была в земле и листьях. Тэмучжин растер скользкую грязь на пальцах, стиснул кулак и подумал об Илаке. В ладонь вонзилась не то сосновая иголка, не то шип, но мальчик даже не заметил этого. Он мысленно проклинал человека, который предал его семью. Тэмучжин нарочно сжимал кулак изо всех сил, пока все его тело не задрожало, а под плотно закрытыми веками не замелькали зеленые точки.

– Оставь его в живых, – прошептал он Отцу-небу. – Пусть будет здоров и крепок. Оставь его в живых, чтобы я мог его убить.

Бектер что-то пробормотал во сне, ворочаясь у него под боком, и Тэмучжин снова закрыл глаза, мечтая, чтобы поскорее прошли предрассветные часы. Ему хотелось того же, что и всем маленьким детям на свете: чтобы мать обняла его, защитила от всех бед. Но он понимал: ему придется быть сильным, чтобы самому защищать мать и братьев. И он твердо знал одно: они выживут и однажды найдут Илака, убьют его и заберут меч Есугэя из мертвой руки. С этой мыслью Тэмучжин заснул.

Все поднялись, как только рассвело, и ужаснулись: до того грязны и растрепаны они были. Глаза Оэлун распухли, от усталости их обвело черными кругами, но она собрала всех своих детей и напоила их водой. Маленькая дочка нервничала: она испачкалась. Чистых тряпок не было, и малышка уже побагровела от воплей, но успокаиваться не желала. Оэлун могла только не обращать внимания на ее крики. Тэмулун отказывалась есть. В конце концов тер-

пение матери иссякло, и она оставила попытки накормить ее. Младенец, сжав кулачки, стал верещать еще громче, вызывая к небу.

– Если мы хотим выжить, то надо найти сухое место и добыть рыбы или дичи, – сказала Оэлун. – Покажите, что вам удалось взять с собой, и мы подумаем, что делать дальше. – Она заметила, что Бектер замялся, и прикрикнула на него: – Ничего не прячь, Бектер. Если не согреемся и не будем охотиться, нам всем придет конец – и луна не успеет вырасти.

Мальчики нашли место, где подложка из сосновых игл была посуше. Оэлун сняла халат и задрожала. На животе ее мальчики заметили темный след там, где их маленькая сестра облегчилась ночью. Острый запах накрыл всех, заставив Хасара зажать нос. Оэлун не обратила на него внимания, однако с раздражением поджала губы. Тэмучжин понимал, что мать едва сдерживается. Оэлун расстелила халат на земле и осторожно положила на него дочку. Это напугало девочку, и на братьев уставились полные слез большие глаза. Больно было смотреть, как трясется от холода маленький ребенок.

Бектер поморщился и снял с пояса кинжал. Положил его на землю. Оэлун попробовала острие большим пальцем и кивнула. Размотала завязанную вокруг пояса веревку из конского волоса, спрятанную под халатом прошлой ночью. Эта веревка, тонкая, но крепкая, легла рядом с ножами, оставшимися у мальчиков. Все это нужно было для того, чтобы пережить предстоящие испытания.

Кроме собственного маленького ножа Тэмучжин добавил еще и кушак, длинный и хорошо сотканный. Он не сомневался, что Оэлун найдет и для него применение.

Мальчики с изумлением наблюдали за матерью: из глубокого кармана халата она достала маленькую шкатулку. В ней были острый кусочек стали и хороший кремь. Мать отложила их в сторону почти с благоговением. Изящная темно-желтая шкатулка была прекрасной работы. Оэлун погладила резьбу и погрузилась в воспоминания.

– Ваш отец подарил ее мне, когда мы поженились, – сказала она, взяла камень и разбила шкатулку.

Острые как бритва осколки кости Оэлун аккуратно разложила перед собой, выбрала лучшие и протянула сыновьям:

– Этот пойдет на рыболовный крючок, еще два – на стрелы. Хасар, возьми веревку и хороший камень, сделай крючок. Накопай червей и найди укромное местечко для ловли рыбы. Твоя удача нам сегодня понадобится.

Хасар взял все, что мать доверила ему, с серьезным и решительным видом.

– Понял, – ответил он, наматывая на кулак конский волос.

– Оставь мне немного на ловушку, – сказала она. – Нам нужны кишки и жилы на лук.

Оэлун повернулась к Бектеру и Тэмучжину и протянула каждому по острому осколку:

– Возьмите ножи и сделайте лук из березы. Вы много раз видели, как их делают.

Бектер прижал острие кости к ладони, пробуя, насколько оно острое.

– Будь у нас рог или конская шкура для тетивы... – начал было он.

Оэлун сидела неподвижно, но ее строгий взгляд заставил Бектера замолчать.

– С одной ловушкой на сурков мы не выживем. Я не прошу вас изготовить лук, которым гордился бы ваш отец. Просто сделайте хоть что-нибудь для охоты на дичь. Или что, разляжемся здесь на листьях и будем ждать смерти от голода и холода?

Бектер нахмурился, раздосадованный тем, что его бранят перед братьями. Не удостоив Тэмучжина взглядом, он схватил нож и пошел прочь с крепко зажатым в кулаке осколком кости.

– Я могу привязать нож к палке – сделаю острогу, – предложил Хачиун.

Оэлун с благодарностью посмотрела на него и глубоко вздохнула. Взяла самый маленький нож и протянула ему.

– Славный мальчик, – сказала она, погладив его по лицу. – Твой отец учил вас всех охотиться. Вряд ли он думал, что однажды от ваших умений будет зависеть наша жизнь. Все, чему вы учились, сейчас пригодится.

Она посмотрела на жалкую кучку пожитков, разложенных на земле, и вздохнула:

– Тэмуге, я смогу развести костер, если ты найдешь что-нибудь сухое на растопку.

Маленький толстячок встал. Губы его дрожали. Он еще не оправился от испуга и неожиданного осознания своей беспомощности. Старшие братья понимали, что Оэлун на грани срыва, но Тэмуге по-прежнему видел в ней опору. Он потянулся к матери, чтобы она его приласкала. Она позволила ему лишь одно мгновение побыть в ее объятиях, а потом легонько от себя оттолкнула:

– Что сумеешь найти, Тэмуге. Твоя сестренка не переживет еще одной ночи без костра.

Маленький мальчик разрыдался так, что стоявший рядом Тэмучжин поморщился. Но Оэлун не обратила никакого внимания на малыша, и он бросился в заросли.

Тэмучжин попытался утешить мать. Он робко коснулся ее, и, к его удовольствию и удивлению, она положила голову ему на плечо. Всего на мгновение.

– Сделай лук, Тэмучжин. Найди Бектера и помоги ему, – попросила она.

Мальчик вздохнул, пытаясь забыть о голоде, который мучил его все сильнее, и оставил мать с сестренкой, которая заходилась в плаче. А с мокрых деревьев все падали холодные капли.

Тэмучжин нашел Бектера по звуку ножа, которым тот резал березку. Он тихо свистнул, давая брату знак, что идет свой. Ответом был мрачный взгляд. Тэмучжин, не нарушая молчания, стал придерживать тонкий ствол, чтобы брату было удобнее работать. Нож, изготовленный из хорошего металла, глубоко врезался в дерево. Бектер словно вымещал свой гнев на березе, и Тэмучжину пришлось собраться с духом, чтобы спокойно держать ствол, когда нож был так близко к его пальцам.

Вскоре Тэмучжин смог согнуть ствол и высвободить белесые волокна молодого дерева. Лук получится никудышный, мрачно думал он. Трудно было заставить себя не вспоминать с тоской о прекрасном оружии, что хранилось почти в каждой юрте Волков. Вываренные куски бараньего рога обматывались жилами и обклеивались берестой, затем сохли целый год в темноте, и только после этого отдельные части собирались вместе. Каждый лук был произведением искусства и страшным оружием (бил дальше, чем на две сотни алдов).

По сравнению с луками Волков лук, который они с братом с таким трудом сделали, был детской игрушкой. Но от него зависела их жизнь. Тэмучжин невесело хмыкнул, когда Бектер, зажмурив один глаз, поднял кусок березового ствола, все еще покрытый серебристой берестой. Однако, к его удивлению, старший брат вдруг стиснул челюсти и ударил куском вырезанного дерева о другой ствол, бросив обломки в опавшие листья.

– Пустая трата времени, – прорычал Бектер.

Тэмучжин с опаской посмотрел на нож в руке брата и вдруг понял, что они совсем одни и, если Бектеру что-то взбредет в голову, никто не поможет.

– Думаешь, далеко они уйдут за день? – вдруг спросил Бектер резким голосом. – Ты умеешь читать следы. Мы знаем стражу как своих братьев. Я смогу пройти сквозь охрану.

– И что ты сделаешь? – поинтересовался Тэмучжин. – Убьешь Илака?

Глаза Бектера сверкнули при этой мысли, но он подумал немного и покачал головой:

– Нет. До него нам не добраться. Но мы можем украсть лук! Только лук и немного стрел, чтобы добыть еду. Разве ты не голоден?

Тэмучжин и так старался не думать, как сильно сосет под ложечкой. Он и раньше испытывал голод, но его всегда согревала мысль о горячей еде, которая ждала дома. Но сейчас голод был злее, а до живота больно было дотрагиваться. Он надеялся, что это не признак расстрой-

ства желудка, которое бывает от заразы или плохого мяса. Здесь убить может любая, даже самая пустяковая болезнь. Тэмучжин, как и его мать, прекрасно понимал, что они идут по тонкой грани между жизнью и риском превратиться в груды костей с наступлением зимы.

– Я хочу есть, – признался он, – но у нас не получится пробраться в юрту, не подняв переполоха. Даже если и повезет, нас все равно выследят, и на сей раз Илак нас не отпустит. Этот сломанный ствол – все, что у нас есть.

Подростки печально посмотрели на брошенный ствол, и Бектер схватил его в слепой ярости, согнул упрямое дерево и швырнул на землю.

– Ладно, давай попробуем еще раз, – мрачно предложил Бектер. – Хотя у нас нет ни тетивы, ни стрел, ни клея. С тем же успехом мы можем подбить дичь камнем.

Тэмучжин ничего не сказал, ошарашенный таким взрывом гнева. Как и все дети, выросшие под неусыпным родительским оком, он привык, что рядом всегда есть взрослый, который знает, что и как делать. Но в ту самую минуту, когда отцовская рука обмякла и начала холодеть в его ладони, он потерялся. Порой мальчику казалось, будто в груди пробуждается неведомая ранее сила, но он все ждал, что эта сила вот-вот заглохнет и вернется прежняя беззаботная жизнь.

– Сделаем тетиву из нитей. Может быть, пару выстрелов выдержит. В конце концов, у нас всего два наконечника.

Бектер буркнул что-то в ответ и потянулся за другой молодой березкой, гибкой, толщиной в большой палец.

– Тогда держи ее покрепче, братец, – ухмыльнулся он, занося тяжелый нож. – Уговорил ты меня: сделаю лук, которого хватит на пару выстрелов. А потом будем жрать траву.

Хачиун нашел Хасара высоко в лощине между холмами. Старший брат сидел так неподвижно, что мальчик, карабкаясь по скалам, чуть не упустил его. Взгляд Хасара был прикован к месту, где речушка разливалась небольшим озерцом. Хасар сделал удилище из длинной березовой ветки. Хачиун свистнул, чтобы дать знать о своем приближении, и подошел так тихо, как мог, глядя на прозрачную воду.

– Я видел их. Не больше пальца, – шепнул Хасар. – Правда, червей, похоже, они не хотят заглатывать.

Оба уставились на вялый кусок плоти, висящий на крючке. Хачиун задумался, нахмурившись:

– Одной рыбы нам будет мало, если мы хотим вечером накормить всех.

– Если у тебя есть другие предложения, говори, – хмыкнул в ответ Хасар. – Я же не могу зайти в воду и заставить рыбу заглотить крючок.

Но Хачиун не ответил. Мальчики наслаждались бы сейчас тишиной, если бы под ложечкой так не сосало. Наконец Хачиун встал и стал разматывать свой желтый кушак. Он был длинной в три роста взрослого человека. Мальчик, может, и не догадался бы, что кушак может пригодиться, если бы Тэмучжин не положил свой в общую кучу. Хасар посмотрел на него, и на губах у него появилась улыбка.

– Поплавать решил? – спросил он.

– Сеть будет получше крючка, – ответил Хачиун. – Давай перегородим ручей кушаком. Хасар вытащил из воды полудохлого червяка и отложил драгоценный крючок.

– Попробовать стоит, – решил он. – Я поднимусь выше по течению, буду бить палкой по воде и идти назад. Если у тебя получится перегородить ручей, то, наверное, поймашь несколько штук.

Мальчики с неохотой посмотрели на ледяную воду. Но делать нечего. Хачиун вздохнул и намотал ткань на руки.

– Ладно, все лучше, чем так сидеть, – сказал он и, поморщившись, вошел в воду.

Он ахнул и вздрогнул от холода, но брат помог ему, и они быстро привязали кушак поперек течения. Один его конец зацепили за корень, а другой – придавили камнем. Сложили кушак пополам и перетаскивали на другую сторону речушки. Ткани было предостаточно, и Хачиун даже забыл о холоде, когда увидел, как одна маленькая рыбка подплыла к оранжевому заслону и устремилась назад. Хасар отрезал кусок ткани и примотал нож к палке – получилась маленькая острога.

– Молись, чтобы Отец-небо послал нам большую рыбу, – сказал Хасар. – Надо бить наверняка.

Хачиун остался в воде, стараясь не слишком сильно дрожать. Хасар ушел, скрылся из виду. Ему не надо было повторять дважды.

Тэмучжин попытался было взять лук у брата, но Бектер ударил его по пальцам рукоятью ножа.

– Этот мой, – зло сказал старший брат.

Наблюдая за тем, как Бектер сгибает лук и пытается надеть петлю тетивы на другой конец, Тэмучжин поморщился в ожидании треска, означавшего бы, что ломается вот уже третий лук. Его возмущала злость, с которой Бектер пытался изготовить оружие, словно и дерево, и нитки были врагами и их требовалось усмирить. Всякий раз, как Тэмучжин хотел прийти на помощь, Бектер грубо отталкивал его, и только когда у старшего уже три раза ничего не получилось, он позволил брату придержать лук, пока сгибал его. Результаты их трудов были некрепки и ломались, тетива рвалась при первой же попытке ее натянуть. Солнце поднималось над головами, и терпение мальчиков иссякало от постоянных неудач, следующих одна за другой.

Новая тетива была сплетена из трех ниток, выдернутых из кушака Тэмучжина. Она была по-детски толстой и грубой. Бектер отпустил лук, надел тетиву, и она завибрировала. Он поморщился, ожидая, что тетива вот-вот порвется. Но она не лопнула, и подростки вздохнули с облегчением. Бектер дернул большим пальцем тетиву, извлекая резкий низкий звук.

– Ты стрелы сделал? – спросил он.

– Только одну, – ответил Тэмучжин, показывая ему тонкую березовую ветку с костяной иглой, крепко вогнанной в дерево.

Ему понадобилась целая вечность, чтобы придать кости такую форму, воткнуть и примотать ее, оставив небольшой кончик торчать из расщепа. Он работал, затаив дыхание, зная, что, если сломает острие, замены ему не будет.

– Давай сюда, – потребовал Бектер, протягивая руку.

– Сделай свою, – ответил Тэмучжин. – А эта моя.

Он увидел гнев в глазах брата и подумал, что Бектер сейчас ударит его луком. Тот и ударил бы, но удержался. Видимо, только потому, что помнил, сколько времени они промаялись.

– Чего еще от тебя было ждать, – скривился Бектер.

Он намеренно положил лук подальше от Тэмучжина и стал подыскивать камень, чтобы сделать собственную стрелу. Тэмучжин стоял и смотрел, раздосадованный тем, что приходится помогать дураку.

– Бектер, олхунуты дурно говорят о тебе. Ты это знаешь? – спросил он.

Бектер фыркнул, плюнул на камень и продолжал двигать наконечником взад-вперед.

– А мне плевать, что обо мне говорят, – угрюмо откликнулся он. – Стал бы я ханом, в первую зиму устроил бы набег. Я бы им показал, чего стоит вся их гордость.

– А ты обязательно расскажи об этом матери, когда вернемся, – предложил Тэмучжин. – Она будет счастлива узнать о твоих планах.

Бектер поднял на Тэмучжина маленькие кровожадные глаза.

– Мальчишка, – сказал он через некоторое время. – Ты никогда не смог бы вести за собой Волков.

Тэмучжин вспыхнул от гнева, хотя и не показал этого.

– Теперь мы никогда этого не узнаем, – произнес он.

Бектер уже не слушал его, а стачивал кость, придавая ей форму наконечника.

– А ты не торчал бы тут впустую, а искал бы лучше нору сурка.

Тэмучжин не стал отвечать. Он отвернулся от брата и пошел прочь.

Ужин этим вечером был скудный. Оэлун удалось разжечь костер, хотя влажные листья дымили и шипели. Вторая ночь на холоде могла погубить их, но она боялась, что кто-нибудь увидит огонь. Ложбина в холмах скрывала их, однако мать все равно настояла, чтобы сыновья собрались вокруг огня и закрыли собой свет. Все они ослабели от голода, а у Тэмуге губы были зеленые: он пытался есть дикие травы, и его вырвало.

Этот день принес им двух рыб, пойманных в запруде, скорее благодаря удаче, чем умению. И хотя эти хрустящие полоски были маленькими, мальчики глядели на них с жадностью.

Тэмучжин и Бектер молча ненавидели друг друга после неудачного дня. Тэмучжин нашел нору сурка, но когда Бектер отказался дать ему лук, в ярости набросился на брата. Они покатились по грязи. Одна стрела сломалась, та, что оказалась под ними. Услышав треск, мальчики прекратили драку. Бектер попытался схватить вторую стрелу, но Тэмучжин успел первым. Он решил попросить у Хачиуна нож и сделать завтра свой лук.

Оэлун дрожала, ей было не по себе. Переворачивая над огнем палочки с рыбой, она думала, кому из ее сыновей нынче придется остаться голодным. Конечно, Хачиун и Хасар заслужили в награду по кусочку рыбы. Но она понимала также, что ее сила – это самое важное, что у них есть. Если она начнет падать в обморок от голода или умрет, то и дети погибнут.

Оэлун посмотрела на двоих старших сыновей и сердито поджала губы. У них были свежие синяки, и ей хотелось взять палку и как следует отколотить их за глупость. Они не понимают, что сейчас никто не придет к ним на помощь, никто не даст отсрочки. Их жизнь зависела от двух рыбок, которых едва хватило бы на один зуб.

Стараясь не показать своего отчаяния, Оэлун попробовала ногтем запекшуюся рыбу. По пальцу побежал прозрачный сок, и она подхватила капельку ртом, закрыв глаза от наслаждения. Но не стала слушать свой голодный желудок, а, разломив рыбку пополам, протянула Хасару и Хачиуну. Но Хачиун покачал головой:

– Сначала тебе.

У нее на глазах появились слезы. Хасар, услышав эти слова, замер, не донеся кусок до рта и чувствуя запах печеной рыбы. Оэлун видела, что у него слюнки текут.

– Я могу потерпеть немного дольше, чем ты, Хачиун, – возразила она. – Я поем завтра.

Этого было достаточно для Хасара. Он запихнул свой кусок в рот и захрустел костями. Глаза Хачиуна потемнели от голода, но он снова покачал головой:

– Сначала тебе.

Он протянул ей рыбу, и Оэлун осторожно ее взяла.

– Ты думаешь, я способна отнять у тебя еду, Хачиун? У моего милого сыночка? – Голос ее стал жестким. – Ешь, или я швырну ее в костер.

Он поморщился, но рыбу взял. Все слышали, как он хрустел костями, разминая ее во рту, наслаждаясь каждой капелькой, каждой крошкой.

– Теперь ты, – сказал Тэмучжин матери.

Он потянулся за второй рыбиной, намереваясь передать ее Оэлун. Бектер ударил его по руке, и Тэмучжин чуть не набросился на него в приступе ярости.

– Сегодня вечером обойдусь без еды, – заявил Тэмучжин, овладев собой. – Бектер тоже. Раздели последний кусок с Тэмуге.

Он не мог вынести взглядов голодных глаз, встал и отвернулся. Покачнулся от слабости. Но тут Бектер взял рыбину и разломил ее пополам. Большой кусок сунул себе в рот, а меньший протянул матери, не смея посмотреть ей в глаза.

Оэлун скрыла раздражение. Она уже устала от раздоров, которыми голод разделил ее семью. Все они понимали, что смерть стоит за плечами и трудно оставаться сильными. Она простила Бектера, но последний кусок рыбы отдала Тэмуге, и мальчик тут же вцепился в него. Он ел и глядел по сторонам в поисках еще чего-нибудь съестного. Тэмучжин плюнул на землю, нарочно целясь на халат Бектера. И прежде чем старший брат успел вскочить на ноги, Тэмучжин исчез во мраке. Влажный воздух с наступлением темноты быстро остывал. Они приготовились к еще одной холодной ночи.

Глава 12

Уже долгое время Тэмучжин сидел неподвижно, с натянутым луком в руках. Сурки разбегались каждый раз, когда он приближался к ним, но были создания глупыми, а потому возвращались. Будь у него хороший лук и оперенные стрелы, то давно бы принес семье жирного зверька.

Тэмучжин устроил засаду на открытой местности, поэтому и сам был на виду. Конечно, он предпочел бы укрыться в кустах, но приходилось сидеть неподвижно и ждать, пока пугливые зверьки вернутся назад. Попутно он оглядывал близлежащие холмы на случай, если забредет какой-нибудь чужак. Оэлун так запугала сыновей, что они стали бояться собственной тени и осматривали горизонт каждый раз, когда покидали убежище или поднимались из их долинки.

Так как мальчик сидел с подветренной стороны, то вряд ли его запах мог спугнуть добычу, но лук приходилось держать все время натянутым. Малейшее движение – и сурки снова нырнут в норки. Холмики бурой земли были рассыпаны повсюду. Руки дрожали от усталости, а внутренний голос постоянно твердил: «Стреляй, стреляй!» – выбивая Тэмучжина из колеи. После четырех дней жестокого голода, лишь раздражаемого крошечными кусочками рыбы да диким луком, сыновья и жена Есугэя измучились до смерти. Оэлун утратила силы и сидела неподвижно, безучастно глядя в одну точку, а младенец колотил ее ручонками и верещал. Три дня девочка ела вдоволь, но потом молоко у Оэлун начало пропадать. Мальчики не могли уже слышать этот душераздирающий плач.

Хачиун и Хасар рыскали по холмам в поисках скота, отбившегося от стада. Хачиун нес маленький лук и три стрелы: он сделал лук сам, заострил и обжег стрелы на костре. Тэмучжин мысленно пожелал мальчикам удачи, хотя и понимал, что их спасение зависит только от него. Хоть бы сделать хороший выстрел! Он чувствовал на губах вкус жареного мяса. Будь стрела с опереньем, и маленький ребенок смог бы подбить сурка. Но сейчас Тэмучжин был вынужден сидеть неподвижно и терпеть все нарастающую боль в руках. Он мысленно зывал к пугливым тварям, умоляя их отойти подальше от спасительной норки и чуть ближе к нему.

Едкий пот заливал глаза, и Тэмучжин не выдержал и моргнул. В этот момент из норки выполз сурок, огляделся по сторонам и почуял хищника. Мальчик смотрел с отчаянием, как он замер, и думал, что теперь зверек сбежит и даст остальным сигнал об опасности. Тэмучжин выдохнул и выпустил стрелу. Его затошнило от мысли, что он, скорее всего, промахнулся.

Стрела попала сурку в шею. Удар не был сильным, но стрела упрямо сидела в тельце, а зверек бешено бил по ней лапками, пытаясь избавиться от нее. Тэмучжин бросил лук, вскочил на ноги и ринулся к сурку, пока тот не опомнился и не нырнул в нору. Мальчик видел светлое брюшко и дергающиеся лапки и побежал еще быстрее, не желая упустить добычу.

Он упал на сурка и схватил его. Зверек бешено отбивался и выворачивался, и ослабевший от голода Тэмучжин чуть не выпустил его. Стрела выпала, на землю хлынула кровь. Тэмучжин нащупал шею зверька и свернул ее. На глазах у мальчика выступили слезы облегчения. Сурок

все еще дрыгал лапами, а Тэмучжин стоял над ним, задыхался и радовался, потому что теперь у них есть еда. Он подождал, пока перестанет кружиться голова, и взвесил зверька в руках. Тот был жирным и крупным, а значит, этим вечером мать поест горячего мяса и крови. Жилы сурка надо будет растереть в порошок и, смешав с рыбьим клеем, нанести на лук. Тогда оружие станет мощнее. Следующий выстрел будет дальше и сильнее. Тэмучжин опустил ослабевшие руки на колени и тихо рассмеялся. Такая малость, а столько значит. Он чувствовал огромную радость и облегчение. И вдруг за спиной он услышал знакомый голос.

– Что ты добыл? – спросил Бектер, бесшумно приблизившись к брату.

На плече у него лежал лук. Старший брат был не такой изголодавшийся на вид, как младшие. Хачиун первым высказал соображение, что Бектер не приносит семье свою добычу. Он всегда охотно съедал свою долю, но за четыре дня ничего не добыл к общему костру. Тэмучжин выпрямился. Ему не понравилось, как Бектер смотрит на его добычу.

– Сурук, – сказал он, поднимая зверька.

Бектер наклонился, якобы рассмотреть сурка, но вдруг схватил его. Тэмучжин вырвал добычу, и обмякшее тельце упало на землю. Подростки сцепились, бешено пинаясь и колотя друг друга. Тэмучжин был слишком слаб и мог только удерживать Бектера, и тот отшвырнул его. Тэмучжин упал навзничь, тяжело дыша и глядя в синее небо.

– Отнесу его матери. Ты бы его спрятал и сожрал сам, – ухмыляясь, заявил Бектер, глядя сверху вниз на Тэмучжина.

Унизительно было слышать такие слова. Ведь Хачиун думал так про самого Бектера! Но старший брат наступил ногой на грудь Тэмучжина, и тот уже не мог сопротивляться. Силы оставили его.

– Поймай себе другого, Тэмучжин. Без сурка не возвращайся.

Бектер засмеялся, подкинул добычу вверх, поймал ее и побежал по склону холма, направляясь к зарослям. Тэмучжин смотрел ему вслед. Он был так сильно зол, что, казалось, сердце вот-вот разорвется. Оно слабо трепыхалось у него в груди, и мальчик с ужасом подумал, что умирает от голода. Но Тэмучжин не мог позволить себе покинуть этот мир, пока Илак правит Волками, а Бектер не наказан.

Он сел и постарался взять себя в руки. Пока он лежал без сил, сурки вернулись, но, когда он начал шевелиться, тут же разбежались. Тэмучжин, нахмурившись, подобрал стрелу, наложил ее на тетиву и снова превратился в терпеливого охотника. Мускулы болели, ноги, казалось, вот-вот подломятся, но сердце снова билось сильно, а больше ему ничего и не нужно было.

В этот вечер большой семье на ужин достался только один сурук. Бектер с гордым видом вручил Оэлун добычу, и мать оживилась, сделала большой костер, чтобы нагреть камни. Руки ее дрожали, но она аккуратно выпотрошила тушку и наполнила брюшко раскаленными камнями. И хотя она обернула руки халатом, но все равно обжигалась и от этого морщилась. Пока мясо доходило изнутри, жирная шкурка запекалась в углях до вкусной корочки. Сердце сурка жарили на камнях, пока оно не зашипело. В еду пошло все.

Щеки Оэлун разругались от одного только запаха. Она обняла Бектера и от радости залилась слезами, но даже не заметила, что плачет. Тэмучжин не стал рассказывать, кто на самом деле раздобыл мясо. Ей нужно было, чтобы они все вместе боролись за жизнь и дружно трудились. Было бы жестоко разоблачать улыбающегося Бектера на глазах у матери, когда она так слаба.

Бектер наслаждался вниманием Оэлун и часто поглядывал на Тэмучжина блестящими глазами. Когда мать отворачивалась, тот отвечал ему мрачным взглядом. Хачиун это заметил и ткнул брата локтем.

– В чем дело? – шепотом спросил он, когда они принялись за еду.

Но Тэмучжин лишь покачал головой, не желая делиться своей ненавистью. Сейчас он не мог думать ни о чем другом, кроме горячего мяса, которое совал ему в руки Бектер, деливший добычу, как хан, угощающий своих людей. Тэмучжин приметил, что плечо – лучшую часть – Бектер приберег для себя.

Ничего вкуснее этого мяса они раньше не пробовали. Вся семья оживилась и повеселела. В каждом зародилась надежда, когда мясо согрело их тела. Один выстрел из лука – и такие перемены. Правда, Хачиун принес еще трех рыбин и несколько сверчков. Так что это был настоящий пир. Младшие чересчур жадно заглывали куски, и мясо обжигало их животы, а потому им приходилось заливать жар водой. Тэмучжин забыл бы о краже сурка, если бы старшего брата так не хвалили. Бектер принимал это как должное, и его маленькие глазки горели от удовольствия. Что это было за удовольствие, понимал только Тэмучжин.

Ночью не было дождя, и мальчики, отправив мать и сестренку спать, улеглись в другом укрытии, которое для себя соорудили. Они, конечно, заморили червячка, но голод никуда не делся и по-прежнему терзал их. Но теперь они были сильнее голода и с уверенностью смотрели в будущее.

Тэмучжин не мог уснуть. Он потихоньку поднялся и крадучись двинулся в темноту, то и дело поглядывая на луну. А ведь лето недолго протянется, думал он, беззвучно шагая по мягкой траве. Приближается зима, и она убьет их так же верно, как всаженный в грудь кинжал. Сурки, набрав жирку, все холодные месяцы безвылазно спят в норах, где до них не доберешься. Птицы улетают на юг, и в силки их не поймашь. Даже к тем людям, у кого есть теплые юрты, верные кони и жирный скот, зима беспощадна. Семья Есугэя погибнет.

Отойдя помочиться, Тэмучжин не мог отделаться от мыслей об олхунутах и той ночи, когда выслеживал Коке. Тогда он был ребенком, который заботился только о том, чтобы свести счеты с другими детьми. Как же теперь ему не хватало беззаботности той ночи! Как ему хотелось увидеть Бортэ! Он усмехнулся, подумав, что его маленькая подружка сейчас сыта и спит в тепле, а он – только кожа да кости.

Вдруг Тэмучжин почувствовал, что к нему кто-то приближается, и резко обернулся, присел, готовый броситься на врага.

– Слух у тебя хороший, – послышался голос Хачиуна. – Я хожу тихо, как ночной ветер.

Тэмучжин встал и улыбнулся брату:

– Отчего не спишь?

– Есть охота, – ответил Хачиун. – Вчера голод перестал меня грызть, а тут Бектер принес сурка и только раздражил мой желудок.

– Это был мой сурок. – Тэмучжин плюнул на землю. – Это я подстрелил его, а Бектер отнял.

Трудно было разглядеть выражение лица Хачиуна при лунном свете, но Тэмучжин знал, что тот сильно встревожился.

– Я так и думал. Но вряд ли это поняли остальные.

Он замолчал – темная хрупкая фигурка во мраке. Тэмучжин заметил какой-то сверток у него за пазухой и ткнул в него пальцем:

– Что это?

Хачиун тревожно оглянулся на их маленький лагерь, достал сверток из-за пазухи и показал Тэмучжину. Это были кости еще одного сурка. Взяв их в руки, Тэмучжин ощутил закипающий в груди гнев. Кости были расколоты так, будто зверски голодный человек пытался высосать из них капельки костного мозга. Бектер не рискнул разводить огонь. Кости были сырыми и пролежали не более дня.

– Я нашел это в том месте, где охотился Бектер, – взволнованным голосом проговорил Хачиун.

Тэмучжин повертел хрупкие кости в руках, провел пальцами по черепу. Шкурку Бектер оставил, но глаз не было. Он убил сурка в тот день, когда им совсем нечего было есть.

Тэмучжин опустился на колени и стал перебирать кости в поисках хоть какого-нибудь кусочка мяса. Кости уже пованивали, но за день не слишком-то испортились. Хачиун присел рядом, и они обсосали расколотые кости, вытягивая из них все, даже запах. Надолго не хватило.

– Что ты будешь делать? – спросил Хачиун, бросив кости на землю.

Тэмучжин уже принял решение, и никаких сомнений у него не было.

– Хачиун, ты когда-нибудь видел клеща на боку у лошади?

– Конечно, – откликнулся брат.

Они оба видели этих паразитов, распухавших до огромных размеров. Когда их отрывали, кровь долго еще не удавалось остановить.

– Клещ опасен, когда лошадь и так слаба, – тихо сказал Тэмучжин. – Знаешь, что надо делать с клещом?

– Давить его, – шепнул Хачиун.

Когда на рассвете следующего дня Бектер покинул лагерь, Тэмучжин и Хачиун тихонько последовали за ним. Они знали, где он чаще всего охотится, и дали ему уйти подальше, чтобы он не заподозрил, что за ним следят.

Мальчики крались между деревьями. Хачиун беспокойно поглядывал на Тэмучжина. Тот понимал, что брата терзает страх, но сам ни капельки не боялся, даже удивлялся этому. Страх не было, может быть, оттого, что его постоянно терзал голод. Тэмучжину дважды приходилось останавливаться: его несло зеленоватой жидкостью. Подтираться приходилось мокрыми листьями. Голова кружилась, он ощущал слабость, но голод выжег из него всякую жалость. Тэмучжина лихорадило, но он гнал себя вперед, не обращая внимания на сердце, которое тяжело колотилось. Вот что значит быть Волком, понял Тэмучжин. Ни страха, ни сожалений, только стремление уничтожить врага.

Следы Бектера на влажной земле были четкими. Он и не пытался прятаться. Мальчики опасались только одного – случайно не наткнуться на засевшего в засаде брата. Тэмучжин и Хачиун неслышно крались за ним, и все чувства их были обострены до предела. Они увидели у себя над головой двух жаворонков, и Хачиун тронул брата за плечо, предостерегая. Они обошли дерево, чтобы не потревожить птиц и не выдать своего присутствия.

Хачиун остановился, и Тэмучжин с горечью заметил, как натянулась кожа на голове брата. Больно было смотреть на исхудавшего Хачиуна. Тэмучжин подумал, что и сам, наверное, выглядит не лучше. Если он закрывал глаза, его вело. Ему потребовалось усилие воли, чтобы сделать глубокий вдох и успокоить сердце.

Вдруг Хачиун поднял руку, и Тэмучжин посмотрел вперед. При виде Бектера, засевшего на берегу ручья всего в нескольких шагах от них, мальчик застыл на месте. Трудно было не испугаться замершей в кустах фигуры. Братья испытали силу кулаков Бектера еще в детских играх. Тэмучжин смотрел на старшего брата и прикидывал, как бы подобраться к нему на расстояние выстрела. Сомнений в душе не было. Он все видел ярко, но чуть размыто. Мысли были холодными и тягучими. И путь его был определен.

Бектер выпустил стрелу из своего укрытия, и мальчики, вздрогнув от неожиданности, отступили в заросли. Послышалось хлопанье крыльев: три дикие утки взмыли вверх. Бектер вскочил и бросился в воду. Из-за дерева мальчикам его не было видно, но когда тот выбрался на берег, в руках он держал убитую красную утку.

Тэмучжин наблюдал за ним сквозь сплетение веток.

– Подождем здесь, – шепнул он. – Найди укрытие на другой стороне тропы. Мы перехватим его, когда он будет возвращаться.

Пытаясь не показать волнения, Хачиун сглотнул. Ему не нравилась холодность, возникшая в Тэмучжине, и он уже пожалел, что показал ему найденные накануне кости сурка. Сейчас, при свете дня, он страшился того, что они собираются сделать, но, когда Тэмучжин посмотрел на него, отвел взгляд. Хачиун подождал, пока Бектер повернется к ним спиной, и метнулся через тропу.

Прищурившись, Тэмучжин следил за каждым движением старшего брата: вот он выдергивает из утки стрелу, прячет добычу за пазуху. С досадой он увидел, что Бектер направился в другую сторону, вверх по распадку. Тэмучжин поднял ладонь, давая Хачиуну знак, хотя и не знал точно, где тот спрятался. Он представил себе, как Бектер жрет утку в укромном уголке, и ему остро захотелось немедленно убить брата. Будь у него силы, будь в желудке молоко и мясо, он кинулся бы за ним, но сейчас его единственная возможность избавиться от старшего брата – выстрел из засады. Тэмучжин медленно выпрямил ноги: они начали затекать. Но тут свело живот, и он закрыл глаза и согнулся пополам, ожидая, когда пройдет приступ. Находясь в засаде, он не посмел спускать штаны, так как чуткий нос Бектера сразу учуял бы его. Есугэй научил их всегда быть настороже, и Тэмучжин не желал терять преимущество. Он облегчился и вновь уселся в ожидании.

Но тут на дерево в нескольких шагах от засады Тэмучжина уселся лесной голубь. Мальчик с мукой смотрел на него, понимая, что с нескольких шагов легко мог бы подстрелить птицу. Она, похоже, ничего не замечала, а у него от голода сводило желудок, хотя он и пытался не обращать на это внимания. Он сообразил, что Бектер, скорее всего, уже возвращается и птицы, что взлетят, как только он выстрелит в голубя, выдадут засаду. Но мальчик все равно не мог оторвать от голубя взгляд и, когда тот слетел с ветки, все следил за ним и долго еще слышал хлопанье крыльев.

Бектер вернулся, когда солнце перевалило через лощину и тени удлинились. Тэмучжин услышал его шаги и заставил себя выйти из полудремы. Он удивился, что прошло столько времени, и все не мог понять, как он умудрился заснуть. Вода из ручья не могла утолить голод.

Наложив стрелу на тетиву, Тэмучжин встряхнул головой, чтобы унять головокружение, и стал ждать. Он твердил самому себе, что если промахнется – Бектер убьет его. Этими мыслями он хотел оживить свое тело, заставить его потрудиться еще немного. Мальчик сердито тер глаза, чтобы видеть яснее. Он слышал, что Бектер уже совсем близко. Еще несколько мгновений напряженного ожидания – и наступит время для мести.

Тэмучжин вышел на тропу всего в нескольких шагах перед Бектером. Натянул тетиву. Бектер от неожиданности разинул рот. Его рука метнулась было к кинжалу, но Тэмучжин выстрелил, направив костяную стрелу прямо в грудь брата. В тот же миг сзади выстрелил Хачиун, и от удара Бектер качнулся вперед.

Старший брат взревел от ярости. Выхватив кинжал, он сделал шаг вперед, еще один, но тут его ноги подкосились, и он упал в листья лицом вниз. Обе стрелы попали в цель, и Тэмучжин слышал бульканье и шипение воздуха, выходящего из пробитого легкого. С туманной головой, бросив лук, он шагнул к Бектеру и вынул кинжал из рук брата.

Бросил взгляд на перепуганное лицо Хачиуна, поморщился, наклонился и всадил кинжал в шею Бектера, выпустив кровь и вместе с ней – жизнь.

– Кончено, – заявил Тэмучжин, глядя в стекленеющие выпученные глаза.

В этот миг ему показалось, что его собственное тело куда-то исчезло. Он стал ощупывать халат и рубаху Бектера в поисках утки. Утки не было. Он пихнул ногой труп и, шатаясь, пошел прочь. Голова его кружилась, – казалось, он сейчас потеряет сознание. Тэмучжин прижал лоб к прохладному стволу березы и подождал, пока утихнет сердцебиение.

Мягко ступая по листьям и обходя стороной тело Бектера, приблизился Хачиун. Тэмучжин открыл глаза:

– Будем надеяться, что Хасар чего-нибудь добыл.

Но Хачиун ничего не ответил. Тэмучжин подобрал оружие Бектера и повесил на плечо лук.

– Когда наши увидят кинжал Бектера, они все поймут, – проговорил Хачиун дрожащим голосом.

Успокаивая и себя, и брата, Тэмучжин взял его за руку. Он почувствовал панику в голосе Хачиуна и услышал ее эхо в себе самом. Вот он убил врага. И что потом? Об этом он не думал. Никто не сможет отомстить за Бектера. Теперь старший брат не вернет отцовские юрты и скот. Тело его сгниет там, где лежит. Тэмучжин только-только начал осознавать страшную реальность случившегося и теперь едва мог поверить, что и вправду это сделал. Шальное состояние, в котором он находился до выстрела, ушло, и его место заняли слабость и голод.

– Я сам им скажу, – поднял голову Тэмучжин. Он ощутил, что его взгляд притягивается к телу Бектера, словно какой-то незримой веревкой. – Я скажу, что он заставлял нас голодать. Здесь нет места для жалости. Это я и скажу.

Они пошли по ложине вниз, находя утешение в присутствии друг друга.

Глава 13

Оэлун почувствовала неладное, как только мальчики вернулись в лагерь. Хасар и Тэмуге были рядом с ней, малышка Тэмулун лежала на тряпках у костра. Оэлун медленно поднялась с колен, на ее исхудавшем лице появился страх. Тэмучжин подошел поближе, и она, заметив лук Бектера, оцепенела. Ни Тэмучжин, ни Хачиун не смотрели ей в глаза, а когда она наконец обрела голос, он звучал не громче шепота.

– Где ваш брат? – спросила она.

Хачиун уперся взглядом в землю, не в силах ответить. Она шагнула вперед, Тэмучжин поднял голову и сглотнул застрявший в горле ком.

– Он крал еду... утаивал ее для себя... – начал было он.

Испустив бешеный вопль, Оэлун ударила его по лицу так, что у него голова откинулась в сторону.

– Где твой брат?! – завизжала она. – Где мой сын?

Из носа в рот потекла кровь, и Тэмучжин был вынужден сплюнуть. Он обнажил окровавленные зубы и с мукой посмотрел на мать.

– Он мертв, – отрезал он.

Больше Тэмучжин ничего не мог сказать. Оэлун снова ударила его, затем еще и еще, пока он не согнулся и не шагнул назад. Она преследовала его, беспомощно размахивая руками, не в силах сдержать боль.

– Ты убил его?! – вопила она. – Что же ты за тварь такая!

Тэмучжин пытался удержать ее, но она была слишком сильна, и удары градом сыпались на его голову и плечи.

– Перестань бить его! Пожалуйста! – завопил Тэмуге.

Но Оэлун не слышала его. В ее ушах стучала кровь, грудь была готова лопнуть от бешенства и ужаса. Она приперла Тэмучжина к дереву, схватила за плечи и затрясла с такой яростью, что у него замоталась голова.

– Ты что, и его убить хочешь? – кричал Хачиун, пытаясь оттащить мать.

Вырвав края халата из его рук, она схватила Тэмучжина за длинные волосы, запрокинув его голову так, чтобы он смотрел ей в глаза.

– Ты родился с комком крови в руке, со смертью! Я говорила твоему отцу, что ты принесешь беду, но он был слеп!

Она и сама ничего не видела сквозь слезы, а ее пальцы, словно когти, вцепились в волосы Тэмучжина.

– Он утаивал еду от всех нас, обрекал на голодную смерть! – рявкнул он. – Обрекал на голод тебя! – И расплакался, чувствуя себя таким одиноким, как никогда еще в жизни.

Оэлун посмотрела на него, как на чумного, и прошептала:

– Ты лишил меня сына, моего мальчика.

Устремив пронзительный взгляд на Тэмучжина, она протянула руку к его лицу, и перед глазами его дрожали сломанные ногти матери. Мгновение ужаса, ожидания, что она вот-вот набросится на него, длилось целую вечность.

Силы покинули ее так же внезапно, как и пришли. Она безвольно упала на землю. Тэмучжин еле держался на ногах, дрожа от пережитого. Его вырвало желтой едкой жидкостью.

Отойдя на несколько шагов от лежащей на земле матери, он обернулся и увидел, что братья пристально на него смотрят, и яростно заорал на них:

– Он жрал жирных сурков, пока мы умирали от голода! И убить его было правильно! Думаете, долго вы протянули бы, если он жрал и часть вашей добычи, кроме той, что утаивал? Я видел, как он сегодня добыл утку, и где она? Она здесь, чтобы накормить вас? Нет, она в его брюхе!

За его спиной зашевелилась Оэлун. Тэмучжин отскочил в сторону, ожидая очередного нападения. Он смотрел на горячо любимую мать, и глаза его были полны слез. Он мог бы утаить от нее подробности смерти Бектера, если бы знал, что она так сильно будет горевать. Может быть, придумал бы историю о падении со скалы. Нет, твердо сказал себе Тэмучжин. Все было правильно. Бектер был клещом на теле лошади. Он жрал больше своей доли и ничего им не давал, хотя они умирали от голода у него на глазах. Со временем мать поймет, что Тэмучжин был прав.

Открыв покрасневшие от плача глаза, Оэлун с трудом поднялась на колени, подвывая от горя. У нее не было сил встать на ноги, и Хасар с Тэмуге бросились ей помочь. Тэмучжин попытался стереть кровь, но лишь размазал ее по лицу и исподлобья посмотрел на мать. Ему хотелось убежать прочь, только бы ее не видеть, но он заставил себя стоять на месте.

– Мы бы умерли из-за него, – сказал он.

Оэлун устремила на него пустой взгляд, и он вздрогнул.

– Назови его имя, – тихо попросила она. – Назови имя моего первенца.

Тэмучжин поморщился, внезапно почувствовав головокружение. Кровоточащий нос стал горячим и тяжелым, перед глазами поплыли черные точки. Ему хотелось упасть и уснуть, но он оставался на ногах и смотрел на мать.

– Назови его имя, – повторила она, и тупое горе в ее глазах сменилось гневом.

– Бектер, – выплюнул это имя Тэмучжин. – Тот, что крал еду, когда мы голодали.

– Надо было сразу убить тебя, как только я увидела, что ты сжимаешь в руке, – произнесла Оэлун так легко, что это напугало его больше, чем ее гнев. – Надо было еще тогда понять, что ты такое.

Тэмучжину казалось, что его сердце разрывается. Он не мог заставить ее замолчать. Ему хотелось броситься к ней, чтобы она обняла его, защитила от холода, хотелось сделать хоть что-нибудь, только бы не видеть страшной и жалкой пустоты в ее глазах. Пустоты, причиной которой был он сам.

– Держись от меня подальше, мальчик, – тихо сказала мать. – Если я увижу тебя спящим, то убью. За то, что ты сделал. За то, что ты у меня отнял. Не ты убаюкивал его, когда у него резались зубки. Не ты сгонял его жар травами и укачивал его. Тебя еще не было, а мы с Есугэем уже любили этого малыша. Тогда мы были молоды, и, кроме него, у нас ничего не было.

Окаменев от горя, слушал Тэмучжин. Может быть, мать просто не понимала, каким человеком вырос Бектер. Малыш, которого она укачивала, стал жестоким вором, и у Тэмучжина не находилось слов, чтобы рассказать ей об этом. Он уже готов был заговорить, но прикусил губу, зная, что сейчас слова бесполезны, что Оэлун опять набросится на него. Он покачал головой.

– Прости, – сказал он, но прощения он просил не за то, что убил брата, а за то, что заставил мать страдать.

– Уходи отсюда, Тэмучжин, – прошептала Оэлун. – Не могу тебя видеть.

Он всхлипнул и бросился прочь, даже не оглянувшись на растерянных братьев. Дыхание раздирало ему горло, во рту стоял привкус крови.

Они не видели его пять дней. Хачиун искал брата, но единственным признаком существования Тэмучжина была добыча, которую он приносил и оставлял на краю лагеря. В первый день это были два диких голубя, еще теплые, с кровью, струящейся из клювов. Оэлун не отвергала приношений, хотя и не говорила ни с кем о случившемся. Они ели в подавленном молчании, а Хачиун и Хасар печально переглядывались. Тэмуге хныкал и ныл, когда Оэлун оставляла его одного. Смерть Бектера была бы облегчением для младших, случись она, когда они жили в племени Волков, в сытости и безопасности. Они оплакали бы его, и отнесли тело на холмы для погребения под взорами Отца-неба, и нашли бы утешение в этом обряде. Но сейчас, в этой холодной лощине, случившееся было лишь очередным напоминанием, что смерть стоит у них за плечами. Сначала их положение казалось мальчикам приключением, но лишь до того момента, пока голод не натянул кожу на костях. И теперь они жили как дикие звери, стараясь не думать о предстоящей зиме.

Хасар оставил свою веселость в лощине между холмами. После ухода Тэмучжина он стал задумчив. Он надавал Тэмуге подзатыльников, когда тот слишком часто стал донимать мать. После смерти Бектера у всех них поменялись роли, и теперь на охоту каждое утро отправлялись Хасар с Хачиуном, и лицо Хасара было мрачным. Выше по распадку они набрали на озерцо побольше, хотя для этого им случилось миновать то место, где был убит Бектер. Хачиун нашел тело брата по следам на земле. Тэмучжин оттащил труп и засыпал его ветками, но тот все равно привлекал хищников. Когда на второй день после ухода Тэмучжина Хачиун обнаружил на краю лагеря тушку подстреленной дикой собаки, ему пришлось силой заталкивать в себя куски мяса. Он представлял себе, как Тэмучжин убивает зверя, пришедшего тревожить кости Бектера, но Хачиуну нужна была еда, а собака была лучшей добычей, которая досталась им с тех пор, как они были изгнаны из племени Волков.

На пятый день, вечером, Тэмучжин явился в лагерь. Семья застыла при виде его, и младшие братья с тревогой посмотрели на мать. Она обернулась и увидела сына, который решительно шагал к ней, держа в руках живого козленка. Ее сын казался сильнее, его кожа потемнела от солнца и ветра после пяти дней, проведенных на вершинах холмов под открытым небом. Она не ожидала, что испытает такое облегчение, увидев его живым и здоровым. Но вместе с облегчением в ней поднялась ненависть, которая никуда не ушла. Оэлун не могла простить Тэмучжина.

А он схватил добычу за ухо и бросил к ногам братьев.

– К западу в десятке полетов стрелы два пастуха, – сказал он. – Они одни.

– Они видели тебя? – удивив всех, вдруг спросила Оэлун.

Тэмучжин повернулся к ней, и его твердый взгляд стал неуверенным.

– Нет. Я поймал козленка, когда они отъехали за холм. Может, он потерялся, не знаю. Слишком хороший случай. Я не мог его упустить.

Он переминался с ноги на ногу в ожидании, что еще скажет мать. Он не знал, что будет делать дальше, если она прогонит его снова.

– Они будут искать его и нападут на твой след, – проговорила Оэлун. – Ты приведешь их сюда.

Тэмучжин вздохнул. Сил на споры у него не было. И прежде чем Оэлун успела возразить, он сел, скрестив ноги, на землю у огня и вытащил нож:

– Мы должны есть, если хотим выжить. Если они нас найдут, мы уьем их.

Он увидел, что лицо матери опять стало замкнутым, и ожидал неминуемой бури. В этот день он пробежал расстояние во много полетов стрелы, и все мускулы его исхудавшего тела ныли. Еще ночь в одиночестве он не переживет. Наверное, Оэлун прочла на его лице этот страх.

Хачиун заговорил первым, чтобы нарушить жуткое молчание.

– Один из нас будет стеречь лагерь этой ночью на случай, если они вдруг придут.

Тэмучжин кивнул, не глядя на брата и не сводя глаз с матери.

– Мы нужны друг другу, – произнес он. – Даже если я был не прав, убив брата, это ничего не меняет.

Козленок блеял и пытался вырваться. Оэлун схватила его за шею, и в свете костра Тэмучжин заметил, что она плачет.

– Ну что мне сказать тебе, Тэмучжин? – прошептала она и уткнулась лицом в теплый мех козленка. – Ты сердце мне вырвал, и теперь мне все равно, что будет.

– Тебе не все равно, что будет с остальными. Без тебя мы не сможем пережить зиму. Тогда всем нам наступит конец, – возразил Тэмучжин.

Произнося эти слова, он выпрямился, и его желтые глаза сверкнули в свете пламени.

Оэлун кивнула, играя ушками козленка, и стала напевать про себя песенку своей юности. Она видела, как двое ее младших братьев умерли от чумы. Они почернели и распухли, и племя ее отца бросило их на равнине. Она слышала, как воины кричат от неизлечимых ран, пока жизнь наконец не покидает их. Некоторые даже умоляли о милости, прося прикончить их, и им оказывали эту милость. Она всю жизнь шла со смертью рука об руку и, возможно, сумеет пережить смерть сына, как мать Волков.

Но сможет ли снова полюбить человека, убившего ее первенца, Оэлун не знала. Ей вдруг захотелось обнять сына и прогнать его скорбь. Но вместо этого она взяла нож.

Пока сыновья охотились, Оэлун сделала несколько берестяных туесков и сейчас бросила один Хасару и Хачиуну. Тэмуге взял себе еще один. Когда осталось два туеска, Оэлун повернулась и посмотрела на своего последнего сына.

– Возьми туесок, Тэмучжин, – помедлив, сказала она. – Кровь придаст тебе сил.

Услышав эти слова, он опустил голову и понял, что ему позволили остаться. Трясущими руками взял туесок и встал рядом с братьями. Оэлун вздохнула, ухватила козленка покрепче и вонзила нож в вену на шее. Кровь хлынула ей на руки, и мальчики столпились вокруг, стараясь не упустить ни капли. Козленок еще вырывался, а они уже наполняли туески и пили кровь, облизывали губы и чувствовали, как она проникает им в самые кости и успокаивает голод.

Когда поток превратился в тонкую струйку, Оэлун взяла обмякшее животное в одну руку и стала терпеливо наполнять свой туесок. Козленок еще трепыхался, но был уже мертв, его глаза стали огромными и темными.

– Завтра я приготовлю мясо, как только буду уверена, что огонь не привлечет пастухов, – сказала Оэлун. – Если они сюда заявятся, позаботьтесь о том, чтобы никто не узнал, что мы здесь. Поняли?

Мальчики облизывали окровавленные губы и сосредоточенно кивали. Оэлун глубоко вздохнула, загоняя скорбь в глубину души, туда, где она до сих пор оплакивала Есугэя и все, что они потеряли. Скорбь надо запереть в душе, там, где она не сможет сокрушить ее, но тоске Оэлун не было конца.

– Они придут нас убить? – тоненьким голоском спросил Тэмуге, тревожно поглядывая на украденного козленка.

Оэлун покачала головой и привлекла малыша к себе, чтобы успокоить его и утешиться самой.

– Мы Волки, малыш. Не так-то легко нас убить.

Произнося эти слова, она не сводила взгляда с Тэмучжина, и он содрогнулся от ее ледяной ярости.

Спрятавшись в прихваченной морозом траве, Тэмучжин с вершины холмов следил за двумя пастухами. Те спали внизу, лежа на спине, завернувшись в стеганные халаты и спрятав руки в рукава. Братья лежали рядом с ним, и холод пробирал их до самых костей. Ночь выдалась тихой. Люди и скот сбились в кучу, пытаясь согреться, и ведать не ведали, что за ними следят голодные глаза. Тэмучжин вглядывался во мрак. Все трое были вооружены ножами и луками, их лица были серьезны. Они смотрели и прикидывали свои возможности. Малейшее движение – козы испугаются и заблеют, пастухи тотчас проснутся.

– Подобраться ближе не получится, – прошептал Хасар.

Тэмучжин нахмурился. От долгого лежания на мерзлой земле у него затекли руки и ноги, но он не обращал на это внимания, а напряженно думал. Пастухи – народ закаленный, такие люди способны выжить самостоятельно. Под рукой у них лежали луки, и они легко могут убить волка, если тот попытается зарезать ягненка. А если жертвами окажутся трое ребятишек? Для пастухов – разницы никакой. Тем более ночью.

Глядя вниз на мирную сцену, Тэмучжин еле слышно вздохнул. Он мог бы согласиться с братьями и забраться подальше на холмы, если бы не тощая стреноженная лошадка поблизости. Она спала стоя, опустив голову почти до земли. Тэмучжину не терпелось заполучить ее и снова, как когда-то, скакать по степи. Тогда он мог бы уезжать на охоту дальше и привозить добычу крупнее. Если это кобыла, то у них будет еще и молоко. Он вспомнил кислый вкус кумыса на языке. У пастухов при себе может оказаться много полезных вещей. Семья Волков не имеет права отпустить их просто так, какой бы ни был риск. Зима все ближе. Он ощущал ее дыхание в воздухе, мороз колот его кожу крохотными иголочками. Без бараньего жира они долго не протянут.

– Собак не видишь? – прошептал Тэмучжин.

Никто ему не ответил. Собаки вполне могли улечься среди коз, подобрать хвосты, стараясь согреться, и заснуть. И заметить их невозможно. Сама мысль, что они могут прыгнуть на него из темноты, пугала Тэмучжина, но выбора не было. Пастухам придется умереть, чтобы его семья выжила. Он глубоко вздохнул и проверил, достаточно ли туга и суха тетива лука.

– У меня самый сильный лук. Я подкрадусь и застрелю первого, кто проснется. Вы подойдете сзади и будете стрелять в собак, если они на меня бросятся. Понятно? – В свете луны он ясно видел тревогу на лицах братьев. – Сначала убить собак, затем того, кто останется в живых, – приказал Тэмучжин, молясь, чтобы мальчишки не растерялись там, внизу.

Братья кивнули в ответ. Тэмучжин неслышно встал и пошел к спящим с подветренной стороны, чтобы его запах не всполошил стадо.

Казалось, обитатели маленького лагеря от холода ничего не чувствовали. Тэмучжин подходил все ближе, слыша только свое хриплое дыхание. Наконец он, держа лук наготове, побежал. Тому, кто умеет стрелять на скаку, надеялся он, стрелять на бегу будет несложно.

Примерно в тридцати шагах от него, рядом со спящими мужчинами, что-то шевельнулось. Черная тень поднялась на лапы и завывала. С другой стороны на него бросился еще один пес, рыча и лая. Тэмучжин вскрикнул от страха, отчаянно пытаясь сосредоточить все свое внимание на пастухах.

Мгновенно проснувшись, пастухи вскочили на ноги, когда Тэмучжин выпустил первую стрелу. В крошечной темноте он даже не пытался целиться в горло. Стрела пробила халат пастуха на груди, и тот упал на колени. Тэмучжин услышал, как он зовет на помощь товарища, и увидел, как тот откатился в сторону и поднялся во весь рост уже с натянутым луком. Овцы и козы заблеяли в панике и разбежались в темноте, отсекая Тэмучжина от братьев, кидаясь в разные стороны, словно среди них оказался хищник.

Тэмучжин рванулся вперед, чтобы опередить выстрел пастуха. Вторая стрела была у него за кушаком, и он схватил ее, но не смог вытащить – зацепилась. Пастух натянул тетиву с уверенностью бывалого воина, и на мгновение Тэмучжин решил, что все кончено. Он никак не мог вытащить свою стрелу. А рычание слева заставило его запаниковать. Собака бросилась на него, норовя вцепиться в горло, и он отшатнулся. Пастух выпустил стрелу, и та прожужжала над головой Тэмучжина. Мальчик закричал от боли, когда собачьи зубы сомкнулись на его руке, но псу в шею вонзилась стрела Хасара, и бешеная рычащая тварь разжала челюсти.

Мальчик опустил лук, а пастух уже нацеливал вторую стрелу. Хуже того, второй пастух, шатаясь, поднялся на ноги и тоже взял лук. Тэмучжин решил, что пора спасаться бегством. Он понимал: все должно быть кончено здесь, иначе пастухи пойдут за ними следом и перебьют одного за другим. Тэмучжин высвободил-таки стрелу и дрожащими руками натянул тетиву. Где вторая собака?

Стрела Хачиуна попала пастуху прямо под подбородок. Какое-то мгновение тот еще стоял с луком на изготовку, и Тэмучжин подумал, что перед смертью пастух все же успеет выстрелить. Он слышал о сильных и искусных воинах, которые, уже будучи мертвыми, успевали спрятать в ножны свой меч. Но тут пастух упал.

А тот, которого Тэмучжин ранил, возился со своим луком. Крича от боли, он натянул тетиву. Стрела Тэмучжина разорвала ему грудную мышцу, и он не мог согнуть лук с достаточной силой, чтобы выпустить стрелу.

Сердце Тэмучжина успокоилось. Он понял, что битва выиграна. Хасар и Хачиун подошли к нему, и все трое смотрели, как тетива в очередной раз выскальзывает из пальцев пастуха.

– Где вторая собака? – шепотом спросил Тэмучжин.

Хачиун не мог отвести взгляд от сражающегося с луком пастуха. Тот возносил молитву Отцу-небу перед лицом своих врагов.

– Я ее убил.

– Давай покончим с делом, – сказал Тэмучжин и благодарно похлопал брата по спине.

Пастух увидел, как самый высокий из врагов взял стрелу и натянул тетиву. Тогда он бросил лук, выхватил кинжал и посмотрел на луну и звезды. Голос его затих, когда Тэмучжин выпустил стрелу. Но даже со стрелой, торчащей в горле, мужчина еще постоял, шатаясь, и наконец рухнул наземь.

Братья с опаской двинулись к убитым, напряженно ища малейшие признаки жизни. Они должны были удостовериться, что враги мертвы. Тэмучжин послал Хасара за конем, который умудрился отбежать даже со спутанными ногами – так сильно напугал его запах крови. Тэмучжин повернулся к Хачиуну и, обхватив его за шею, так стремительно привлек к себе, что они стукнулись лбами.

– Теперь мы переживем зиму, – улыбнулся Тэмучжин.

Хачиун заразился от брата радостью, и вместе они испустили боевой клич над пустынной равниной. Может, это было глупо, но они все еще оставались мальчишками, хотя и научились убивать.

Глава 14

Илак сидел и смотрел на огонь, вспоминая о прошлом. Четыре года миновало с тех пор, как они оставили тень Делиун-Болдаха и земли вокруг красной горы. Волки процветали, умножились числом и разбогатели. В племени еще были живы люди, которые ненавидели его за то, что он оставил сыновей Есугэя умирать. Но никаких признаков злой судьбы, которой желали ему враги, не было. В первую же весну после ухода племени родилось куда больше ягнят, чем раньше, и в юртах появилось несколько десятков новорожденных. Ни один не умер при рождении, и те, кто высматривал знаки судьбы, были удовлетворены.

Илак довольно хмыкнул, наслаждаясь вкусом черного арака. Это был уже второй бурдюк. Перед глазами все плыло. Последние годы были хороши, по улусу бегали трое его сыновей, родившихся за это время, учились владеть луком и копьем. Сам Илак прибавил в весе, хотя скорее заматерел, чем разжирел. Зубы и глаза его были по-прежнему хороши. Другие племена боялись даже упоминать его имя. Он понимал, что должен был быть всем доволен.

За эти годы Волки все время двигались дальше на юг. И теперь они расположились в таком месте, где над головами вились тучи мух, а воздух был так влажен, что люди потели весь день, а на коже высыпала сыпь, раскрывались язвы. Илак тосковал по холоду, сухому ветру северных холмов, но как только он с Волками поворачивал на старые тропы, то сразу начинал думать о судьбе семьи Есугэя. В душе он до сих пор жалел, что не отправил тогда воинов завершить дело – не из-за ощущения вины, а потому, что не любил оставлять что-то незаконченным.

Фыркнув, он запрокинул голову и прикончил бурдюк. Ленивым жестом велел подать себе другой, и молодая женщина тотчас поднесла ему еще арака. Илак оценивающим взглядом окинул фигурку, стоявшую перед ним на коленях и со склоненной головой. Одурманенный араком, он никак не мог вспомнить ее имени, но она была стройной и длинноногой, словно вешний жеребенок. Он ощутил, как просыпается в нем желание. Илак за подбородок поднял ее лицо, чтобы она смотрела на него. С нарочитой медлительностью взял ее руку и положил себе на чресла, чтобы почувствовала его влечение к ней. У нее был испуганный вид, но Илак и помыслить не мог, что кто-то посмеет отказать хану. Если женщина угодит ему, он оплатит ее отцу хорошим конем.

– Иди в мою юрту и жди меня, – приказал Илак заплетающимся языком.

Глядя, как она идет, он отметил, что у нее красивые ноги. И собрался было сразу пойти следом за ней. Но желание быстро угасло, и он вернулся и снова уставился на огонь.

Он помнил, как дерзко смотрели на него сыновья Есугэя, когда он бросил их одних на произвол судьбы. Сейчас он сам бы зарубил их. Но четыре года назад, только-только взяв в руки бразды правления, Илак не знал еще, насколько терпимо племя отнесется к его действиям. Уж этому-то Есугэй его научил. Племя готово вытерпеть многое от того, кто его ведет, но всегда есть граница, которую переступить не следует.

Конечно же, этих тощих детей и их мать забрала первая же зима. Странно было возвращаться в края, с которыми связано столько воспоминаний. Сегодняшняя стоянка временная, только чтобы подкормить коней на хорошей траве. Примерно через месяц племя двинется к землям вокруг красной скалы. Илак слышал, что олхунуты тоже вернулись в те края, поэтому вел Волков с твердым намерением начать войну. Арак горячил его кровь и заставлял желать сражение – или женщину в его юрте.

Радясь морозному воздуху, Илак глубоко вздохнул. Он тосковал по холодам во влажном тепле юга, когда кожа краснела от укусов странных паразитов, которых приходилось вырезать кончиком ножа. На севере воздух был чище, и кашель в племени слышался реже. Недавно умерли один старик и еще двое детей, их оставили на холмах ястребам, но Волки радовались предстоящему возвращению в родные места.

– Толуй! – позвал Илак, хотя и не знал еще в точности, чего ему хочется.

Он смотрел, как поднимается воин и идет к нему. Илак обвел взглядом могучую фигуру, склонившуюся перед ним, и ощутил то же удовольствие, с которым осматривал умножившиеся стада. Волки хорошо показали себя на прошлом курултае, выиграв две короткие скачки и уступив в длинной лишь на корпус лошади. Его лучники получили награды, а два бойца вышли в последний круг в борьбе. Толуй был пятым и получил звание Сокола, хотя его и победил борец из найманов. В награду Илак взял его в свои ближние воины, и через пару лет, когда Толуй прибавит в силе, он спокойно поставит на его победу. Могучий молодой воин был беззаветно предан хану, и не случайно Илак выбрал того, кого возвысил собственной рукой.

– Ты был совсем мальчишкой, когда мы в последний раз видели север, – сказал Илак. Толуй кивнул, бесстрастно глядя на него темными глазами. – Ты был там, когда мы оставили детей и жену старого хана.

– Я все видел. Им не было среди нас места, – низким уверенным голосом протянул Толуй.

– Именно, – улыбнулся Илак. – В племени Волков для них не было места. И что ж, с тех пор как мы ушли на юг, племя разбогатело. Это может означать одно: Отец-небо благоволит нам!

Так как Толуй не ответил, Илак подождал, чтобы молчание с его стороны показалось воину многозначительным. Какое-то решение зрело в нем. Это, конечно, лишь призраки да старые раны, но ему по-прежнему снилась Оэлун, и он просыпался в холодном поту. Иногда она снилась ему обнаженной, извивающейся под ним, а потом вместо ее прекрасной плоти появлялись кости. Это были просто сны, но земли вокруг холма воскрешали прошлое из пепла.

– Возьми с собой двух воинов, которым доверяешь, – начал Илак.

Толуй подобрался – весь угодливость. Он стоял, нависая над своим ханом.

– Куда ты нас отправляешь? – справился он и замер в ожидании ответа, пока Илак делал очередной глоток арака.

– Вернитесь в старые охотничьи угодья, – наконец ответил тот. – И посмотрите, остался ли кто-нибудь в живых.

– Мне убить их? – спросил Толуй.

В его голосе было только любопытство, ничего больше, и Илак задумчиво погладил свой расплывшийся живот. На бедре висел меч, некогда принадлежавший Есугэю. Было бы справедливо покончить с его родом несколькими хорошими ударами этого самого клинка.

– Если они выжили, то живут подобно зверям. Так что делай с ними, что хочешь. – Илак замолчал, глядя на пламя и вспоминая дерзкие слова Бектера и Тэмучжина. – Если найдешь старших, притащи их ко мне. Я покажу им, какими стали Волки под властью сильного хана, а после этого отдадим их птицам и духам.

Кивнув тяжелой головой, Толуй пробормотал: «Как прикажешь» – и отправился собирать своих товарищей в поездку. Илак, стоя в свете пламени, наблюдал, как тот уходит, твердо и уверенно шагая. Племя уже забыло о сыновьях Есугэя. Иногда ему казалось, что он единственный помнит о них.

Из улуса Толуй выехал в сопровождении Басана и Унэгена. Его спутники прожили почти тридцать зим, но в отличие от него не были прирожденными лидерами. Толуй же наслаждался своей властью и, хотя видел только девятнадцать зим, знал, что спутники опасаются его нрава. Обычно он не сдерживал себя, упиваясь встревоженными взглядами старших. Он заметил, что в холодные месяцы они осторожничают и жалеют себя. Толуй же мог проснуться и тут же броситься в сражение или взяться за работу. Он гордился своей молодостью.

Только Илак никогда не боялся бороться с ним. Когда Толуй вызвал его на борьбу, хан швырнул его оземь так крепко, что сломал Толую два пальца и ребро. Молодой воин испытывал какую-то извращенную гордость оттого, что следовал за единственным человеком, который оказался сильнее его, и среди Волков не было у Илака слуги вернее.

Первые три дня воины ехали молча. Старшие держались от Толуя на расстоянии, зная, как быстро меняется его настроение. Они обшарили местность у красной скалы, отметили, что трава здесь выросла густая и сочная и что она придется по вкусу стадам, которые Илак прикажет гнать перед племенем. Земля была хорошая, и за это время ни одно племя не заявило на нее прав. Только несколько пастухов вдалеке развеивали впечатление, что Волки одни на этих равнинах.

На двенадцатый день они увидели одинокую юрту у реки и галопом устремились к ней. Толуй крикнул «нохой хор», чтобы пастухи придержали собак, прыгнул на землю, открыл

низкую дверку и вошел внутрь. Басан и Унэген переглянулись и последовали за ним, сохраняя на лице бесстрастное выражение. Оба знали друг друга с детства, еще до того, как Есугэй стал вождем Волков. Их бесило, что ими командует надменный молодой Толуй. Однако они согласились ехать, так как это была единственная возможность узнать, что случилось с теми, кого они оставили на произвол судьбы.

Сидя на старой постели, Толуй принял чашу соленого чая с молоком своими огромными ручищами и шумно выхлебал его. Басан и Унэген вошли и поклонились пастуху и его жене, которые смотрели на чужаков с откровенным ужасом.

– Вам нечего бояться, – успокоил их Басан, принимая чай, чем заслужил презрительный взгляд Толуя.

Молодому воину было наплевать на всех, кроме Волков.

– Мы ищем женщину с пятью сыновьями и дочерью, – сказал Толуй.

Голос был слишком громким для маленькой юрты. Жена пастуха подняла испуганный взгляд, и у Унэгена с Басаном сердца заколотились быстрее. Толуй тоже заметил взгляд женщины.

– Ты их знаешь? – подался он вперед.

Пастух отшатнулся, явно перепуганный видом огромного чужого воина.

– Мы слышали о них, но где они – не знаем, – ответил он.

Сидя неподвижно, чуть приоткрыв рот и обнажив белые зубы, Толуй в упор смотрел на пастуха. Находиться в юрте стало опасно, и все это ощутили.

Тут вбежал маленький мальчик и резко остановился, увидев чужаков в доме родителей.

– Я заметил лошадей, – сказал он, глядя на всех большими темными глазами.

Хмыкнув, Толуй поймал мальчика, посадил на колено, перевернул вверх тормашками и стал подбрасывать. Мальчик захихикал, но лицо Толуя оставалось непроницаемым, и пастух с женой оцепенели от ужаса.

– Нам надо их найти, – сообщил Толуй, громким голосом заглушая смех ребенка, которого без видимых усилий держал на вытянутых руках и подбрасывал так, что мальчик становился ему на колено.

– Еще! – выдохнул мальчик.

Женщина поднялась, но муж схватил ее за руку.

– Вы их знаете, – уверенно заявил Толуй. – Скажите, и мы уйдем.

Он снова перевернул их сына вверх тормашками, не обращая внимания на его восторженные вопли. Склонил голову набок в ожидании их ответа.

– Женщина с сыновьями живет в дне езды отсюда, на севере. У них всего две юрты и несколько коней. Они мирный народ, – прошептала женщина.

Толуй кивнул, наслаждаясь властью над этими людьми, пока их сын был в его руках. Напряжение в юрте стало почти невыносимым, но тут он поставил мальчика на землю и подтолкнул его к родителям. Мать обняла сына и закрыла глаза.

– Если вы солгали, я вернусь, – предупредил Толуй.

В его темных глазах читалась явная угроза, а его огромные руки легко могли разорвать ребенка. Пастух упорно отводил взгляд и смотрел в пол до тех пор, пока Толуй и его спутники не покинули юрту.

Воины вышли наружу, и Толуй заметил большую собаку, появившуюся из-за юрты. Пес был слишком стар для охоты и глядел на чужаков белесыми полуслепыми глазами. Толуй осклабился, и пес ответил глухим гортанным рыком. Воин, хмыкнув, уверенно и быстро схватил лук. Басан нахмурился, когда увидел, как Толуй целится в собаку. Стрела вонзилась псу в плотку, и он задергался и будто закашлял. Мужчины ударили коней пятками и усаkali прочь.

Чуть позже они остановились отдохнуть, стали готовить мясо. Толуй находился в добром расположении духа. Вяленая баранина была не очень свежей, сыр чуть подванивал и пощипывал язык.

– И что велел сделать хан, когда мы их найдем? – спросил Басан.

Толуй сердито посмотрел на старшего воина, словно тот своим вопросом нарушил мирный ход его мыслей. Ему нравилось умирять воинов взглядом, а они шарахались от силача, который одним ударом кулака сбивал коня на колени. Толуй не отвечал, пока Басан не отвел взгляда. Еще одна маленькая битва была выиграна.

– Что захочу, то и сделаю, – заявил Толуй, наслаждаясь победой. – Хотя сам хан приказал приволочь к нему старших. Привяжу их к хвостам коней и заставлю бежать всю дорогу.

– Может, это не те, кого мы ищем, – напомнил молодому воину Унэген. – В конце концов, у этих есть юрты и лошади.

– Посмотрим. В любом случае коней мы угоним, – сказал Толуй, улыбаясь своим мыслям.

Илак и не предполагал, что тут можно чем-нибудь поживиться, но никто не станет оспаривать права Толуя на имущество семьи Есугэя. Их судьба была решена в тот день, когда племя их бросило. На них не распространялся закон гостеприимства. Это были бродяги, у которых нет хана, защищающего их. Толуй рыгнул и засунул руки поглубже в рукава халата, намереваясь заснуть. Хороший выдался день. Вряд ли настоящий мужчина может пожелать большего.

Смахнув с глаз пот, Тэмучжин скрепил последние жерди для небольшого загона для коз и овец, готовых дать приплод. Маленькое стадо увеличивалось, так как ртов в семье было не много. Два года назад братья вместе со странниками отправились продавать шерсть и мясо в обмен на войлок. Они наторговали достаточно, чтобы сделать две маленькие юрты, и от взгляда на них у Тэмучжина всегда становилось легче на душе.

Неподалеку Хасар и Хачиун стреляли по мишеням, сделанным из нескольких слоев войлока, обмотанных тряпками. Тэмучжин выпрямился и потянул затекшие мускулы, опершись на ограду. Он смотрел на братьев, и мысли его вернулись к тем первым месяцам, когда за ними по пятам следовали смерть и зима. Им пришлось туго, но свое обещание мать сдержала. Они выжили. Без Бектера между братьями возникла крепкая дружба, и они каждый день от рассвета до заката трудились вместе. Прошедшие годы закалили их. Все свободное время, если они не занимались стадом и не готовили товар на продажу, братья уделяли оттачиванию боевого мастерства.

Тэмучжин потрогал кинжал на поясе. Время от времени он точил его, чтобы легко резать кожу. В его юрте висел лук, равный тому, что был когда-то у отца, – прекрасное оружие с внутренним изгибом из блестящего рога. Когда Тэмучжин натягивал тетиву, она резала пальцы, словно нож, и ему понадобилось много месяцев, чтобы они загрубели. Этот лук еще ни разу не убивал человека, но Тэмучжин знал, что, если надо будет, он пошлет стрелу точно в цель.

Прохладный ветерок прошел по зеленой равнине, и юноша прикрыл глаза, наслаждаясь тем, как ветер осушает пот на лице. Тэмучжин услышал, как в своей юрте мать поет песенку для Тэмуге и Тэмулун, и улыбнулся, забыв на время то, как они боролись за свою жизнь. Ему и так нечасто случалось побыть в покое и тишине.

Семья Есугэя вела торговлю с пастухами и отдельными семьями. Они с удивлением обнаружили, что кроме великих племен, пасущих скот, в степях есть и другая жизнь. Кто-то был изгнан из племени за преступление, убийство или прелюбодеяние. Другие родились без защиты хана. Такие люди были весьма осторожны, и Тэмучжин вел с ними дела только для того, чтобы как-то жить. Для рожденного в ханской юрте они по-прежнему были проходимцами без роду без племени, недостойными даже презрения. Тэмучжина не радовало, что и он оказался таким же, как они, и братья разделяли его недовольство. Взрослея, они все чаще думали о том, какой могла сложиться их жизнь. Один-единственный день навеки лишил их будущего.

Тэмучжин приходил в отчаяние от мысли, что ему придется до самой старости влачить жалкое существование, довольствуясь горсткой коз и овец. Илак отнял у них все. Не только права, положенные им по рождению, но и целое племя, большую семью, которая защищает своих и делает жизнь сносной. Тэмучжин не мог простить Илаку этих тяжелых лет.

Услышав, как воскликнул от радости Хачиун, Тэмучжин открыл глаза и увидел стрелу в самом сердце мишени. Он выпрямился и пошел к братьям, поглядывая вокруг себя. Он всегда так делал. Мальчики не могли чувствовать себя в безопасности и постоянно жили в страхе, что на горизонте вот-вот появится Илак во главе десятка угрюмых воинов.

Со временем это ожидание притупилось, но не исчезло из их жизни. Тэмучжин понимал, что можно жить и в тени великих племен, не привлекая ничьего внимания. Но в случае набега они могли потерять все. Тогда на них станут охотиться как на диких зверей, а их юрты уничтожат или заберут себе.

– Ты видел, как я выстрелил? – спросил Хачиун.

– Я смотрел в другую сторону, – покачал головой Тэмучжин. – Но лук отличный.

Как и тот, что висел в его юрте, лук младшего брата был с двойным изгибом и сушился больше года, прежде чем к нему приклеили и примотали вываренные пластины бараньего рога. Потом в юртах несколько недель воняло рыбьим клеем, но дерево приобрело твердость железа, и они гордились делом своих рук.

– Стрельни, – предложил Хачиун, протягивая брату лук.

Тэмучжин улыбнулся, отметив про себя, как раздались плечи Хачиуна и как неожиданно он вырос. Сыновья Есугэя все были высокими, но Тэмучжин перерос остальных, в семнадцать лет сравнявшись с отцом.

Он крепко схватил лук, наложил стрелу с костяным наконечником и оттянул тетиву до самого уха, держа ее загрубелыми кончиками пальцев. Выдохнул, выпустил стрелу и увидел, что она вонзилась рядом со стрелой Хачиуна.

– Славный лук, – сказал он, проводя рукой по желтому рогу.

Лицо его было мрачным, и Хачиун первым заметил, что брат чем-то опечален. Он всегда чувствовал мысли Тэмучжина.

– Что с тобой? – спросил Хачиун.

– От старого Хорхуза я слышал, что олхунуты вернулись на север, – ответил Тэмучжин, глядя куда-то за горизонт.

Хачиун кивнул: он понимал охватившее брата беспокойство. Со дня убийства Бектера между ним и Тэмучжином образовалась крепкая связь. Поначалу семья просто пыталась пережить суровую зиму, потом другую, но к третьей у них было уже достаточно войлока, чтобы сделать юрты. За лук и шерсть Тэмучжин выторговал еще одну лошадь в подмогу старой кобыле, которую они увели у пастухов. Весна четвертого года принесла какое-то беспокойство на крыльях ветров, и на Тэмучжине это сказалось сильнее всего. У них было оружие и мясо, и стояли они достаточно близко к лесам, чтобы спрятаться, если на них нападут и у них не будет сил отбиться. Оэлун уже не была такой мрачной, хотя ворошила в памяти прошлое и по-прежнему видела Бектера во сне. Весна пробудила в ее сыновьях мысли о будущем.

В своих мечтах Тэмучжин по-прежнему видел Бортэ, хотя олхунуты давно ушли с равнин. Да и найди он их, они только посмеялись бы над оборванным бродягой. У него не было меча, и не на что было его выменять. Однако мальчики уезжали далеко от их стоянки, беседовали с путниками, слушали новости. Олхунутов видели ранней весной, и с тех пор Тэмучжин лишился покоя.

– Ты собираешься привезти Бортэ сюда? – спросил Хачиун, окидывая взглядом их жилища.

Тэмучжин проследил за его взглядом, и горечь наполнила его душу при виде грубых юрт и блеющих овец. Когда он виделся с Бортэ в последний раз, то пообещал себе, что возьмет ее в жены и что она станет женой хана. Тогда он знал себе цену.

– Может, ее уже отдали другому, – мрачно отозвался Тэмучжин. – Сколько ей стукнет? Восемнадцать? Ее папаша не из тех, кто долго ждет.

– Ее обещали тебе, – фыркнул Хасар. – Если она выйдет за другого, ты сможешь вызвать его на поединок.

Посмотрев на брата, Тэмучжин понял, что младший не видит сути дела. Хасар никогда не сможет править Волками. В нем не было внутреннего пламени Хачиуна, его способности мгновенно схватывать все планы и замыслы. Но Тэмучжин хорошо помнил ту ночь, когда они убили пастухов. Хасар сражался рядом. В нем было кое-что от отца, однако он никогда не улавливал тонкостей, доступных Есугэю. Останься отец в живых, Хасара на следующий год отвезли бы к олхунутам. Его жизнь, как и Тэмучжина, свернула с протоптанного пути из-за предательства Илака.

– Будь у меня новый халат, я бы поехал и посмотрел, что с ней стало, – с неохотой произнес Тэмучжин. – Хотя бы узнал что да как.

– Нам всем нужны женщины, – весело согласился Хасар. – Я уже и сам в нетерпении. Не хочу умереть, не подмяв под себя хоть одну.

– Бедные козы, как же им будет недоставать твоей любви, – вернул Хачиун.

Хасар хотел дать ему затрещину, но тот увернулся.

– Может, я и сам смогу отвести тебя к олхунутам, – сказал Тэмучжин, окидывая Хасара взглядом с головы до ног. – Разве я теперь не хан в моей семье? Да и парень ты видный.

Так оно и было, хотя Тэмучжин намеревался только подшутить над братом. Хасар вырос гибким и сильным, смуглым и жилистым. Грива нестриженных волос падала ему на плечи. Они больше не заплетали волосы в косицы, а, когда те отрастали, просто отхватывали ножом прядь-другую, чтобы не падали на глаза и не мешали охотиться.

– Овец десять скоро дадут приплод, – бросил Тэмучжин. – Если не позволим ягнятам пасть, то сможем продать пару коз и двух старых баранов. А за это выторгуем новый стеганный халат, а может, и поводья получше. Старый Хорхуз поигрывал такими, когда я с ним разговаривал. Думаю, хотел, чтобы я спросил цену.

Хасар попытался скрыть свою заинтересованность, но между собой им давно уже не надо было притворяться и делать бесстрастное лицо, подобающее воину. Им не надо было сдерживать себя, как учил их когда-то Есугэй, и они потеряли это мастерство. Решения всегда принимал Тэмучжин, и младшие братья давно уже признали за ним право их вести. Душа его радовалась, хотя он был ханом и хозяином всего лишь нескольких неказистых коней да пары юрт.

– Я съезжу к старику и поторгуюсь, – заявил Тэмучжин. – Мы поедем вместе, но я не смогу оставить тебя там, Хасар. Нам так нужны твоя сильная рука и верный лук. Если у них найдется девушка, к которой уже пришла кровь, я поговорю с ними о тебе.

Увидя, как Хасар помрачнел, Хачиун дружески похлопал его по плечу:

– А что мы можем им предложить? Они ведь знают, что у нас ничего нет.

Тэмучжин почувствовал, что его воодушевление угасает, и плюнул.

– Мы можем устроить набег на татар, – неожиданно заявил Хачиун. – Если нападём на их земли, то сможем забрать все, что захотим.

– Чтобы они начали на нас охоту, – отозвался Хасар с раздражением в голосе, не заметив, как вспыхнули глаза Тэмучжина.

– Смерть нашего отца осталась неотомщенной, – произнес тот.

Хачиун мгновенно заразился его настроением и сжал кулаки. А Тэмучжин продолжал:

– Мы достаточно окрепли, чтобы нанести хороший удар, и они даже не успеют разобратся, кто мы. Почему бы и нет? Олхунуты обрадуются, если мы придем со скотом и

лошадьми, и никому не будет дела, что на них татарское клеймо. – Старший брат обнял младших за плечи. – Правда, втроем мы сможем взять у них только малую часть долга. Из-за них мы потеряли все.

Хасар и Хачиун почти уже согласились с ним, но Хачиун вдруг насупился:

– Мы не можем оставить нашу мать с младшими без защиты.

– Отвезем ее к старику Хорхузу и его семье, – подумав, предложил Тэмучжин. – У него жена и маленькие сыновья. Там она будет в безопасности. Пообещаю ему пятую часть добычи. Я знаю, что он сделает так, как я попрошу.

Но Хачиун уже не слушал его. Он устремил вдаль встревоженный взгляд, словно на горизонте появилась неведомая опасность. Тэмучжин и сам напрягся, увидев, что привлекло внимание брата.

– Всадники! – крикнул Хачиун матери.

Оэлун вышла из юрты, и сыновья повернулись к ней.

– Сколько? – спросила она, подойдя к ним и вглядываясь в даль, но зрение у нее было не такое острое, как у сыновей.

– Всего лишь трое, – сообщил Хачиун уверенным голосом. – Сматываемся?

– Ты столько лет готовился к этому, Тэмучжин, – тихо сказала Оэлун. – Вот и решай сам.

Тэмучжин чувствовал на себе испытующие взгляды всей семьи, но не отрываясь всматривался в темные точки на горизонте. Его собственные слова, которые он только что произнес, все еще воодушевляли его. Ему хотелось плюнуть на все и бросить вызов чужакам. Семья Есугэя не будет трусливо бегать, тем более что они уже так далеко зашли. Он глубоко вздохнул, приводя мысли в порядок. Эти люди могут быть передовым отрядом гораздо больших сил. А может, эти трое мужчин едут сюда убивать, жечь и насиловать. Тэмучжин стиснул кулаки и принял решение.

– Всем быстро в лес, – с бешенством в голосе рявкнул он. – Берите с собой луки и все, что можете унести. Если они пришли красть, клянусь, мы вспорем им брюхо.

Семья повиновалась мгновенно. Оэлун нырнула в юрту и вышла с Тэмунун на руках, за ней быстро семенил Тэмуге. За последние четыре года щенячий жирок сполз с мальчика, но, убегая в сторону леса, он, как и раньше, испуганно оглядывался, спотыкался и держался поближе к матери.

Вместе с младшими братьями Тэмучжин хватал луки и стрелы. Все трое забрасывали мешки за спину и бежали к деревьям. Они слышали крики всадников, которые успели заметить их, но в лесу семья будет в безопасности. Тэмучжин сглотнул горький комок в горле, ныряя в заросли, и остановился, переводя дух и оглядываясь назад. Кто бы ни были эти люди, он ненавидел их за то, что они заставили его убегать. Он поклялся, что такого больше не будет. Никогда.

Глава 15

Три воина с опаской подъехали к юртам, отметив и дымок, вьющийся над одной из них, и блеянье коз и овец, но во всем остальном утро было угрожающе тихим, и все они ощущали на себе чьи-то невидимые взгляды.

Маленькие юрты и хилый загон для скота были построены у ручья, бегущего у подножия лесистого холма. Толуй видел, что среди деревьев скрылись какие-то люди, а потому постарался спешиться так, чтобы конь прикрывал его от засады или случайного выстрела. Басан и Унэген, как и он сам, носили под халатами кожаные доспехи, хорошо защищавшие грудь даже от прямого попадания.

Держа руки за шеей коня, Толуй знаками отдал приказы. Басан получил задание обыскать юрты, прежде чем они двинутся дальше, чтобы не получить стрелу в спину. Воин кивнул в

ответ, повел свою кобылу в тень юрты и, прикрываясь лошадьё, нырнул внутрь. Толуй и Унэген ждали, пока он обыщет жилище, но при этом напряженно всматривались в лес. Они видели густые заросли колючих кустов между стволами деревьев, плотно обвитыми вьющимися растениями. Выходило, что им придется пешими преследовать беглецов. Люди, живущие здесь, похоже, давно ожидали набега и хорошо подготовились. До деревьев шагов тридцать надо было пройти по открытой местности, и если сыновья Есугэя ждут их с натянутыми луками, то дело будет тяжелое и кровопролитное.

Обдумывая положение, Толуй нахмурился. Теперь он больше не сомневался, что те убежавшие фигурки были сыновьями Есугэя, которых бросило умирать племя Волков. Отдельные семьи бродяг, подбиравшие на равнинах всякую падаль и отбросы, не подготовились бы к сражению так, как они. Толуй натянул лук, не отрывая взгляда от темного подлеска, в котором можно было бы спрятать целую армию. Он знал, что может вернуться и привести достаточно людей, чтобы загнать их всех, но Илак не видел этих колючих зарослей и, конечно, подумает, что Толуй попросту струхнул. Хан не поверит ему. И Толуй начал готовиться к сражению. Дыхание его, глубокое и медленное, стало частым и коротким, сердцебиение усилилось, тело наполнилось силой. Басан тем временем обследовал вторую юрту и вышел, качая головой.

Толуй сжал руку в кулак, а затем выбросил три пальца. Басан и Унэген кивнули, показывая, что поняли его. Они приготовили луки и стали ждать указаний Толуя. Тот чувствовал свою силу, к тому же на нем были кожаные доспехи. Сразить его сможет только пущенная очень сильной рукой стрела. Он поднял кулак, и все трое рванулись вперед. Выйдя на открытое пространство, они разделились.

Всматривая малейшее движение впереди, Толуй тяжело дышал на бегу. С одной стороны что-то мелькнуло, и он тут же упал и перекатился по земле, как в борьбе, вскочив сразу же, как что-то прожужжало над самым ухом. Басан и Унэген мчались зигзагами, направляясь к зарослям, но опередивший их Толуй уже заметил, что среди деревьев прохода нет. Все просветы, даже самые узкие, были завалены огромными связками колючих ветвей. Наверняка сыновья Есугэя, отступая вглубь леса, закрыли последний проход за собой. Толуй замешкался, сердце его тревожно заколотилось.

И прежде, чем он успел принять решение, ему в грудь вонзилась стрела. Толуй пошатнулся от удара и нестерпимой боли, но постарался не обращать на нее внимания, надеясь, что доспехи не дали стреле проникнуть слишком глубоко. Толуй понял, что у мальчишек хорошие луки.

Три Волка оказались в самом худшем положении, какое только можно было вообразить, – прямо перед колючим заграждением, на виду у врага. Но они были прекрасными лучниками: каждый мог сбить птицу, попав ей в крыло. И в целом все было не так ужасно, как казалось Толую. Чтобы выстрелить, врагу придется хотя бы на мгновение выглянуть, и тогда один из трех воинов с молниеносной быстротой отправит стрелу в ответ, так что пригнуться враг уже не успеет.

Сыновья Есугэя наверняка понимали уязвимость своей тактики, так как за деревьями царил тишина. Птицы разлетелись, испугавшись внезапного вторжения, и единственным звуком, нарушающим безмолвие, было тяжелое дыхание людей, которые боялись за свою жизнь, но старались взять себя в руки.

Медленно отступив, Толуй сделал два шага вправо, а Басан с Унэгеном отошли влево. Все их чувства обострились до предела. Они следили, готовые убивать или быть убитыми. Толуй представил стрелу, которая входит в его тело, но не устрасился этой мысли, а поймал себя на том, что ему нравится чувствовать опасность. Он поднял голову и, повинаясь неожиданному порыву, обратился к незримому врагу.

– Я Толуй из племени Волков! – крикнул он зычным голосом. – Я первый воин Илака, некогда первого воина Есугэя! – Он глубоко вздохнул. – Нет нужды сражаться. Если вы при-

мете нас по всем законам гостеприимства, мы вместе вернемся в юрты и я передам вам послание хана!

Он подождал ответа, хотя и не надеялся, что они так легко дадут себя обдурить. Краем глаза заметил, что Басан пошевелился, чуть изменив положение тела.

– Мы не можем так простоять весь день, – прошептал он, когда их глаза встретились.

– Ты хочешь, чтобы они от нас сбежали? – прошипел в ответ Толуй.

Басан ответил одними губами:

– Мы уверились, что они живы. Мы должны передать эту весть хану. Может, у него будет другой приказ.

Собираясь ответить воину, Толуй повернул голову, и эта оплошность чуть не стоила ему жизни. Он успел лишь заметить, что из кустов поднялся какой-то мальчишка и пустил стрелу. Все вспыхнуло перед глазами Толуя, но он собрался с силами и выстрелил из лука в тот момент, когда стрела вонзилась ему в грудь под горлом. Он упал, понимая, что ему повезло: выстрел сделан второпях. Лежа на земле, он видел, что Унэген стреляет в кусты. Толуй поднялся, зарычал от ярости и боли, налаживая вторую стрелу.

Басан стрелял, направляя лук в сторону движущихся в кустах теней. Ни Басан, ни Толуй не услышали предсмертного крика. Когда Толуй посмотрел влево, то увидел распростертого на земле Унэгена. Стрела насквозь пронзила его горло. Глаза закатились, язык вывалился. Толуй стал ругаться, в бешенстве потрясая луком.

– Ты захотел тяжелой смерти, и ты ее получишь! – орал он.

В какое-то мгновение Толуй подумывал было отступить к лошадям, но гордость и ярость удержали его. Он страстно желал покарать тех, кто осмелился на него напасть. Его халат топорщился стрелами, они мешали двигаться, и он сломал два древка одним движением огромной руки.

– Думаю, одного зацепил, – сказал Басан.

Снова воцарилось молчание в ожидании очередной перестрелки.

– Надо вернуться к лошадям, – предложил Басан. – Обойдем колючки и нападём с открытой стороны.

Толуй был в бешенстве. Наконечники стрел вошли довольно глубоко, и в груди пульсировала боль. Каждое слово он вылаивал как приказ.

– Стой, где стоишь! – рявкнул он, осматривая деревья. – Убивай все, что движется.

Тэмучжин припал к земле за валом из колючих кустов, сделанным много месяцев назад. Это его стрела попала Унэгену в горло, и юноша чувствовал жестокое удовлетворение. Он прекрасно помнил, что именно Унэген отдал меч его отца Илаку. Тэмучжин много раз мечтал о мести. Убить предателя для него было слаще дикого меда.

Братья давно ожидали нападения, однако появление Волков у их жалких юрт все равно оказалось для них потрясением. Тэмучжин подготовил смертельную ловушку для грабителей, которые явно не могли быть такими опасными, как лучшие воины Илака. Грудь Тэмучжина распирало от гордости, когда один из нападающих был убит. Но это чувство смешивалось с благоговейным страхом. Ведь это были воины его отца, самые быстрые и лучшие. Ему казалось, что, убивая их, он совершает грех, даже если это Унэген. Но никакие сомнения и сожаления не помешают Тэмучжину уничтожить и остальных.

Он помнил Толуя мальчишкой с наглым взглядом. Тот был достаточно неглуп и не связывался с сыновьями Есугэя, но при этом считался одним из самых сильных подростков в племени Волков. Едва взглянув на него поверх нацеленной стрелы, Тэмучжин понял, что у Толуя прибавилось и силы, и надменности. Он далеко пошел под власть Илака.

Сквозь завалы колючих кустов Тэмучжин, прищурившись, наблюдал за Басаном и Толуем. У Басана вид был нерадостный, и Тэмучжин вспомнил, что именно этого воина

послали к олхунутам, чтобы привезти сына Есугэя домой. Знал ли о том случае Толуй, когда брал его с собой? Вряд ли. С тех пор мир изменился. Тогда Толуй был просто рядовым грязным драчуном, вечным источником неприятностей. Теперь он носил доспехи и халат ближнего воина хана, и Тэмучжину хотелось сбить с него спесь.

Сидя совершенно неподвижно, Тэмучжин размышлял о том, что делать дальше. Очень медленно он повернул голову в ту сторону, где затаился Хачиун, и стал молиться про себя, чтобы тот не шевелился, не привлекал внимания зоркого Басана. Иначе в него тут же полетит стрела. По лбу Тэмучжина тонкими струйками побежал пот.

Но когда он перехватил взгляд младшего брата, то похолодел от ужаса. Хачиун смотрел на него, молча ожидая, когда брат заметит его. Глаза подростка расширились от боли. Тэмучжин опустил взгляд и увидел, что стрела прошла тому бедро. Навсегда запомнит Хачиун холодное утро, когда за ними пришла смерть. С бледным, осунувшимся лицом он смотрел на старшего брата, не смея пошевелиться. Несмотря на его самообладание, оперение сидевшей в теле стрелы чуть подрагивало, и обостренными до головокружения чувствами Тэмучжин услышал слабый шорох листьев. Толуй увидит Хачиуна, подумал он, и добьет брата. Вполне возможно, люди Илака почуют и запах крови, принесенный ветром.

Тэмучжин впился в Хачиуна взглядом. Братья смотрели друг на друга в немом отчаянии. Они не могли уйти. Хасар затаился, его не было видно, но и он был в опасности.

Оторвав взгляд от Хачиуна, Тэмучжин стал медленно поворачивать голову, пока Басан и Толуй снова не оказались в его поле зрения. Они тоже выжидали, хотя Толуй уже явно впал в бешенство. Юноша отметил, что воин сломал стрелы, вонзившиеся ему в грудь, и от души позлорадствовал бы, если бы не ранение Хачиуна.

Противостояние не могло длиться вечно. Если бы Толуй отступил для того, чтобы привести больше людей, то они с Хасаром успели бы увести Хачиуна в безопасное место.

Стиснув зубы, Тэмучжин мучительно принимал решение. Он не надеялся, что Толуй, потеряв Унэгена, подожмет хвост и бросится к коням. Гордыня не позволит. Если он прикажет Басану идти вперед, то им с Хасаром нужно будет рискнуть и сделать еще один выстрел. Но попасть человеку в доспехах в горло почти невозможно, особенно если тот бежит пригнувшись. Придется шевелиться прежде, чем Толуй решит атаковать заросли. Придется выскочить и постараться увести их в сторону. Мальчики перекрыли все выходы в лесу, но оставались места, где одиночка мог бы протиснуться внутрь.

Тэмучжин проклинал свою злую судьбу. С последнего обмена выстрелами прошло всего несколько мгновений, но время словно растянулось, а мысли бешено проносились у него в голове. Юноша знал, что должен предпринять, но боялся этого. Он прикрыл глаза и собрал волю в кулак. Хан принимает тяжелые решения, и Тэмучжин знал, что отец давно бы уже двинулся вперед. Басана и Толуя надо отвлечь, прежде чем они найдут и добьют Хачиуна.

Стараясь держать врагов в поле зрения, Тэмучжин начал отползать. Он видел, что они переговариваются, но слов не слышал. Он прополз десять или двадцать алдов, пока не укрылся за стволом березы, вскочил и выхватил из колчана стрелу. Он не мог видеть врагов, а потому стрелял наугад, по памяти. Он послал мольбу Отцу-небу, чтобы оно даровало воинам несколько мгновений замешательства, натянул лук и выпустил стрелу в том направлении, где стоял Толуй.

Толуй услышал свист стрелы, когда она, вырвавшись словно из ниоткуда, прошла сквозь листья. Его собственная стрела слетела с тетивы прежде, чем вражеская успела процарапать длинную ссадину у него на предплечье. Взыв от боли и удивления, Толуй заметил мелькающую среди деревьев фигуру. Он немедленно выпустил очередную стрелу, надеясь на везение. Она пропала в густой листве, и Толуй, забыв об осторожности, поддался ярости.

– За ним! – взревел он и махнул Басану, который тут же сорвался с места.

Они добежали до восточного края завала, стараясь не упустить из виду бегущую фигуру и одновременно высматривая проход среди деревьев. Нашли наконец просвет, и Толуй без промедления рванул в лес. Басан остался снаружи проверить, не отвлекают ли их мальчишки, чтобы напасть сзади. Толуй упорно взбирался вверх, и Басан, не желая отстать, бросился за ним. Они поняли, что у юноши есть только лук, и оба ощутили охотничий азарт. Сытые, сильные и уверенные в себе, они продирались сквозь заросли, перепрыгивали через ручейки. Тэмучжин не останавливался и не замедлял ход, хотя и свернул в самые густые заросли.

Толуй начал задыхаться. Басан побагровел от натуги. Но они упорно шли вперед, держа в руках обнаженные мечи.

На Хачиуна упала тень, и он поднял взгляд. Схватился за кинжал, но признал брата и вздохнул с облегчением.

– Тэмучжин выиграл для нас время, – сказал он.

Хасар посмотрел сквозь деревья туда, где выше по склону холма бежал человек. Березы и сосны покрывали холм только до половины, и мальчишки понимали, что Тэмучжин вскоре окажется на виду, пока не перевалит через гребень и не нырнет в долину, где снова начинался лес. Они не знали, сможет ли старший брат спастись от преследователей, но сейчас испытывали облегчение при мысли, что воины Илака оставили их.

– Что теперь? – спросил Хасар, обращаясь, скорее, к себе самому.

Невзирая на боль, которая словно вгрызалась ему в ногу, Хачиун попытался сосредоточиться. Волнами накатывала слабость, и он изо всех сил старался не потерять сознание.

– Теперь вытащим стрелу, – шепнул он, скривившись при этой мысли.

Мальчишки видели, как это делается, когда мужчины племени возвращались после набега. Рана была чистой, кровотечение уменьшилось до слабой струйки. Хасар сгреб с земли ком листьев, чтобы Хачиун закусил его. Сунул грязный ком брату в рот и схватился за древко стрелы, ловко сломал его, а затем вытащил обломок с острием. У Хачиуна закатились глаза, с губ невольно сорвался тихий стон, и Хасар зажал ему рот, не давая дышать. Быстрыми, точными движениями он отхватил полоску от своего кушака и перевязал ногу.

– Обопрись о мое плечо, – велел Хасар, поднимая Хачиуна на ноги.

Младший брат был в полуобморочном состоянии, но листья выплевывал, и Хасар ждал от него решения, что делать дальше.

– Они вернутся, – сказал Хачиун, приходя в себя. – Приведут остальных. Если мы потопимся, то успеем взять коней и добраться до второй стоянки.

Хасар помог Хачиуну сесть на коня Толуя и вложил ему в руки повод. Они отправились туда, где вместе с младшими укрылась мать. Тэмучжин предусмотрительно подготовил запасное жилище, и сейчас Хасар мысленно благодарил брата за это. С давних пор воины Илака преследовали их в ночных кошмарах. Угроза нападения заставляла Тэмучжина постоянно думать, как защитить семью. От одной мысли, что надо возвращаться в ту темную лощину в холмах, где они провели свои первые ночи после ухода племени, Хасару становилось тошно. Но Тэмучжин настаивал, чтобы они поставили здесь маленькую юрту, однако они и подумать не могли, что она понадобится так скоро. Они опять будут одни, и охота на них начнется снова.

Пока они ехали, Хасар молился, чтобы Тэмучжину удалось уйти от преследователей. Когда старший брат вернется, он сразу решит, что делать дальше. Мысль, что тот может погибнуть, была так ужасна, что Хасар не смел и думать об этом.

Тэмучжин бежал, пока ноги не стали подкашиваться, а голова кружиться при каждом шаге. Поначалу у него хватало сил бежать, преодолевая все попадавшиеся на пути препятствия, но когда слюна во рту стала тягучей и горькой, а силы иссякли, он мог только идти, спотыкаясь, исхлестанный ветками и исцарапанный шипами.

Хуже всего было перебираться через гребень холма, голый, как речной камень. Толуй и Басан пускали в него стрелы, и Тэмучжин вынужден был передвигаться почти шагом, чтобы как-то заставлять усталое тело уклоняться от стрел. Они почти нагнали его на открытом пространстве, но затем он снова оказался среди старых деревьев. Его шатало, перед глазами все плыло, дыхание обжигало глотку, но он продолжал упорно двигаться вперед.

Лук он потерял, когда тот зацепился за ветку шиповника, да так крепко, что у юноши не хватило сил сдернуть его. Пришлось бросить. Тэмучжин проклинал себя за то, что не снял тетиву или хотя бы не перерезал ее. Теперь он не сможет отбиться, если враги его настигнут. Против Толуя нож не поможет.

Убежать от преследователей ему не удастся. Лучшее, что он может сделать, – найти укрытие. Продираясь сквозь кусты, Тэмучжин высматривал место, где он мог бы спрятаться. Горло сжалось от страха, но прочистить его юноша никак не мог. Оглянувшись, он увидел двоих мужчин, напористо пробиравшихся между деревьями. Они сняли тетиву с луков. Отчаяние охватило Тэмучжина. Он и не думал, что придется бежать так далеко и так долго. И что теперь толку жалеть, что не припас в тайнике по дороге оружия или не устроил волчьей ямы. Его тяжелое дыхание сменилось бормотанием, а потом хрипом, каждая частичка тела молила о передышке. Он не знал, далеко ли забрался. Солнце все еще висело над головой, и он мог только бежать вперед, пока сердце не лопнет или стрела не вонзится в спину.

Дорогу преградил узкий ручеек. Тэмучжин поскользнулся на мокром камне и упал в ледяную воду. Это вывело его из полубоморочного состояния. В мгновение ока он выбрался из ручья и помчался дальше. Сознание прояснилось. На бегу он прислушивался и считал шаги, пока не услышал, как Толуй вбежал в воду. Пятьдесят три шага. Расстояние, которое легко покрыть и загнать его как оленя, если он позволит им сделать один чистый выстрел. Он поднял голову и собрал всю свою волю, чтобы двигаться дальше. Тело готово было сдаться, но Тэмучжин помнил, что Есугэй говорил ему: воля может держать человека на плаву, даже когда слабая плоть сдастся.

Внезапно перед ним открылся распадок, и юноша исчез из поля зрения преследователей, нырнув в заросли у старых берез. Шиповник был здесь в человеческий рост, и Тэмучжин, не задумываясь, врезался в него и стал продираться сквозь колючие кусты, заползая все глубже и глубже под их тенистую защиту. Он впал в отчаяние и был близок к тому, чтобы сдаться, но тут дневной свет потускнел, и Тэмучжин свернулся клубком и затаился.

Легкие требовали воздуха, но Тэмучжин заставил себя не шевелиться. Пот выступил на лбу. Подросток чувствовал, что лицо его горит, а руки дрожат, но он напряг мускулы вокруг рта, чтобы втягивать и выдыхать воздух лишь тонкой струйкой – это все, что он мог себе позволить.

Он слышал, как мимо с шумом протопали, перекликаясь, Толуй и Басан. Они недалеко уйдут и вернутся, как только поймут, что он спрятался. В этом Тэмучжин был уверен. А ему хотелось лишь одного – закрыть глаза и провалиться в темноту, но он использовал драгоценное время, чтобы заползти еще глубже в темные заросли. Шипы раздирали кожу, но он не кричал, а только протискивался все дальше, пока ветки не отпускали его. Эти царапины – ничто по сравнению с угрозой быть схваченным.

Тэмучжин заставил себя прекратить бессмысленное продвижение. Сначала он не мог думать ни о чем, кроме темноты и безопасности, как преследуемое животное. Будучи сыном своего отца, он сознавал, что шорох выдаст его, если он не остановится. Эта часть его «я» наблюдала за ним с холодным презрением и приказывала взять себя в руки. Голос Толуя заставил его замереть, и Тэмучжин закрыл глаза, почувствовав странное облегчение. Он сделал для своего спасения все, что мог.

– Спрятался, – ужасающе близко послышался голос Толуя.

Видимо, воины вернулись по своим следам, как только потеряли его.

Дикая боль в груди пронзила Тэмучжина, и он зажал руками рот, чтобы даже случайный крик не выдал его. Он сосредоточился, представив отца в юрте, снова увидев, как того покидает жизнь.

– Мы знаем, ты слышишь нас, Тэмучжин, – тяжело дыша, крикнул Толуй.

Он пробежал слишком много, но был крепок и здоров и быстро восстанавливал силы.

Тэмучжин лежал, прижавшись щекой к прошлогодним листьям, вдыхая их прелый запах. Он понимал, что в темноте сможет ускользнуть от них, но до заката еще далеко, а как переждать день, он не знал. Тэмучжин ненавидел преследующих его людей, ненавидел так страстно, что, казалось, они вот-вот почувствуют исходящую от него ненависть.

– Где твой братец Бектер? – снова крикнул Толуй. – Нам нужны только вы двое!

Тут Тэмучжин услышал, как совсем другим тоном Толуй прошептал Басану:

– Он залег где-то рядом. Обыщи тут все и кликни меня, когда найдешь.

Этот жесткий голос придал Тэмучжину уверенности, и он взмолился Отцу-небу, чтобы оно поразило этого человека, сожгло его, ударом молнии разорвало на части, как некогда у него на глазах молнией разбило дерево. Отец-небо молчал, а может, вообще ничего не слышал, но мысль о кровавой мести снова распалила в сердце Тэмучжина ярость.

Дыхание юноши выровнялось, но сердце по-прежнему колотилось, и он едва сдерживался, чтобы не шевельнуться или не задышать шумно, полной грудью. Он слышал поблизости шаги, шорох листьев и треск ломающихся кустов. В окружавших его ветвях был просвет, и Тэмучжин уставился на него, глядя на движущиеся тени. К своему ужасу, он увидел в просвете сапог, а затем свет загородило чье-то лицо. Оскалившись, словно дикие псы, Тэмучжин и Басан, казалось, вечность смотрели друг на друга, но затем воин исчез.

– Я не вижу его, – крикнул Басан, уходя прочь.

На глазах Тэмучжина выступили слезы, в ушах стучала кровь. Все раны его изможденного тела, полученные во время мучительной погони, давали о себе знать. Он вспомнил, что Басан был верен Есугэю, и от нахлынувшего облегчения чуть не лишился сознания.

Вдалеке слышался голос Толуя, но Тэмучжин сейчас был наедине с собственным дыханием. Солнце опускалось за далекие, невидимые ему холмы, и над зарослями шиповника ступила темнота. Тэмучжин слышал, как перекликаются воины, но голоса раздавались будто бы вдалеке. Наконец усталость одолела его, обрушившись, словно внезапный удар, и он уснул.

Проснулся – и сразу увидел трепет пламени. Сначала Тэмучжин не мог понять, почему лежит, свернувшись, в таком густом шиповнике, что едва может пошевелиться. Страшно было застрять во тьме среди колючек, но он не знал, как выбраться. Был только один выход – ползти назад.

Наблюдая, как чертит огненные полосы факел, он заметил в золотом отблеске света лицо Толуя. Воин все еще искал его, и вид у него был мрачный и усталый. Несомненно, они проголодались так же сильно, как и он сам.

– Шкуру с тебя спущу, если сам не вылезешь! – вдруг заорал Толуй. – Заставишь искать всю ночь – в кровь изобью!

Когда огонь отодвинулся в сторону, Тэмучжин закрыл глаза и попытался расправить руки и ноги. В темноте Толуй не заметит дрожания ветвей. Юноша готовился снова бежать. Распрямил прижатые к груди ноги, чуть не застонав от облегчения. Все закочενело и затекло, и он решил, что боль, а не крики Толуя разбудила его.

Он растер сведенные судорогой ноги. Первый рывок должен быть молниеносным. Нужно только собраться с духом, а уж потом, в такой темноте, они его не найдут. Он знал, что семья перебралась в лощину среди холмов. Если ему удастся выдержать хороший темп, то доберется туда до рассвета. Толуй и Басан никогда не выследят его по сухой траве. Им придется уехать за

подмогой. Тэмучжин поклялся, что больше его никогда не поймают. Он увезет семью подальше от Волков Илака, он, его мать и братья начнут новую жизнь в безопасном месте.

Свет факела приблизился к его укрытию, когда он уже готов был подняться. Тэмучжин застыл. Он видел лицо Толуя. Казалось, тот смотрит прямо на него. Юноша не шевельнулся, даже когда воин начал пробираться к нему сквозь шиповник. Свет факела отбрасывал скользкие тени, и сердце Тэмучжина вновь заколотилось от страха. Он не осмеливался повернуть голову и посмотреть на Толуя, хотя пламя трещало уже прямо у его ног. Видимо, воин совал факел в заросли поглубже, чтобы проверить свои подозрения.

Почувствовав руку Толуя у своих щиколоток, Тэмучжин нанес удар ногой, но хватка воина была железной. И пока его выволакивали из кустов наружу, он успел выхватить из-за пояса нож и замахнуться с криком страха и гнева.

Толуй отшвырнул факел, схватил Тэмучжина и занес кулак. Огромная лапища вывернула руку с ножом, и юноша беспомощно задержался. Последнее, что он успел заметить, – опускающийся на него кулак. Потом его поглотила тьма.

Очнувшись, Тэмучжин увидел двух мужчин, гревшихся у костра. Его привязали к молодой березе. Ствол охлаждал спину. На губах запеклась кровь, и Тэмучжин облизал их, пытаясь разлепить запекшиеся губы. Руки были крепко связаны за спиной, и он даже не стал пробовать, прочны ли узлы. Ни один Волк не оставит свободных концов, до которых можно дотянуться пальцами. Тэмучжин понял, что сбежать не удастся, и мрачно уставился на Толуя, со всей силой своей ненависти желая тому смерти. Если бы хоть один бог услышал его, Толуй сгорел бы на месте.

А что думать про Басана, Тэмучжин не знал. Тот сидел, мрачно глядя на огонь. Еды они с собой не взяли, и ясно было, что они предпочитают провести ночь в лесу, а не тащить его к лошадям в крошечной тьме. В рот потекла кровь, и он закашлялся. Воины тотчас обернулись к нему.

Бычья морда Толуя засияла от удовольствия, когда он понял, что Тэмучжин очнулся. Толуй тут же вскочил. Басан у него за спиной покачал головой и отвел взгляд.

– Я же говорил, что найду тебя, – радостно сказал Толуй.

Тэмучжин посмотрел на молодого воина, которого помнил еще мальчишкой со слишком большими руками и ногами, и сплюнул кровь на землю. Толуй помрачнел и тут же выхватил нож. Тэмучжин заметил, что Басан при виде этого встал.

– Мой хан хочет получить тебя живым, – рявкнул Толуй, – но, может, в отместку за побег вырезать тебе глаз? Что скажешь? Или разрезать язык, как у змеи?

Он сделал движение рукой, словно собираясь схватить Тэмучжина за подбородок, и рассмеялся от удовольствия.

– Даже не верится, что твой отец был ханом, – продолжал Толуй, размахивая ножом перед лицом Тэмучжина. – Я все время наблюдал за тобой и Бектером, чтобы понять, что же в вас есть такого особенного, отчего вы лучше меня? – Он улыбнулся и помотал головой. – Я был слишком мал тогда. Ты не понимаешь, что делает одного человека ханом, а другого – рабом. А оно вот здесь! – стукнул он себя по груди, сверкая глазами.

Тэмучжин поднял брови: его уже утомило это бахвальство. От Толуя сильно несло прогорклым бараньим жиром, и когда Тэмучжин вдохнул этот запах, перед его глазами встало видение: орел, бьющий его крылами по лицу. Он вдруг почувствовал странную отстраненность, и страх ушел.

– Не здесь, Толуй. Не в тебе, – медленно проговорил Тэмучжин, поднимая твердый взгляд на угрожавшего ему огромного воина. – Ты тупой як, пригодный тяжести таскать.

Толуй ударил Тэмучжина по лицу, и голова его мотнулась. Второй удар был еще тяжелее, и на ладони Толуя появилась кровь. Во взгляде врага он видел злобу и жестокое торжество.

Неизвестно, прекратил бы Толуй избиение, если бы Басан не подошел сзади и не заговорил, испугав обоих.

– Оставь его, – негромко произнес Басан. – Мало чести в том, чтобы бить связанного. Толуй фыркнул, дернул плечом.

– Тогда он должен ответить на мой вопрос, – рывкнул он, повернувшись к Басану. Но тот промолчал, и сердце Тэмучжина упало. Басан больше ничем ему не поможет.

– Где Бектер? – гаркнул Толуй. – Я задолжал ему настоящую выволочку.

При упоминании имени Бектера в глазах Толуя появилось странное выражение, и Тэмучжин задумался: что же связывало этих двоих?

– Бектер мертв, – заявил он. – Мы с Хачиуном убили его.

– Правда? – изумился Басан, на мгновение забыв о Толуе.

Понимая, что между воинами напряженные отношения, Тэмучжин решил сыграть на этом и ответил, обращаясь напрямую к Басану:

– Зима была тяжелой, а он крал еду. Я принял решение, как и подобает хану.

Басан уже хотел было что-то сказать, но тут в разговор вмешался Толуй, опустив громадные ручищи на плечи Тэмучжина:

– А откуда мне знать, что ты не врешь, сопляк? Может, он уже подкрадывается к нам, и что с нами тогда будет?

Убеждать его бесполезно, понял Тэмучжин и приготовился к новым побоям. С бесстрастным выражением лица он только сказал:

– Береги себя, Толуй. Я хочу, чтобы ты был силен и здоров, когда приду за тобой.

Толуй разинул рот, не зная, расхохотаться или ударить беглеца. В конце концов он выбрал последнее, ударил Тэмучжина под дых, а затем начал избивать его, довольно похрюкивая от сознания собственной силы и наслаждаясь тем, что может сделать с человеком.

Глава 16

Толуй избил Тэмучжина снова, когда обнаружил исчезновение лошадей. Молодой воин так бесился и так проклинал сыновей Есугэя, что почти рассмешил Тэмучжина. Один неосторожный взгляд – и Толуй выместил на нем свое бешенство и разочарование. Басан вмешался, но усталость и побои взяли свое, и остаток дня Тэмучжин провалялся без сознания.

День, когда Толуй сжег построенные Тэмучжином и его братьями юрты, был теплым и ласковым. За их спиной в небо поднялись клубы черного дыма, и Тэмучжин один раз обернулся, чтобы запомнить все до последней мелочи и потом отплатить сполна. Он шел спотыкаясь за воинами. Его тянули за руки, связанные веревкой.

Толуй сказал Басану, что коней они заберут у бродяг, на которых наткнулись во время поисков семьи Есугэя. Но когда после трудного дня они достигли того места, где стояли юрты, то увидели только круг почерневшей травы. Тэмучжин скрыл усмешку. Он знал, что старый Хорхуз разнесет весть среди бродячих семей и сам откочует подальше от жестоких воинов. Может, эти семьи и не были племенем, но одиночество и торговля связывали тех, кто был слаб. Весть о возвращении Волков разнесется быстро и далеко. Решение Илака вернуться на земли у красной скалы разойдется как круги по воде. Все племена в пределах ста дней пути узнают об этом и зададутся вопросом: друзья им Волки или враги? Люди вроде старика Хорхуза, прозябающие без защиты могучих родов, будут держаться еще более настороженно, обеспокоенные нарушением привычного порядка. Мелкие собаки всегда разбегаются при приближении волков.

Впервые Тэмучжин смотрел на мир с другой стороны. Ему бы возненавидеть племена за то, как они передвигаются по степям, разгоняя людей, но вместо этого он мечтал, чтобы однажды именно он, Тэмучжин, заставил людей разбегаться. Он был сыном своего отца, и

ему трудно было считать себя скитальцем без роду-племени. Где бы ни был Тэмучжин, в нем по праву текла кровь ханов Волков. Отказаться от этого значило бы предать отца и прекратить собственную борьбу за существование. Тэмучжин все время помнил, что однажды станет ханом, и эта мысль помогала ему жить.

Сейчас, когда у него не было ничего, кроме жалкой речушки, чтобы напиться, и никаких надежд на свободу, он чуть не рассмеялся при этой мысли. Сначала надо избежать той участи, что приготовили ему Илак с Толуем. Тэмучжин, привязанный веревкой, спотыкался и бредил на ходу. Он решил рвануться вперед и затянуть петлю на горле Толуя, но могучий воин постоянно следил за ним. И даже если бы подвернулся удобный момент, то вряд ли Тэмучжину хватило бы сил сломать мощную шею воина.

Толуй был необычно молчалив. Разве мог он предположить, что будет возвращаться только с одним сыном хана, причем не со старшим, что у него угонят прекрасных коней и он потеряет Унэгена. Не будь у них пленника, набег можно было бы счесть полным провалом. Толуй внимательно следил за пленником, страшаясь, что тот каким-то образом улизнет и оставит его ни с чем, кроме позора. Когда наступала ночь, Толуй постоянно вскакивал и проверял веревки. И каждый раз видел, что Тэмучжин не спит и смотрит на него со скрытой насмешкой. Сын Есугэя тоже думал о том, как они придут в племя Волков, и радовался, что его младшие братья лишили Толуя возможности похвалиться новым подвигом перед Илаком. Для гордого любимца хана вернуться пешком было страшным унижением, и не будь Тэмучжин так избит и беспомощен, он позлорадствовал бы, глядя на мрачное возвращение Толуя.

Без припасов, оставшихся в седельных тюках, они оголодали. На второй день Басан остался охранять Тэмучжина, а Толуй взял лук и направился к деревьям на вершине холма. Это был как раз тот случай, которого так долго ждал Тэмучжин, и Басан понял все прежде, чем тот успел открыть рот.

– Я не отпущу тебя. Даже не проси, – отрезал он.

Грудь Тэмучжина опала, словно вместе с воздухом из нее вышла надежда.

– Но ты же не сказал ему, где я прятался, – прошептал Тэмучжин.

Басан вспыхнул и отвел взгляд:

– Я сделал то, что должен был сделать. Дал тебе шанс в память о твоём отце, но Толуй все равно нашел тебя. Не будь тогда так темно, он понял бы, что я сделал.

– Только не он. Он дурак, – заявил Тэмучжин.

Басан усмехнулся. Толуй не только возвысился среди Волков, но и прославился дурным нравом. Давно уже никто не осмеливался вслух плохо отзываться о нем, даже если его и не было поблизости. Но сейчас Тэмучжин напомнил Басану, что мир не ограничивается племенем Волков. Когда воин заговорил снова, в его голосе звучала горечь.

– Говорят, Волки сильны. Да, мы сильны такими, как Толуй. Илак набрал себе в ближние воины новых людей, людей без чести. Он заставляет становиться перед ним на колени. Если кто-то из нас рассмешит его, или привезет с охоты оленя, или разорит чужую семью, он швырнет ему бурдюк черного арака, как кость в награду собаке. – Басан с тоскою посмотрел на далекие холмы, вспоминая иные времена. – Твой отец никогда не заставлял нас становиться на колени, – тихо сказал он. – Будь он жив, я не раздумывая отдал бы за него жизнь. Он никогда не заставлял меня чувствовать себя каким-то... не совсем человеком.

Для молчаливого воина это была долгая речь, и Тэмучжин слушал не перебивая. Он понимал, как важно иметь Басана в союзниках. Больше среди Волков у него никого не было. Он мог бы опять попросить о помощи, но Басан говорил все это не просто так. Его понимание чести означало, что он не сможет отпустить Тэмучжина теперь, когда они его схватили. И Тэмучжин смирился с этим, хотя открытая степь манила его. Хотелось убежать как можно дальше от поганой смерти, которую приготовил ему Илак. Подросток понимал, что второй раз ждать милости бесполезно, особенно когда положение Илака так крепко. Когда Тэмучжин

заговорил, он тщательно подбирал слова, чтобы Басан запомнил только их и не вспоминал о его мольбе.

– Мой отец был рожден править, Басан. Он легко шел среди людей, которым доверял. Илак не столь... уверен в себе. Да и не может быть уверен. Я не прощу ему того, что он сделал, но понимаю его и понимаю, почему он окружил себя такими, как Толуй. Их слабость делает их жестокими, и зачастую именно такие люди становятся безжалостными воинами.

Тэмучжин увидел, как от его слов расслабился Басан. Они разговаривали на равных, словно один из них не был пленником другого.

– Может, как раз это Илак и заметил в Толуе, – задумчиво продолжал Тэмучжин. – Я не видел Толуя в набеге, но, может, в деяниях бешеной отваги он лишь топит свой страх.

Тэмучжин не сказал бы этого, если бы верил собственным словам. Толуй, каким он его знал, был хвастуном, который, поранившись, убегал с ревом. Под бесстрастной маской Тэмучжин прятал удовольствие: он увидел, как встревожился Басан, которому после его слов на ум явно пришли какие-то воспоминания.

– Твой отец никогда не приблизил бы его, – покачал головой Басан. – Величайшей честью для меня было быть избранным Есугэем. Это значит больше, чем иметь силу и доспехи, чем нападать на слабые семьи и угонять их стада. Это значило... – Он помотал головой, прогоняя воспоминания.

Тэмучжин хотел, чтобы воин и дальше шел по этой тропе, но не осмеливался на него давить. Долгое время они молчали, затем Басан вздохнул.

– Рядом с твоим отцом я чувствовал гордость, – пробормотал он, обращаясь, скорее, к самому себе. – Мы несли смерть тем, кто нападал на нас, но никогда не мстили одиноким семьям. Никогда не мстили Волкам. Илак сделал так, что теперь мы с важным видом сидим в доспехах по юртам, но не валяем войлока, не объезжаем новых коней. Мы разжирили на подачках и обленились. Молодые не знают иной жизни, но я в юности был поджарым, сильным, уверенным в себе. Помню, как мы с Есугэем совершали набег на татар.

– Значит, ты все же чтить его память, – шепнул Тэмучжин, тронутый добрыми словами.

Лицо Басана стало бесстрастным, и сын Есугэя понял, что сегодня не услышит больше ни слова.

Толуй вернулся довольный, с двумя сурками на поясе. Они с Басаном испекли их, набив тушки раскаленными камнями. От запаха жареного мяса рот Тэмучжина наполнился слюной. Толуй разрешил Басану бросить Тэмучжину объедки, и тот тщательно обглодал косточки, понимая, что силы еще понадобятся. Толуй забавлялся, дергая веревку каждый раз, когда Тэмучжин подносил пищу ко рту.

Когда они снова пустились в путь, Тэмучжину пришлось бороться с усталостью и болью в натертых веревками запястьях. Он не жаловался, так как знал, что Толуй будет рад увидеть его слабость и что ханский любимчик скорее убьет его, чем даст сбежать, да Тэмучжин и не допускал такой возможности. Мысль о встрече с Илаком терзала страхом его пустое нутро. Наступил вечер. Толуй вдруг остановился, заметив что-то вдалеке. Тэмучжин прищурился, глядя против закатного солнца, и его охватило отчаяние.

Старый Хорхуз не успел далеко откочевать. Тэмучжин узнал его пегого коня и повозку, нагруженную небогатым семейным скарбом. Перед ними семенило маленькое стадо коз и овец. Ветер далеко разносил их блеяние. Наверное, Хорхуз и не понимал, какая опасность ему грозит. Тэмучжин с болью подумал, что старик, судя по всему, остался здесь из-за семьи Есугэя, с которой успел подружиться.

Хорхуз не был глупцом. Он не стал приближаться к пешим воинам, но, когда обернулся, они увидели, как он бледен. Тэмучжин молился, чтобы старик уезжал как можно быстрее и дальше.

Однако ему ничего не оставалось, как томиться в тоскливом ожидании. Толуй бросил Басану веревку, снял с плеча лук и быстрым шагом, стараясь, чтобы Хорхуз не увидел лука, направился к нему и его семье. Этого Тэмучжин не мог вынести. Он рванул веревку так, что Басан крутанулся на месте, вскинул руки и в отчаянии замахал старику, чтобы тот понял – надо бежать отсюда.

Глядя на идущего к нему одинокого человека, Хорхуз в нерешительности повернулся в седле. Он заметил Тэмучжина, но было слишком поздно. Толуй уже успел подойти на расстояние выстрела и натянул лук. И прежде, чем Хорхуз успел крикнуть жене и детям, Толуй выпустил стрелу.

Это был легкий выстрел для человека, привыкшего бить на полном скаку. Хорхуз ударил коня пятками, но усталый конь не мог быстро умчаться. Басан и Тэмучжин следили за полетом стрелы. Толуй выстрелил снова. Стрела словно зависла в темном воздухе, а человеческие фигуры двигались слишком медленно.

Стрела вонзилась в спину Хорхузу, и конь его в ужасе встал на дыбы. Даже с такого расстояния Тэмучжин увидел, как его старый друг дернулся и взмахнул руками. Вторая стрела вонзилась в войлочное седло, когда Хорхуз уже соскользнул наземь и остался лежать на зеленой траве грудой темного тряпья. Тэмучжин зажмурился, услышав, как ударила вторая стрела. Толуй торжествующе взревел и пустился бегом с луком наготове. Он приближался к перепуганной семье, как волк к стаду коз.

Жена Хорхуза перерезала гужи, вырвала стрелу из седла, забросила в седло двоих сынишек. Она, может, и заставила бы животное пуститься в галоп, но Толуй что-то кричал ей и потрясал луком. Боевой дух тотчас покинул ее, и она, будто подкошенная, упала на землю.

Тэмучжин в ужасе смотрел, как Толуй подходит к женщине и беспечно достает новую стрелу.

– Нет! – воскликнул Тэмучжин.

Но Толуй развлекался. Первая стрела вошла женщине в грудь, а затем воин перебил вопящих детишек. Сила выстрела смела их с седла, и они распростерлись на пыльной земле.

– Что они сделали ему, Басан? Скажи – что? – кричал Тэмучжин.

Басан в легком удивлении посмотрел на него. Глаза его были темны и равнодушны.

– Они же не наши. Ты оставил бы их умирать от голода?

Тэмучжин отвел взгляд от Толуя, ногой отбросившего с дороги тело ребенка, мешавшее подойти к коню. Он понимал, что стал свидетелем преступления, но не мог выразить это словами. Между его семьей и Хорхузом не было кровной связи или браков. Они не были Волками.

– Он убивает как трус, – сказал Тэмучжин, тщательно подбирая слова. – А с вооруженными мужчинами он так же радостно бьется?

Басан нахмурился, и Тэмучжин понял, что попал в точку. Семья Хорхуза не пережила бы зиму, это правда. Есугэй, наверное, приказал бы сделать то же самое, но с печалью в душе и понимая, что в суровых краях это почти милосердие. Тэмучжин хмыкнул, когда Толуй подъехал к ним. Жалкий человечешка, несмотря на свое огромное тело и силу. Он убил всю семью, чтобы утолить свое разочарование, и теперь улыбался тем, кто его ждал. Тэмучжин возненавидел его и в душе дал себе клятву поквитаться с ним, но с Басаном больше не разговаривал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.